

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ НИДЕРЛАНДИСТОВ

Нидерланды и Бельгия: история, язык, идентичность

Под редакцией Л.Е. Шишулиной, П.В. Осколкова

Издательство «Ключ-С»
Москва, 2019

УДК [811+908+94](492+493)(082)
ББК 26.89(4Бел)(4Нид)я43
Н60

Нидерланды и Бельгия: история, язык, идентичность /
Н60 Восточноевропейская ассоциация нидерландистов ; под ред.
Л.Е. Шишулиной, П.В. Осолкова. – Москва : Ключ-С, 2019. –
172 с.

ISBN 978-5-6043795-1-6

Издание включает в себя статьи филологов, философов, политологов из России, Нидерландов, Беларуси, Грузии, Армении, посвящённые актуальным проблемам истории, языка, литературы и исследований идентичности Нидерландов и Бельгии. В основу сборника легли доклады, сделанные авторами на 5-м региональном colloquium Восточно-европейской ассоциации нидерландистов (ВЕАН) в Минске (Беларусь) в 2016 г. и на 6-м colloquium ВЕАН в Тбилиси (Грузия) в 2018 г.

УДК [811+908+94](492+493)(082)
ББК 26.89(4Бел)(4Нид)я43

Dit boek kon verschijnen
dankzij de steun van de Nederlandse Taalunie.

ISBN 978-5-6043795-1-6

© Восточноевропейская ассоциация
нидерландистов, 2019
© Оформление. Издательство «Ключ-С», 2019

DOCENTENPLATFORM OOST-EUROPESE NEERLANDISTIEK

Nederland en België: geschiedenis, taal, identiteit

Onder redactie van
Larisa Shishulina en Petr Oskolkov

Uitgeverij Kluch-S
Moskou, 2019

The Netherlands and Belgium: history, language, identity / ed. by L. Shishulina & P. Oskolkov. – Moskou, Kluch-S, 2019. – 172 p.

ISBN 978-5-6043795-1-6

This book comprises the articles dedicated to the different aspects of history, language, literature and identity studies of the Netherlands and Belgium, written by Russian, Dutch, Belarusian, Georgian and Armenian philologists, philosophers and political scientists. The collection of articles is based on the presentations made by the authors in the framework of the 5th colloquium of East European Association for Low Countries Studies (DOEN) in Minsk in 2016 and of the 6th colloquium of DOEN in Tbilisi in 2018.

UDC [811+908+94](492+493)(082)

Dit boek kon verschijnen dankzij de steun van de Nederlandse Taalunie.

ISBN 978-5-6043795-1-6

© Docentenplatform Oost-Europese
Neerlandistiek, 2019
© Opmaak. Uitgeverij Kluch-S, 2019

Содержание

Предисловие	7
История и идентичность	
<i>Shishulina L.</i> Interculturele communicatie: van theorie naar praktijk	9
<i>Pkhakadze N.</i> Prins van Georgië in de Anglo-Boerenoorlog en zijn boek “Bij de Boeren”	26
<i>Рабкина Н.В.</i> Архитектор Йоханнес ван Лохем: дома для рабочих эпохи перемен	31
<i>Осколков П.В.</i> Социальное измерение этнорегионального конфликта в Бельгии	44
<i>Lohmann B.Th.</i> Nederlands piëtistisch Calvinisme: Taal, moderniteit en individuatie	53
Язык	
<i>Ziaziulchyk Dz.</i> De verdringing van de Nederlandse taal door het Engels in het hoger onderwijs	68
<i>Pavlovskaya K.</i> De verengelsing van de Nederlandse taal en het bijbehorende taalbeleid	71
<i>Мезина И.С., Нечай Е.В.</i> Особенности официально- делового стиля нидерландского языка на примере юридических документов и способы их перевода	79
<i>Павлова Л.П.</i> О некоторых проблемах изучения артикла на занятиях по нидерландскому языку	82
<i>Терешко Е.В.</i> Опыт идеографического описания нидерландских фразеологических единиц с зооморфным компонентом	90
<i>Tereshko E.</i> De geschiedenis van fraseologisch onderzoek naar het Nederlands	110
<i>Яковлева А.А.</i> Концептуализация пространства в нидерландской языковой картине мира	119

Литература

- Михайлова И.М.* Самый значительный, самый известный, самый талантливый, самый популярный, самый переводимый, самый любимый... О выборе авторов при написании «Истории нидерландской литературы от лиса Рейнарда до Сна богов»..... 127
- Stepanenko Ye.* Harry Potter: verkozen, vertaald, vernederlandst..... 137
- Ghratyan S.* Joseph Pearce “Vaderland”. De Armeense vertaling..... 143

Взгляд со стороны

- Красова О.Е.* Страны Бенилюкс и Дания. Языковое взаимодействие в диахроническом аспекте..... 148
- Шишкин В.Н., Шишкина Т.А.* Культуры и поведение. Граждане стран Бенилюкс глазами финнов 154
- Дианина С.Ю., Катусева Е.К.* Нидерланды и Швеция: взгляд друг на друга в контексте современности..... 163

Предисловие

История, язык и идентичность любого народа, любой страны тесно взаимосвязаны: ведь история определяет особенности формирующейся на той или иной территории идентичности, а идентичность неизбежно отражается в языке. Нельзя изучать язык, не зная истории, не опираясь на идентитарные нарративы; также нельзя в полной мере изучить историю страны и познать её идентичность, не зная языка. Тексты, собранные в настоящем издании, посвящены этим трём неразделимым аспектам изучения общества и культуры Нидерландов и Бельгии.

Восточноевропейская ассоциация нидерландистов уже 12 лет объединяет исследователей нидерландского языка, нидерландской и фламандской истории и культуры из самых разных уголков постсоветского пространства – от Кемерово до Еревана, от Тбилиси до Пскова и Минска. При поддержке Нидерландского языкового союза члены ВЕАН каждые два года собираются на коллоквиуме в одном из университетов, где изучается нидерландский язык, и представляют друг другу и всему исследовательскому сообществу результаты своих исследований. За последние три года нидерландисты постсоветского пространства собирались в формате подобного коллоквиума дважды: в Минске в 2016 году и в Тбилиси в 2018 году. На основе докладов, сделанных членами ВЕАН в этих гостеприимных городах, и было собрано настоящее издание. Среди авторов статей как филологи, так и политологи, философы, культурологи, исследующие не только нидерландский язык *per se*, но и политическую систему, исто-

рию, экономику, право региона Бенилюкс. Участники представляют самые разные научные центры, города и страны: МГИМО МИД России (Москва), Государственный университет Ильи (Тбилиси), Кемеровский государственный университет, Минский государственный лингвистический университет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Ереванский государственный университет языков и социальных наук им. В.Я. Брюсова. Особенный интерес для нидерландистов могут представлять статьи наших коллег, изучающих языки и историю Швеции, Дании и Финляндии: в этих статьях представлен своеобразный «взгляд со стороны» на объект многолетнего пристального исследования членов ВЕАН.

В целом мы надеемся, что данный сборник внесёт свой вклад в нидерландистику на постсоветском пространстве, и желаем приятного чтения!

ИСТОРИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ GESCHIEDENIS EN IDENTITEIT

Interculturele communicatie: van theorie naar praktijk

Шишулина Лариса Евгеньевна

старший преподаватель кафедры стран Северной Европы и Балтии
МГИМО МИД России, Москва
e-mail: lshishulina@mail.ru

Larisa Shishulina

Senior Lecturer at the Department of North European and Baltic languages,
MGIMO University, Moscow

Samenvatting. *In dit artikel staat interculturele communicatie centraal: interactie tussen personen met verschillende culturele achtergronden waarbij gestreefd wordt naar maximaal effectieve communicatie.*

In het inleidende theoretische gedeelte wordt inzichtelijk gemaakt dat taal altijd bestaat in een bepaalde culturele context en dat ieder taaldrager tevens drager is van een cultuur. Het is daarom van essentieel belang zich bewust te zijn van deze culturele verschillen die zich onder meer uiten in taal en omgangsvormen en deze te onderzoeken. Culturele verschillen komen bovenal tot uiting in wereldbeeld en referentiekader. In dit artikel ligt de focus op verschillen tussen Russen en Nederlanders. Wil men voorkomen dat er miscommunicatie ontstaat doordat cultuurverschillen niet in aanmerking worden genomen, is het noodzakelijk dat de eigen cultuurgebonden normen en waarden worden geanalyseerd.: het kennen van de eigen cultuur dient als kader voor het interpreteren van andere culturen. Voorts moet men zich verdiepen in de normen en waarden van de andere cultuur om in de realiteit om te kunnen gaan met de verschillen die deze analyses blootleggen. Taal, denken en cultuur vormen één geheel en kunnen niet afzonderlijk functioneren. Bij interculturele communicatie krijgt men bovenal te maken met een ander wereldbeeld. De wereld kan in drie hoedanigheden worden ingedeeld: de reële wereld, het cultuurbepaalde wereldbeeld en het talige wereldbeeld. Taal is niet alleen een spiegel waarin automatisch al het omringende

weerspiegeld wordt, maar een prisma waardoor het individu, drager van een andere cultuur, naar de wereld kijkt. Dit verschijnsel leidt ertoe dat een en hetzelfde verschijnsel heel anders worden waargenomen of geïnterpreteerd. Cultuurverschillen in taal hebben tevens consequenties voor tekstconstructies in de afzonderlijke talen. In het tweede deel van het artikel worden concrete culturele verschillen tussen Rusland en Nederland geanalyseerd, waarin wordt geïllustreerd hoe verschillen in taal en cultuur aanleiding kunnen geven tot miscommunicatie.

Trefwoorden: *interculturele communicatie, cultuurverschil, wereldbeeld, referentiekader, linguïstiek, culturele antropologie, linguïstische antropologie, cultureel-linguïstische antropologie*

Intercultural communication: moving from theory to practice

Abstract. *This article discusses intercultural communication: interaction between individuals with different cultural backgrounds, aiming at an effective communication.*

The theoretical part unfolds how language cannot but exist in a specific cultural context and that every individual speaker of a language is a bearer of a certain culture. Therefore it is of great importance to be aware of cultural differences expressing themselves mainly through language and etiquette, and explore these. Cultural differences reveal themselves above all in world view and frame of reference. In order to avoid miscommunication when cultural differences are being neglected, it is crucial that one's own standards and value system be analysed: the knowledge of one's own culture serves as a framework for interpreting others. Further one needs to examine the standards and value system of the other culture and analyse them in order to deal with the dissimilarities disclosed by analysis. Language, thought and culture compose a whole and cannot function separately. When dealing with intercultural communication, one is in fact dealing with differences in world view. The conception of the world can be divided into three hypostases: the real world, the world view determined by culture and the world view expressed by language. Language is not simply a mirror in which all that surrounds us is being reflected automatically, but rather a prism through which the individual, being the bearer of a specific culture, looks at the world. This circumstance results in distinctly different observations or

interpretations of one and the same phenomenon, e.g. colours. Cultural differences expressed in language also affect text structures of the languages concerned. The second part of the article focusses on the cultural differences between the Russians and the Dutch and analyses these. Concise examples illustrate how dissimilarities in language and culture may cause miscommunication.

Keywords: *intercultural communication, differences in culture, worldview, frame of reference, linguistics, cultural anthropology, linguistic anthropology, cultural-linguistic anthropology*

Inleiding

Niet alleen verschillen in taal, maar ook cultuurverschillen zijn van grote invloed op de communicatie. Het beheersen van de taal op zich blijkt in de praktijk onvoldoende te zijn om probleemloos en effectief met anderen te communiceren. Vaak realiseren we ons niet dat verschillende mensen heel verschillende betekenissen toekennen aan woorden, maar ook onze gebaren, mimiek en reacties kunnen heel anders worden geïnterpreteerd door iemand die uit een andere cultureel-antropologische context komt. Vaak heeft dit grote gevolgen voor de effectiviteit van de communicatie; soms kunnen de cultuurverschillen zelfs leiden tot miscommunicatie¹. We zullen ons rekenschap moeten geven van het bestaan van cultuurverschillen en proberen rekening te houden met deze verschillen. Hiervoor is het van wezenlijk belang dat we ons eerst bewust worden van onze eigen cultuur, de met haar verbonden normen en waarden, en met onze eigen mentaliteit: onze manier van voelen en denken. We zijn immers gewend ons eigen gedrag als 'normaal' te beschouwen en dat van iemand uit een andere cultuur als 'afwijkend'. Behalve mentaliteit is er nog een ander kernbegrip die in dit discours van groot belang is: het referentiekader [Fomina 2011]. Hoe wordt in een cultuur naar de wereld gekeken en welke betekenis wordt aan die wereld, aan de werkelijkheid, gegeven? Al deze facetten vinden hun neerslag in wereldbeeld, waarden en omgangsvormen, maar bovenal in de taal en hoe taal gebruikt wordt. Immers, wereldbeeld, waarden en tradities worden gevat in taal, door taal overgedragen en door taal in stand gehouden. Deze essentiële aspecten liggen meestal niet aan de oppervlakte en

¹ http://globalizen.nl/wat_is_interculturele_communicatie.html. Bron geraadpleegd op 30 september 2019.

kunnen niet eigen worden gemaakt door grammatica en lexicon van een taal te leren. Zonder kennis van cultuurverschillen kan men echter geen communicatieve competentie hebben in een vreemde taal; de taal is dan een instrument dat niet doelmatig kan worden toegepast.

Volledigheidshalve moet er op gewezen worden dat cultuurverschillen niet alleen tussen culturen en landen bestaan, ze bestaan ook binnen culturen zelf. Aspecten als hoe iemand is opgevoed, uit welke sociale laag iemand komt, iemands opleidingsniveau en vrienden zijn bepalend voor subculturen die verschillen genereren tussen groepen binnen een en dezelfde cultuur [De Jong 2011]. Echter, in het bestek van deze verhandeling willen we ons beperken tot de meest globale en significante cultuurverschillen en dan in het bijzonder tussen Rusland en Nederland. De cultuurverschillen tussen Russen en Nederlanders zijn groot genoeg om aanleiding te kunnen geven voor miscommunicatie. We staan er meestal niet bij stil hoe ons eigen gedrag – verbaal en non-verbaal – wordt opgevat: wat kunnen we wél zeggen, wat wordt als bruskerend beschouwd? Vaak weten we al helemaal niet hoe we de taaluitingen en het gedrag van de ander moeten opvatten: voelen we ons terecht gebruskeerd of interpreteren we de taaluiting en het gedrag van de ander verkeerd?

Communicatieve vaardigheden in vreemde talen

De Raad van Europa heeft vijf elementen van communicatieve vaardigheden geformuleerd, waarbij men ervan uitgaat dat het doel van het leren van een vreemde taal het vormen van communicatieve competentie in een andere taal is. Dit betekent dat van de taalleerder de volgende vaardigheden worden verlangd:

1. linguïstieke vaardigheden: een bepaalde vorm van formele kennis en vaardigheden bezitten (een bepaald lexicon, kennis van grammatica, fonetiek);

2. sociolinguïstieke vaardigheden: de juiste keuze kunnen maken uit taalvormen die in overeenkomst zijn met een specifieke context;

3. socioculturele vaardigheden: een dialoog van verschillende culturen kunnen voeren. Een dergelijke dialoog veronderstelt kennis van de eigen cultuur en de cultuur van het land of landen waarvan de taal geleerd wordt;

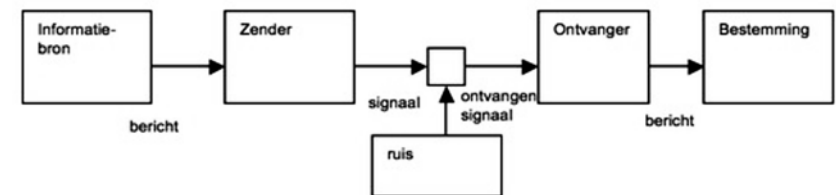
4. sociale vaardigheden: de bereidheid en de wens hebben om samen te werken met anderen en het vermogen om zichzelf te verplaatsen in de ander;

5. strategische en discursieve vaardigheden: het vermogen spraak op de juiste wijze te realiseren, haar logisch te ordenen, doelen stellen en realiseren door middel van taal.

Interculturele communicatie

Met deze term wordt communicatie tussen personen met verschillende culturele achtergronden bedoeld, het streven naar of bereiken van effectieve communicatie tussen personen met verschillende culturele achtergronden.

Bij effectieve communicatie gaat over het goed begrijpen van elkaar. Een eenvoudig, maar veelvuldig gebruikt model voor communicatie ziet er als volgt uit:

Communicatie begint bij een informatiebron, dat wil zeggen dat iemand iets te vertellen heeft; iemand heeft een bericht (een mening, informatie, een aanwijzing, etc.) voor iemand anders. De eerste stap die genomen wordt is het omzetten van dit bericht in een signaal dat via de zender verstuurd wordt. Dit kunnen beelden, woorden, een gebaar, of een symbool zijn. Het signaal wordt vervolgens door de ontvanger weer omgezet naar een bericht, dat vervolgens de plaats van bestemming (de persoon voor wie het bericht bedoeld is) bereikt.

Het risico op misverstanden tijdens communicatie kan ontstaan op drie momenten:

1. Op het moment van het omzetten van het bericht naar een signaal;
2. Op het moment dat er storing optreedt van het signaal;
3. Op het moment van omzetten van het signaal naar een bericht².

Intercultureel communiceren gaat over het overbruggen van verschillen in het coderen en interpreteren van een bericht.

David Pinto draagt in zijn boek over interculturele communicatie een Drie Stappen Methode aan die interculturele communicatie moet

² http://globalizen.nl/wat_is_interculturele_communicatie.html. Bron geraadpleegd op 30 september 2018.

vergemakkelijken [Pinto 2007]. Hij pleit ervoor eerst de eigen cultuurgebonden normen en waarden te analyseren – de eerste stap. Het kennen van de eigen cultuur dient als kader voor het interpreteren van andere culturen. De tweede stap is het zich verdiepen in de normen en waarden van de andere cultuur. De derde stap bestaat in het leren omgaan met de verschillen die deze analyses blootleggen.

Wereldbeeld

Taal, denken en cultuur vormen feitelijk één geheel en kunnen niet afzonderlijk functioneren. Begrippen als mentaliteit en referentiekader zijn nauw verbonden deze drie begrippen. Gezien deze omstandigheid kan de wereld die de mens omringt in drie hoedanigheden worden voorgesteld:

1. De reële wereld;
2. Het cultuurbepaalde wereldbeeld (het begrippenapparaat);
3. Het talige wereldbeeld.

De reële wereld is de objectieve werkelijkheid die onafhankelijk van de mens bestaat; dit is de wereld die de mens omringt.

Het cultuurbepaalde wereldbeeld (het begrippenapparaat) is de afspiegeling van de reële wereld door het prisma van begrippen. Deze worden geformeerd gedurende de periode waarin de mens kennis krijgt van de wereld op basis van zowel individuele als collectieve ervaring. Dit wereldbeeld is specifiek voor elke cultuur. Het ontstaat in bepaalde natuurlijke, historische en sociale omstandigheden, waardoor het zich onderscheidt van het wereldbeeld, de mentaliteit en het referentiekader waarmee andere culturen zich identificeren [Maslova 2001; Fomina 2011].

Het talige wereldbeeld weerspiegelt de werkelijkheid door middel van het cultuurbepaalde wereldbeeld. Taal bepaalt de manier waarop haar sprekers de wereld ervaren. Dit wereldbeeld is nauw verbonden met het cultuurbepaalde wereldbeeld en bevindt zich hiermee in onophoudelijke wisselwerking [Maslova 2001; Gruševickaia, Popkov, Sadokhin 2003].

Het woord

Het woord is de basiseenheid van een taal. Het traject van de reële wereld naar een begrip en de uitdrukking van dit begrip in een woord is in elke taal en cultuur verschillend. Dit houdt verband met verschillende natuurlijke omstandigheden, alsmede met een specifieke sociale omgeving. Door deze omstandigheden heeft elk volk zijn eigen

geschiedenis en zijn eigen wereldbeeld dat door zijn taal en cultuur bepaald is.

Dit verklaart waarom een Rus bij het zien van een bepaalde kleur *twee* kleuren gewaarwordt – ‘sinii’ en ‘goluboi’ (resp. blauw en grijsblauw) – en een Nederlander maar één kleur ziet: blauw, waarbij ze beiden naar hetzelfde deel van het spectrum kijken. Waar een Engelsman twee voorwerpen ziet – ‘foot’ en ‘leg’, ziet de Rus maar één voorwerp: ‘noga’. En hoe moet de Russische zin ‘Женщина, Вы наступили мне на ногу!’ (‘Mevrouw, u bent op mijn voet gaan staan!’) vertaald worden? In het Nederlands zeggen we niet ‘u bent op mijn voet gaan staan’, we zeggen ‘u bent op mijn teen gaan staan’. Zo komt er in het Nederlands nog een voorwerp bij dat in het Russisch onbenoemd blijft, ook al bedoelen we hoogstwaarschijnlijk beiden hetzelfde.

De vraag hoeveel vingers iemand heeft, kan zo ook problematisch zijn: het Russisch maakt geen onderscheid tussen ‘vinger’ en ‘teen’, beide worden met één en hetzelfde woord aangeduid: ‘palec’. In het Russisch moet dan worden gespecificeerd of het om de hand of de voet gaat.

Zo reflecteert het woord niet het voorwerp zelf of het fenomeen uit de ons omringende wereld, maar geeft weer hoe dit voorwerp wordt gezien door het prisma van het specifieke wereldbeeld dat bestaat in iemands bewustzijn. Zodoende is taal in hoge mate bepalend voor het wereldbeeld van de mens. Eén en hetzelfde stukje werkelijkheid, één en hetzelfde begrip heeft in verschillende talen verschillende vormen die in taal uitgedrukt worden, volledig of minder volledig – afhankelijk van de filter die verschillende talen hanteren.

Wanneer we een vreemde taal leren, woorden uit die taal, maken we kennis met stukjes van een ander wereldbeeld die we proberen op één lijn te brengen met ons eigen wereldbeeld zoals onze moedertaal ons dat ingeeft. Maar vaak is dat bijna ondoenlijk: immers, met het eigenmaken van een vreemde taal maakt iemand zich tegelijk ook een andere wereld eigen, een andere cultuur, een andere manier van voelen en denken. Dit proces zou kunnen leiden tot wat een dubbele persoonlijkheid zou kunnen worden genoemd. Juist dit aspect levert dan ook aanzienlijke moeilijkheden op bij het bestuderen en verinnerlijken van een vreemde taal [Vereščagin, Kostomarov 2005].

Translator

Taal is meer dan alleen een spiegel waarin automatisch al het omringende weerspiegeld wordt, maar een prisma waardoor het individu

naar de wereld kijkt; dit prisma is in elke cultuur anders. Dit verschijnsel wordt onder meer bestudeerd door de linguïstiek. In Rusland worden de volgende richtingen in de linguïstiek ontwikkeld:

- Antropologie (kennis van land en volk);
- Linguïstische antropologie (kennis van land en volk in combinatie met linguïstiek);
- Cultureel-linguïstische antropologie (culturologie in combinatie met linguïstiek).

Dit zijn aan elkaar grenzende disciplines, maar ze worden onderscheiden in afzonderlijke kennisgebieden gezien de specifieke aard van hun onderzoeksobject. Deze disciplines vallen onder het brede scala van de toegepaste linguïstiek [Verhoeven 1998].

Een discipline als “kennis van land en volk” verschaft in hoge mate formele kennis. Waarmee is effectieve communicatie met een Nederlander geholpen als een buitenlander weet dat de Unie van Utrecht is gesloten op 23 januari 1579? Er is evenwel een bepaalde hoeveelheid formele kennis noodzakelijk van het land waarvan de taal bestudeerd wordt omdat het leren van de taal anders een bijna onmogelijke opgave wordt. Waar bevindt zich het Koninkrijk der Nederlanden en waar ligt Nederland?

Onderzoeksobjecten van de linguïstische antropologie en de cultureel-linguïstische antropologie zijn:

- De mens als talige persoonlijkheid;
 - Taal als een systeem waarin culturele waarden zijn vervat;
 - Cultuur als hoogste niveau van taal.
- Haar aandachtspunten zijn
- lexicon dat geen equivalent heeft in andere talen;
 - achtergrondlexicon;
 - fraseologismen;
 - spreekwoorden en zegswijzen;
 - rituelen en gewoonten die hun weerslag hebben gekregen in de taal;
 - stilistische structuur van de taal;
 - taalgedrag en taaletiquette.

Laten we een heel eenvoudig voorbeeld nemen – hoe men kennis met elkaar maakt. Bij een informele kennismaking zal een Rus normaal gesproken alleen zijn voornaam noemen. Een Nederlander echter zal in de regel of alleen zijn achternaam (dan heeft deze persoon een hogere status), of zijn voor- en achternaam noemen.

Taal is zodoende een translator van culturele informatie, van cultuur en van de mens, die deze cultuur creëert door taal te gebruiken.

Cultuurverschillen in taal: constructie van een Nederlandse tekst³

Cultuurverschillen uiten zich ook in hoe een mededeling in het Russisch en het Nederlands gestructureerd wordt: de structuur van een Nederlandse tekst onderscheidt zich van een Russische.

In het begin komt de essentie, de kwintessentie van datgene, waarover in de tekst gesproken wordt.

Dit is vooral belangrijk bij het uitdrukken van de houding ten opzichte van iets of iemand.

Voorbeeld:

Hoe vond jij de film?

Nederlander: Fantastisch!

Rus: Over het algemeen hou ik niet van zulke films omdat ... Maar deze film is fantastisch.

De bouw van een uitgebreide zin (met een bijzin):

1e positie (in het begin) conclusie/resultaat/gevolgen

2e positie (later) handeling, die hiertoe geleid heeft

Eenvoudig voorbeeld

Verontschuldigen van studenten als ze te laat komen op college:

‘Sorry dat ik te laat ben. Er was zoveel verkeer in de stad.’

‘Извините, такие пробки, (вот и опоздал).’

‘Wil je mee naar de film? Er draait daar een leuke film.’

‘Там фильм хороший идет. Давай сходим.’

Het begon te regenen. Piet ging naar huis.	Piet ging naar huis omdat het begon te regenen.	Начался дождь, и поэ- тому Пит пошел домой.
---	---	--

De studenten moet geleerd worden een Nederlandse tekst op de juiste wijze te structureren, waarbij ze gebruikmaken van voor handen zijnde informatie.

³ Onder ‘tekst’ kan in de moderne linguïstiek een taaluiting van willekeurige omvang worden begrepen.

Mentaliteit en nationale identiteit als onderdeel van de sociale identiteit

‘Mentaliteit’ of ‘ingesteldheid’ (België) kan geformuleerd worden als het denk- en gedragspatroon van een persoon of een sociale groep. De nationale identiteit is de collectieve identificatie met de natiestaat. Gezien het feit dat taal de uitdrukking van cultuur is door de mens, is het nodig ook de drager van de taal te bestuderen. Immers, het bewustzijn van iedere mens of groep mensen wordt gevormd door zowel de eigen ervaring, als van de ervaring van generaties, d.w.z. onder invloed van het omringende milieu en sociale omstandigheden die hun beslag gekregen hebben gedurende een bepaalde periode in de geschiedenis.

Elk volk heeft zijn specifieke kenmerken en eigenschappen die in het dagelijks taalgebruik typisch zijn voor dat volk. Deze liggen aan de basis van wat men *cultuurverschillen* noemt. Deze verschillen kunnen gering of significant zijn. Het is nu juist kennis van deze cultuurverschillen die helpt deze verschillen te *overbruggen*. Idealiter moet men ook bewust gemaakt worden van de eigen mentaliteit, het eigen referentiekader om deze te kunnen contrasteren met die van een ander volk; men moet eerst zichzelf kennen alvorens een ander te kunnen leren kennen⁴.

Nederlandse identiteit versus Russische identiteit

Wat is typisch Nederlands en wat is Russen volstrekt niet eigen? Welke vormen en soorten taalgedrag zijn kenmerkend voor de ene cultuur en zijn een andere cultuur juist niet eigen?

Naar mijn mening en op grond van persoonlijke ervaringen zijn dit de moeilijkste aspecten in het onderwijzen van een vreemde taal, omdat deze vaardigheden bij de moedertaalsprekers aanwezig zijn op een onderbewust niveau, op het niveau van reflexen. Om de studenten zich deze vaardigheden eigen te laten maken, moet er bij hen een “schakelaar” van de ene naar de ander taal worden gevormd. Dit leerproces is aanzienlijk moeilijker dan het bestuderen van fonetiek, grammatica of lexicon, zelfs wanneer het gaat om lexicon dat geen equivalenten heeft in de andere taal.

De Nederlandse identiteit: kennen we onszelf?

In 2007 deed prinses Máxima een uitspraak over de Nederlandse identiteit. In haar toespraak zei dat ze niet precies weet wat de

⁴ <https://www.absolutefacts.nl/episoden/herontdekking-nederland.htm>. Bron geraadpleegd op 26 september 2019.

Nederlandse identiteit precies inhoudt. Dat leidde tot tientallen enquêtes waar de ondervraagden met enkele woorden de Nederlandse identiteit probeerden te omschrijven⁵.

Herman Pleij schreef een boek “De Herontdekking Van Nederland”, over het Nederlandse volkskarakter. Als typisch Nederlandse verschijnselen noemt Pleij (...) het poldermodel, de permanente overlegcultuur, het zoeken naar draagvlakken, het vinden van compromissen en het steeds weer uitkomen in het midden. En wie daartegen is, is tegen Nederland. We zijn onvermijdelijk flexibel, tolerant en praktisch [Pleij 2003].

Welke nationale trekken kunnen er worden onderscheiden bij Nederlanders en Russen, die bij beide volken te vinden zijn, maar die op verschillende wijze hun uitdrukkingsvorm krijgen in het taalgedrag? We kunnen een aantal eigenschappen nader bekijken.

Openheid/directheid

Nederlanders hebben altijd een mening en spreken die altijd uit. Nederlanders beseffen niet hoe direct ze vaak overkomen, overigens niet allen bij Russen. Russen zijn niet geneigd dit te doen, maar dat betekent niet dat ze geen eigen mening hebben. Het onderscheid is hier dat Russen alleen dan hun mening ventileren, wanneer ze er ten volste van overtuigd zijn. Het is dan ook geen toeval dat het Russisch deze zegswijze kent: “Als je zwijgt, ga je door voor wijs.” De eigen mening heeft niet alleen betrekking op vraagstukken van globale aard, maar ook op alledaagse kwesties.

Voorbeeld:

Nederlander: Wat wil je, koffie of thee?

Rus: Maakt me niet uit.

Hierbij zijn Nederlanders evenwel niet categorisch in het uitspreken van zijn mening; ze zullen haar inleiden met *Ik vind, ik meen, ik denk, ik geloof*, enz. Zulke constructies bij het geven van de eigen mening zijn niet typisch voor het Russisch. Russen zijn meer geneigd tot het doen van categorische uitspraken. Laten we ons voorstellen hoe een Rus zou antwoorden op de vraag, wat hij vindt een zoveelste aflevering van een saaie *soap opera*; hij zal hoogstwaarschijnlijk niet beginnen met *Ik vind dat deze serie...*

In tegenstelling tot het Russisch moet in het Nederlands geen imperatief worden gebruikt, meestal klinkt de gebiedende wijs in het Nederlands

⁵ Nederlandse identiteit www.peil.nl /Maurice de Hond 2007.

veel te direct, veel te gebiedend. Het gebruik van de gebiedende wijs is wel mogelijk als deze wordt verzacht door modale partikels:

Doe de deur maar dicht/Doe de deur even dicht/Doe de deur maar even dicht zijn allemaal mogelijk, maar *Doe de deur dicht* klinkt gebiedend en onbeleefd.

In het Nederlands is men geneigd verzoeken te verzachten. Deze bijzonderheid maakt het noodzakelijk grammaticale constructies te bestuderen en toe te passen als:

Zou jij kunnen/willen doen?

U zou ... kunnen/moeten doen.

De directheid van Nederlanders komt ook tot uiting in het stellen van vragen waarvan Russen over het algemeen vinden dat ze niet gesteld kunnen of mogen worden, bijvoorbeeld:

– Hoe oud bent u, mevrouw?

Deze vraag kan dan worden verzacht, minder direct worden gemaakt, door hem in te leiden of af te sluiten met ‘als ik mag vragen’.

‘Nee’ zeggen

Nederlanders zeggen makkelijk ‘nee’, maar daarbij leggen ze uit, *waarom* ze ‘nee’ zeggen. In de context van de Russische cultuur is het niet gebruikelijk categorisch te weigeren; vaak wordt dit als te direct of als onbeleefd beschouwd.

Russen houden er niet van ‘overbodige’ vragen te stellen, om hun gespreksgenoot niet lastig te vallen; hierdoor kunnen ze de indruk wekken ongeïnteresseerd te zijn.

‘Ja’ zeggen

Russen zeggen niet makkelijk ‘ja’ als hun iets wordt voorgesteld of aangeboden. Meteen ‘ja’ zeggen wordt als onbescheiden of domweg onbeleefd beschouwd. Een Rus zal daarom in eerste instantie vaak ‘nee’ zeggen, ook als hij ‘ja’ bedoelt. Een Nederlander die in Moskou woont heeft me verteld dat hij ooit thee aanbood aan een kennis van zijn Russische echtgenote die iets voor haar kwam brengen. Op de uitnodiging thee te komen drinken antwoordde de Rus: ‘Nee, dank u.’ De Nederlander nam daarop afscheid van hem en sloot de deur. Later heeft hij gehoord dat die Rus diep beledigd was: hij had geen eens thee gekregen! De Nederlander reageerde met: ‘Dan had hij dat gewoon moeten zeggen!’ Hij wist niet dat hij zijn aanbod thee te komen drinken eerst een aantal keren had moeten herhalen en dat dan de Rus uiteindelijk de uitnodiging aangenomen had.

Schuld bekennen

Nederlanders hebben weinig moeite met schuld bekennen, zeker als die schuld evident is. Voor Russen is schuld bekennen echter een lang en pijnlijk proces. Het schuld bewustzijn drukt zwaar op hen, er moeten manieren gevonden worden om eventuele schade te vergoeden, men is bang dat er een eind kan komen aan de verstandhouding. Voor Russen is het niet typisch om tegen iemand te zeggen “Het is jouw schuld dat...”. Zulke constructies zijn karakteristiek voor grote ruzies in de relationele sfeer.

Beloofd is beloofd

Het is niet helemaal juist te veronderstellen dat een Rus zijn belofte niet na zou komen als hij er niet aan wordt herinnerd; dat betreft wellicht de helft van alle gevallen. Het probleem in de communicatie wordt veroorzaakt door het gebruik en de betekenis van modale werkwoorden.

Voorbeeld:

Завтра я должен встать в 5 утра. Morgen moet ik om 5 uur opstaan.
Morgen zal ik om 5 uur opstaan.

Als een Rus met behulp van een woordenboek zegt “Morgen moet ik om 5 uur opstaan”, dan is het onduidelijk hoe laat hij op zal staan.

Impliciet versus expliciet

De Nederlanders begrijpen in de regel alleen expliciete taaluitingen, de Russen zijn daarentegen niet geneigd hun uitspraken expliciet te maken.

Een eenvoudig voorbeeld:

Een Rus zegt: *Завтра идем в театр.* (Morgen gaan we naar het theater)

Een Nederlander zal zeggen: *Morgenavond gaan we naar het theater.*

Vanuit Russisch oogpunt is het overbodig te vermelden dat het theaterbezoek ’s avonds plaatsvindt. Voor een Rus is ook zo duidelijk, maar een Nederlander specificceert.

Aan studenten moet worden geleerd hun gedachten te formuleren in opeenvolgende logische stappen, zonder weglating van informatie omdat “het toch ook zo wel duidelijk is”.

Georganiseerdheid; een afspraak kunnen maken – “Even mijn agenda pakken”

Het woord ‘ja’ is, in tegenstelling tot wat vaak in het Russisch het geval is, geen stopwoord. Het woord is een bevestiging van een afspraak.

Als een Rus een afspraak wil maken, is hij bereid op welk tijdstip dan ook te komen, omdat hij zich verplicht voelt en verder niemand tot last wil zijn.

Daarom is de volgende reactie van een Rus heel goed voorstelbaar:

Nederlander: Hoe laat kunt u komen?

Rus: Wanneer het u uitkomt.

Nederlanders plannen hun leven en houden daaraan consequent vast. Russen hebben ook plannen, maar ze gaan ervan uit, dat alles in het leven kan veranderen. Dit houdt verband met vele factoren: de veelbewogen geschiedenis van het land, religieuze aspecten, het slecht functioneren van bepaalde structuren, enz. Daarom bevestigt een Rus zijn afspraak meerdere keren, terwijl een Nederlander hoogstwaarschijnlijk nooit zal zeggen: “Als God het wil, zien we elkaar volgende zomer.”

Punctualiteit

Punctualiteit: het is beter tien minuten te vroeg te komen, dan vijf minuten te laat. Tijd is iets wat het meest gekoesterd wordt. Bij Russen is tijd iets wat in hun waardensysteem niet op de eerste plaats komt. Op te laat komen wordt door Nederlanders en Russen doorgaans heel verschillend gereageerd.

Praktische instelling/doelmatigheid.

Volgens een enquête onder Nederlanders is dit een van de meest typische kenmerken van de Nederlandse volksaard.

Als iemand zich tot een Nederlander richt met een verzoek, dan moeten de reden en het doel van dat verzoek in detail uitgelegd worden. Russen beginnen meestal met een verzoek zonder het in detail uit te leggen.

Effectiviteit in het werk

Bij Nederlanders wordt niet alleen het leven gepland, maar ook elke werkdag. Russen, die in een land leven waar men gewend was het vijfjarenplan te vervullen in drie dagen, kunnen hiervan alleen maar dromen. Als een Nederlander iemand verzocht heeft iets morgen te doen, en diegene heeft ‘ja’ gezegd, dan moet die taak morgen worden uitgevoerd – anders zal diegene als een slechte medewerker worden beschouwd. En niemand moet verwachten dat hij of zij wordt herinnerd aan een gedane toezegging.

Zijn de Nederlanders zuinig?

Nederlanders zijn niet zuinig, eerder pragmatisch. Door Russen wordt dit vaak anders opgevat. Hier zou ik stil willen staan bij een concreet voorval. Een Nederlandse kennis van me die in Moskou werkte, had ruzie gehad met zijn Russische vriendin. De reden voor het conflict: op zijn verjaardagsfeestje had hij niet de complete hoeveelheid dranken op tafel gezet die voor zijn verjaardag waren ingeslagen. Op de vraag van zijn vriendin, waarom hij dat niet gedaan had, antwoordde hij dat als de gasten nog cola zouden willen, ze daarom wel zouden vragen. Dat was een misrekening van zijn kant: voor Russen zou het heel onbeleefd zijn nog cola te vragen.

Voor Nederlandse begrippen zijn Russen in de regel gul en heel gastvrij. Nederlanders zijn veel minder geneigd ‘uit te pakken’ als er gasten komen dan Russen. Wellicht wordt men daarom in Rusland voor *taart* uitgenodigd, en in Nederland voor *een stukje taart*. Eens was ik te gast bij Nederlanders en kreeg daar een flinterdun stukje taart bij de thee. De gastvrouw legde me uit waarom: “Dan hebben wij morgen ook nog wat.” In Rusland zou dit ondenkbaar zijn.

Russen geven makkelijker cadeaus, Vlamingen geven cadeaus, maar Nederlanders geven souvenirs.

Bij een eerste ontmoeting met een Nederlander kan een Rus hem beter geen cadeau geven zoals hij vanuit zijn Russische vrijgevigheid zou kunnen doen. Voor een Nederlander is er in een dergelijke situatie geen enkele reden een cadeau te geven en hij zal het geven van een cadeau daarom misplaatst vinden. Hij zal zich overdonderd voelen en kan denken dat die Rus iets van hem wil.

Een Rus hoeft zich niet te generen op de vraag ‘*Zullen we vanavond uit eten gaan?*’ te reageren met ‘*Wie betaalt?*’

Tactisch op z’n Russisch versus tactisch op z’n Nederlands

Op de dag vóór 8 maart ontmoette ik in Moskou twee Nederlanders die bij Philips werkzaam waren. Ze begrepen niet waarom de Russische mannen allemaal bloemen en cadeaus aan het kopen waren. Na mijn uitleg vroeg zich een van deze Nederlanders af: ‘Zou een scheerapparaat een leuk cadeau zijn voor de Russische vrouw?’ Het laat zich raden hoe de reactie van een Russin zou zijn, als ze zo’n cadeau zou krijgen.

Lichaamsafstand, aanraken

De fysieke afstand tussen gesprekspartners hangt niet alleen af van de aard van het contact en het gespreksonderwerp, deze afstand is ook

cultureel bepaald. Als men communiceert met iemand uit een andere cultuur bestaat het risico dat een van beiden een verkeerde afstand kiest en daardoor als opdringerig of afstandelijk worden ervaren. Het is bekend dat mensen die elkaar niet goed kennen in Scandinavië een grote afstand tot elkaar houden en elkaar niet aanraken, terwijl in mediterrane gebieden de lichaamsafstand veel kleiner is en men elkaar veel makkelijker aanraakt. Voor Nederlandse begrippen houden Russen niet genoeg afstand tot hun gesprekspartner, waardoor ze zich soms ongemakkelijk kunnen voelen.

Laten uitpraten

Russen luisteren slecht, vallen in de rede, kunnen niet naar iemand luisteren tot hij of zij alles gezegd heeft. Daarom wordt een Rus aangeraden te onthouden wat hij zegt of gezegd heeft. Als hij een Nederlander verteld heeft over een vriend van hem, Kolja, en wat er met hem gebeurd is, moet hij zich niet verbazen als de Nederlander drie maanden later kan vragen hoe het met deze Kolja gaat. Maar of die Rus zich dan nog kan herinneren wie die Kolja ook alweer was?

Afsluiting

Culturele verschillen komen tot uiting in omgangsvormen, etiquette, maar bovenal in taal. Wanneer iemand in contact treedt met iemand uit een andere cultuur, kunnen deze verschillen aanleiding geven tot allerlei misverstanden en zelfs tot miscommunicatie. Men kan cultuurverschillen zien als obstakels, maar ze zien als uitdagingen is wellicht produktiever. Interculturele communicatie is erop gericht deze cultuurgerelateerde verschillen te neutraliseren. Taalonderwijs moet niet alleen gericht zijn op het leren van de taal op zich, maar moet ook oog hebben voor aspecten van interculturele communicatie. Feitelijk kan de taal als zuiver linguïstisch fenomeen niet los worden gezien van de cultuur waarin die taal functioneert, want taal genereert cultuur en daarmee een specifieke mentaliteit en referentiekader.

In het vreemdetalenonderwijs zijn verschillende strategieën mogelijk: men kan de cultuurverschillen contrasteren en als presenteren als ervaringsfeiten; dit resulteert in een statisch beeld van de andere cultuur. Een andere methodiek is om eerst de eigen cultuur en mentaliteit te analyseren om zo een kader te creëren van waaruit de andere cultuur kan worden begrepen. Significante cultuurverschillen zijn wellicht

onoverbrugbaar, maar laten we ze niet verabsoluteren: we moeten nooit vergeten dat we allemaal mensen zijn en hoe beter we onszelf leren kennen, hoe beter we ook de wereld leren kennen en daarmee de ander.

Literatuur

- Jong, E.C. de, Identiteitsexpressie en de vorming van subgroepen Een etnografisch onderzoek binnen een mbo-klas. Masterscriptie Universiteit van Tilburg. Faculteit Geesteswetenschappen, 2011.
- Pinto, D., Interculturele communicatie, een stap verder. Houten: Bohn Stafleu van Loghum, 2007.
- Pleij, H. De herontdekking van Nederland. Amsterdam: Prometheus, 2003.
- Verhoeven, M. Culturele Antropologie (met bijdragen van J. Kerstens). Houten/Diegem: Bohn Stafleu van Logh, 1998.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005.
- Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П., Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов (ред. А.П. Садохина). М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
- Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001.
- Фомина Т.Г. Язык и национальная культура. Лингвострановедение. Казань: Казанский (приволжский) федеральный университет, 2011.

Prins van Georgië in de Anglo-Boerenoorlog en zijn boek “Bij de Boeren”

Пхакадзе Нино

преподаватель, Государственный университет Ильи, Тбилиси
nino_phkhakadze@iliauni.edu.ge

Nino Pkhakadze

Lecturer at Ilia State University, Tbilisi

Eén van de minder bekende verhalen van de Tweede Anglo-Boerenoorlog (1899 - 1902) is van een Georgische prins die aan de kant van de Boeren vocht. De Georgische prins Nikoloz Bagrationi (1868 – 1933), ook bekend als Niko de Boer, vocht als vrijwilliger aan de kant van de Boeren.

Als jongeman wilde Niko Bagrationi naar Afrika gaan om op leeuwen te jagen, maar toen hij via Frankrijk naar Afrika reisde, veranderden zijn plannen en zijn hele leven. In de Anglo-Boerenoorlog kon hij door een wonder aan de dood ontkomen, hij ontmoette Winston Churchill, werd naar het eiland Sint-Helena verbannen en na zijn Britse gevangenschap op Sint-Helena werd hij terug naar Georgië gestuurd.

Niko Bagrationi werd in het Muchrani-paleis geboren. Hij kwam uit een vorstelijke familie. Hij groeide op als een uitstekende ruiter en schutter. Vanaf zijn vijfde kon hij paardrijden. Samen met zijn oudere broer Levan, woonde hij drie jaar in Tbilisi bij een Franse familie om Frans te leren. Toen ze over drie jaar terug naar Muchrani gingen, praatten ze vloeiend Frans.

In 1896 vertegenwoordigde Niko Bagrationi Georgische edelen om de kroning van de Russische Tsaar Nicolaas II bij te wonen. De kroning vond plaats in de Oespenski-kathedraal van Moskou. Toen kreeg hij een kans om Moskou te bezoeken. In Moskou ontmoette hij een Georgische aristocraat Kola Orbeliani. Toen besloten ze om samen naar Afrika te gaan om op leeuwen te jagen. Niko keerde terug naar Georgië en wachtte op een brief van Kola. Het duurde een paar jaar voordat hij een brief van Kola kreeg. In de winter van 1899 reisde hij naar Sint-Petersburg, waar Kola Orbeliani op hem wachtte. In de lente reisden ze samen vanuit St-Petersburg naar Parijs.

Niko bleef tot september in Parijs. In september 1899 reisde hij alleen naar Alexandrië, want Kola Orbeliani wilde liever in Parijs blijven, de

stad vol mooie vrouwen. Niko was van plan om op safari te gaan in Noord-Oost-Afrika, maar toen hij in Alexandrië was, hoorde hij over de oorlog in Zuid-Afrika. Toen hij vernam dat de Britten de Boeren en hun land wilden annexeren, besloot hij om als vrijwilliger aan de kant van de Boeren te vechten, hoewel hij nog nooit eerder van Transvaal had gehoord. De Boerenoorlog veroorzaakte heftige emoties in Niko Bagrationi en hij is fel anti-Brits geworden.

Niko Bagrationi reisde in oktober via Madagaskar en Mozambique naar Pretoria. Zijn bezoek aan Zuid-Afrika trok veel aandacht en hij was een van de eerste vrijwilligers die in Zuid-Afrika aankwam. Hij kwam in Pretoria aan. Daar verbleef hij in een hotel van een Fransman. Die Fransman vertelde hem alles over de Boeren en hun president Paul Kruger. Niko wilde met de president van de Boerenrepubliek kennismaken, maar hij bleek niet in Pretoria te zijn. Daarom besloot Niko om Zuid-Afrikaanse dorpen te bezoeken en met de boeren kennis te maken.

Op een boerderij maakte Niko kennis met een Nederlandse boer die hem ‘s nachts onderdak gaf. Niko beschrijft hem in zijn boek als een echte Nederlander, geschilderd door Rembrandt. Die boer sprak een beetje Frans en vertelde hem over de Boerenoorlog en over de tijger die de laatste tijd naar zijn boerderij kwam en zijn schapen opat. Zijn hele familie was bang voor die tijger. Die nacht vermoordde Niko de tijger met zijn pistool en als cadeau kreeg hij het tijgervel van die boer.

Met de hulp van de hoteleigenaar regelde Niko een afspraak met Paul Kruger. De president woonde in een gewoon huis. De Boeren noemden hun president oom Paul en zijn vrouw tante Sannie. In de oorlog vocht Paul Kruger samen met de Boeren en werkte als een gewone boer. Hij sprak alleen Nederlands en als hij naar Europa ging, nam hij altijd de jonge president van Oranje Vrijstaat mee, die Engels sprak. Toen Niko naar hem ging, nam hij de Franse eigenaar van het hotel mee als tolk. Kruger en zijn vrouw ontvingen Niko heel warm. De Boeren hadden nog nooit van Georgië gehoord en ze waren verbaasd over zijn adellijke kleding. Zijn mooie nationale klederdracht en zijn uiterlijk veroorzaakten veel interesse. De president van Transvaal, Paul Kruger verwelkomde hem persoonlijk. Hij was heel blij en zelfs trots dat de Prins van Georgië de Boeren wilde helpen. Kruger was onder indruk van de bijzonder lange, donkere vreemdeling met zijn vreemde kleding. Hij stelde de Georgische prins voor aan de Boeren-generaals Joubert, Cronjé en De la Rey.

De Boeren werden bijgestaan door een legioen bestaande uit vrijwilligers. Bagrationi zat aanvankelijk bij een Boerencommando, maar later werd hij overgebracht naar het Franse Korps, omdat Niko geen woord Nederlands sprak. Georges de Villebois-Mareuil was een Frans generaal van het vrijwilligerslegioen van de Boeren. De Villebois-Mareuil heette Niko Bagrationi van harte welkom. Hij wist niet alleen veel over Georgië, maar had ook veel over zijn bekende voorvader Petr Bagrationi gelezen.

Niko Bagrationi nam deel aan verschillende gevechten. In Georgië was hij nooit in het leger geweest, maar hij was een uitstekende schutter. Niko was zeer populair in het korps.

Nog een opvallend detail is dat Niko met de jonge Winston Churchill kennismakte die toen naar Zuid-Afrika als een oorlogscorrespondent kwam die voor de Morning Post werkte. Hij werd door de Boeren gevangen genomen. Hij werd samen met andere Britse soldaten in Pretoria, hoofdstad van de Republiek Transvaal, geïnterneerd. Vanuit Pretoria lukte het hem aan de Boeren te ontsnappen.

De Britten konden de Boerenrepublieken met hun goudmijnen niet met rust laten. Ze voerden de oorlog met de verschrikkelijkste middelen. Voor vrouwen en kinderen waren de levensomstandigheden vaak onmenselijk. Een tijdlang waren de Boeren succesvol doordat ze hun beperkte artillerie snel van de ene plaats naar de andere brachten. Later was dit onvoldoende tegen de overmacht van de Britten.

De kans om te winnen van de Boeren was gering. President Kruger reisde door Europa, maar geen enkele staat was bereid hem openlijk te steunen. De Boeren waren schitterende individuele soldaten, maar dat was niet genoeg. Britse soldaten en oorlogsmateriaal werden naar Zuid-Afrika gestuurd.

In een gevecht bij Boshof sneuvelde de Villebois-Mareuil. Hij raakte gewond aan zijn hoofd en overleed in de handen van Niko de Boer. De Villebois-Mareuil was voor Niko als een vader. De soldaten vochten door, maar veel Boeren sneuvelen. De krachten van de Britten en de Boeren waren ongelijk. De Boeren hadden geen water, geen eten en geen wapens om verder te vechten. Nog erger was de situatie van vrouwen en kinderen die geen eten hadden. Cronje begreep dat het geen zin had om verder te vechten en de Boeren hielden op. De Britten omringden ze en namen ze gevangen. Ook Niko. De ene helft is direct naar Sint-Helena gestuurd, de tweede helft werd doodgeschoten. Ze gingen ook Niko doodschieten. De Villebois-Mareuil had hem een keertje gezegd dat Franse en Amerikaanse kranten heel vaak over hem schreven. Hij dacht dat ze ook over zijn dood

zouden schrijven. Misschien zouden ook Russische kranten over hem schrijven en dan zou zijn bejaarde moeder over zijn dood horen.

Die nacht voor zijn dood kon Niko niet slapen. 's Morgens vroeg werd hij samen met andere gevangenen van ongeveer 100 soldaten naar de muur gebracht en tegen de muur gezet om terechtgesteld te worden. Niko hield de foto van zijn moeder in zijn hand vast. Dat merkte een Britse soldaat. Hij ging naar Niko toe en toen hij de foto van een vrouw zag, die vreemde Georgische kledij droeg, vroeg hij wie die vrouw met die kledij was. Niko antwoordde dat ze zijn moeder was. Die officier vroeg dan wie hij was. Toen die officier hoorde dat Niko een Georgische prins was, gaf hij heel snel het bevel om Niko van de muur weg te halen. Niko werd naar de gevangenis gebracht.

De Britse Generaal Lord Kitchener wilde Niko zien. In zijn boek schrijft Niko dat Kitchener Frans zonder accent sprak. Hij was heel klein. Hij moest steeds omhoog kijken als hij met Niko sprak. Hij vroeg Niko of hij Bagrationi was en waarom hij tegen de Britten vocht. Niko vertelde waarom hij naar Afrika gekomen was en waarom hij besloten had de Boeren te helpen. Niko zei dat iedereen recht had op vrijheid. Kitchener werd heel boos, maar zei niks. Hij gaf het bevel Niko naar Sint-Helena te sturen. Zo werd Niko naar Sint-Helena verbannen.

Een paar dagen later zat hij al op een schip dat hem naar het eiland bracht. Vanuit de haven is hij direct naar het kamp gestuurd dat ver van de stad was. In het kamp kreeg hij een grote tent waar alleen maar een bank stond. De gevangenen mochten het kamp niet verlaten en niet naar de stad gaan. Niko keek heel vaak naar de oceaan en dacht aan Napoleon die dat misschien ook vaak deed. Na twee maanden kregen Niko en zijn vriend Breda de toestemming om het huis van Napoleon te bezoeken. Toen herinnerde Niko hoe Petr Bagrationi in Rusland tegen Napoleon vocht en nu stond een andere Georgiër bij het standbeeld van Napoleon.

Niko Bagrationi had geen cent en zijn Nederlandse vrienden Vogelius en Vichtamoor en Franse vriend Breda hebben hem wat geld aangeboden. Dat wilde hij niet, maar toch leende hij wat geld van Breda om kleren en eten te kopen.

De omstandigheden op het eiland waren slecht. Niko wilde graag ontsnappen, maar dat lukte niet. Niko richtte een club in het kamp op. Ze organiseerden concerten in de stad om wat geld voor de gevangenen te verdienen. Andere gevangene Boeren behandelden Niko als een held. Hoe dan ook, het nieuws over een Georgische prins, bereikte de Europese en Amerikaanse kranten en veroorzaakte een sensatie. En veel

voedselpakketten die voor de gevangenen uit alle hoeken van de wereld aankwamen, waren gericht aan Niko.

In 1901 lieten de Britten hem vrij, maar hij moest zelf voor zijn reiskosten naar Europa betalen. De Russische autoriteiten begonnen de onderhandelingen met Kitchener. Hij werd vrijgelaten op voorwaarde nooit meer terug naar Zuid-Afrika te keren. Al zijn bezittingen had hij in Pretoria. Van de Britten kon hij geen toestemming krijgen om naar Pretoria te reizen. Het was zelfs verboden. Hij had dus geen geld om zijn terugreis te betalen. Tijdens al die maanden op het eiland had hij zijn moeder heel vaak geschreven, maar nooit een antwoord gekregen. Hij had geen geld, maar zijn Nederlandse en Franse vrienden hadden genoeg geld om zijn reis te betalen. Zijn vriend Breda betaalde Niko's terugreis en samen met hem reisde Niko eerst naar Londen en daarna naar Parijs. Eerst nam hij natuurlijk afscheid van de Boeren. Van elke Boer kreeg Niko een cadeautje.

Op 10 november zatten Bagrationi en Breda aan boord van het Britse militaire schip "Queen Victoria", varende naar Londen. Het was moeilijk voor Niko om zijn vrienden te verlaten. Zijn goede Nederlandse vrienden Vogelius en Vichtamoer werden niet vrijgelaten. De reis duurde meer dan 6 weken.

Van Londen, waar ze een week doorbrachten, gingen zij naar Parijs en Niko bleef 2 weken in het oude voorouderlijke kasteel van Breda niet ver van Tours. Voor hun afscheid, zwoer Breda dat hij naar Georgië zou komen, maar zijn droom is nooit uitgekomen. Niko werd heel warm door zijn ouders ontvangen. Daarna kreeg hij geld van zijn moeder en keerde terug naar St-Petersburg. Hij was heel blij dat geld te ontvangen en te horen dat zijn moeder nog leefde. In St-Petersburg werd Niko meteen gearresteerd en daarna naar Georgië gestuurd. Als hij zijn terugreis vanuit Rusland naar Georgië beschrijft, zegt hij dat het winter in Rusland is en dat er overal sneeuw ligt. Als hij zijn land weerziet, zegt hij: "Dag, mijn vaderland!"

De herinneringen "Bij de Boeren" schreef Niko Bagrationi na zijn terugkeer in Georgië. Het boek werd uit het Russisch naar het Georgisch vertaald en in 1951 in Tbilisi uitgegeven. De bijnaam "de Boer" kreeg hij omdat hij als vrijwilliger aan de kant van de Boeren vocht.

Literatuur:

Bagrationi, N. Bij de Boeren, Tbilisi, 1951

Архитектор Йоханнес ван Лохем: дома для рабочих эпохи перемен

Рабкина Надежда Владимировна

к.фил.н., доцент кафедры переводоведения и лингвистики Кемеровского государственного университета, Кемерово
nrabkina@mail.ru

Nadezhda Rabkina

PhD (Philology), Assistant Professor at the department of Translation and Linguistics, Kemerovo State University, Kemerovo

***Аннотация.** Статья посвящена социальному жилью харлемского архитектора Йоханнеса ван Лохема (1881 – 1940), который в 1926 – 1927 гг. приезжал в Сибирь строить дома для рабочих по приглашению интернационального предприятия Автономная Индустриальная Колония (АИК) Кузбасс. Ван Лохем стремился придать малоэтажному социальному жилью свойства, присущие богатым особнякам. В работе обобщается масштабный труд Вима де Вагта «Landhuizen, stadswoonhuizen en woningbouwprojecten: beelding van levenshouding» (1995).*

***Ключевые слова:** нидерландская архитектура, социальное жилье, Йоханнес ван Лохем, музей-заповедник Красная Горка, Кемерово, автономная индустриальная колония Кузбасс*

Architect Johannes van Loghem: Houses for Workers in Times of Change

***Abstract.** The article features public housing projects designed by Johannes van Loghem (1881 – 1940), an architect from Haarlem, who was invited by the international enterprise Autonomous Industrial Colony Kuzbass to come to Siberia to build houses for workers in 1926 – 1927. Van Loghem tried to provide his social low-rise houses with all positive features of rich detached cottages. The article analyses the substantial work «Landhuizen, Stadswoonhuizen en Woningbouwprojecten: Beelding van Levenshouding» (1995) by Wim de Wagt.*

***Key words:** Dutch architecture; public housing; Johannes van Loghem; the Krasnaya Gorka museum-preserve, Kemerovo; Autonomous Industrial Colony Kuzbass.*

Йоханнесу Бернардусу ван Лохему (1881 – 1940), архитектору, градостроителю и дизайнеру мебели, выпало жить в эпоху перемен. Выпускник высшей технической школы в Дельфте, он прославился в родном Харлеме как строитель особняков и доступного жилья. Архитектурную философию ван Лохема принято объяснять его приверженностью идеям социализма, однако если упростить эти идеи до неких бытовых максим, то станет ясно, что ничего принципиально политического в них нет – сплошной здравый смысл: трудящемуся человеку полагаются достойные условия («не загораживай рта у вола молотящего»); жилье для человека, а не человек для жилья; комфортное бытие определяет мироощущение человека, а образ жизни хозяина дома формирует сам дом; на природе дети растут здоровыми; народные традиции основаны на многовековом опыте, и потому мудры; чрезмерная приверженность стилю губит живое творчество и т.п.

В 1922 году Й. ван Лохем взял на себя функции секретаря харлемского подкомитета центрального комитета «Поддержка России»: на Пасху его дети раскрашивали яйца в промышленных масштабах, а потом продавали их по гульдену, собирая таким образом деньги для помощи нуждающимся в Советской России. При этом, несмотря на свое сочувствие революции и социализму, выглядел харлемский архитектор, вшитом супругой твидовом костюме и с моноклем, как настоящий английский джентльмен. Однако уже в 1926 – 1927 гг. Ван Лохему представился шанс сверить свои идеалы с реальностью: по приглашению инженера Себальда Рутгерса, директора Автономной Индустриальной Колонии «Кузбасс», он отправился в Сибирь руководить архитектурным отделом этой уникальной международной организации, чьей целью было привлечь сочувствующих энтузиастов со всего мира к восстановлению угольной и химической промышленности Сибири на благо первой в своем роде страны рабочих и крестьян. Для застройки территории Кемеровского рудника архитектором было разработано несколько типов блокированных жилых домов для разных социальных групп, а также многочисленных технических и общественных сооружений. Идеалы разбились о суровый сибирский быт и новорожденный советский бюрократизм: прежде намеривавшийся связать свою жизнь с Россией, ван Лохем вернулся в Нидерланды в глубоком разочаровании. Но на правом берегу в историческом центре города Кемерово до сих пор стоят непривычные местному глазу блокированные дома-«колбасы» –

предвестники современных таунхаусов, а также явно «нерусского» вида школа № 16 с функциями водонапорной башни (!) и двухэтажные «дома под красными крышами», по чьим узким голландским лесенкам может подняться, не споткнувшись, только тот, кто прожил в таком доме всю жизнь. И пусть обитатели района Красная Горка и путают ван Лохема с Рутгерсом, а американцев с голландцами, но данные объекты входят в список Культурного наследия Нидерландов за рубежом.

Причиной того, что ван Лохема пригласили принять участие в эксперименте АИК Кузбасс, стал его опыт по строительству массового «минимального жилья» для рабочих – это «Бетонная деревня» в Амстердаме, а также жилые комплексы Патрия, Розенхаге, Тейнвейк-Зейд, Тейнвейк-Ноорд и др. в Харлеме. Его выдающейся способности строить дома в соответствии с нуждами тех, кому в них предстоит жить, посвящено исследование «специалиста по ван Лохему» Вима де Вагта «Landhuizen, stadswoonhuizen en woningbouwprojecten: beelding van levenshouding» (1995). Данная статья обобщает некоторые аспекты творчества Йоханнеса ван Лохема, приведенные в данной книге [1].

Голландская творческая среда начала периода Интербеллума черпает свою энергию в разочаровании: капитализм не просто привел к тому, что большие массы населения влчат безрадостное существование, он сделал мир уродливым, убил красоту природы и старых городов, умертвил то чувство общности, без которого искусство не может существовать. Он обрек художника, строителя и поэта на одиночество, на безнадежный индивидуализм. Как писала хорошая подруга семьи ван Лохем поэтесса Хенриетта Роланд-Холст, «социализм – это новое общество, в котором труд каждого будет достоин почитания, смогут получить развитие все таланты, и все будут жить как братья» [1, с. 65]. Это было время борьбы за эмансипацию рабочих и женщин; время, когда всевозможные новые, направленные на личностное развитие человека мировоззренческие взгляды (теософия и т.д.) стали альтернативой устаревшим религиозным направлениям, а строительство гражданского жилья, здоровье населения и общее образование стали регулироваться законом.

Учитывая его социалистические взгляды, неудивительно, что Хан ван Лохем всецело соглашался с тем мнением, что архитектура отражает социально-экономические отношения. В двадцатом веке, полагал ван Лохем, искусство, наука, техника, строительство и про-

мышленность будут восприниматься как единое целое на службе человека.

Многие архитекторы рассуждали, что вследствие экономического и общественного развития уже не одни только высшие слои общества имели привилегию владеть особняками: новый буржуазный средний класс – бизнесмены, юристы, доктора и служащие – обрел достаточно средств, чтобы приобретать загородные дома или даже строить их с нуля. И действительно, приблизительно с 1918 года в Нидерландах стало строиться больше мелкомасштабного отдельного жилья на природе: современный загородный дом более не может считаться единственно только выражением богатства, это источник здоровья и народной силы.

Харлем в начале 1920-х годов стоял на грани мощных градостроительных преобразований: число жителей в нем неуклонно росло. Границы старого города оказались слишком тесными, чтобы уже существующие кварталы смогли вместить такое количество народа. При этом различия между кварталами для рабочих и зажиточных буржуа были на лицо: низшие классы были вынуждены ютиться в маленьких, плохо освещенных, негигиеничных квартирках старого города без всякого озеленения в округе.

Закон о коммунальном жилье и строительстве 1909 года предвещал большие изменения: он обязывал растущие города разрабатывать градостроительные планы, устанавливал строительные нормы, предусматривал правила финансового стимулирования коммунального строительства и привлекал к нему знаменитых архитекторов, для чего организовывались специальные конкурсы. Для ван Лохема это означало, что теперь-то уж он сможет реализовать на практике свою идею о социальной ответственности архитектора перед простым народом.

Работая над заказами социального жилья, ван Лохем в своих жилых комплексах реализует те идеи, которые выкристаллизовались в его творчестве еще тогда, когда он строил частные особняки. Перечислим некоторые из этих идей.

Жилой дом не должен подчиняться законам какого-либо искусственно выдуманного стиля. Дом – как живой организм, он растет по законам прагматики, а не моды: его окна смотрят туда, где красиво, а бока греются на солнце, он как бы притаился в окружающем пейзаже и не выставляет себя напоказ.

Жилой дом должен одновременно объединять в себе веками формировавшиеся архитектурные находки и суперсовременные дости-

жения, позволяющие облегчить ведение хозяйства: традиция и инженерный гений должны работать на комфорт хозяев. Поэтому ван Лохем строил свои особняки по образу и подобию старой северо-голландской архитектуры. Ведь, если задуматься, формы обыкновенного деревенского сарая или скирды практически идеальны, ибо они – как слова и мелодия народной песни, обкатаны потоком истории до состояния совершенства. Так, даже некоторые из трансформаторных будок, которые он разработал в 1914 – 1919 в Северной Голландии для Электрического Общества Кеннемера, имеют уютную форму деревенских церквушек или крестьянских сарайчиков. При всем этом ван Лохем глубоко презирал «антикваризм», то есть собирательство предметов «под старину».

Дом, построенный вчера, должен выглядеть так, будто в нем уже прожили несколько поколений. Дом, построенный в эпоху турбулентных социальных преобразований, должен выглядеть естественно – так, чтобы в нем могли комфортно жить еще несколько поколений.

Материалы предельно естественны: дерево, кирпич, черепица или солома, природный камень. И еще – максимальная «честность», открытость конструкции и материалов: костяк дома должен ощущаться под мягкостью его плоти, которая всегда представляет собой именно то, чем кажется – дерево сохраняет свой уникальный рисунок, а камень диктует скульптору форму скульптуры.

Дом должен соответствовать идеалу «Gesamtkunstwerk», когда все художники, скульпторы и ремесленники и садовые дизайнеры работают вместе с архитектором, и только под ведущим руководством его идей должны они давать полное раскрытие своим. Эта мысль активно транслировалась обществом «Architectura et Amicitia», членом которого был и ван Лохем, посредством издаваемого с 1918 журнала «Wendingen». Гармоничное пространство целого создается соположением некоторого числа самостоятельных пространств, которые одновременно существуют отдельно друг от друга и связаны друг с другом. «Характерная красота» целого достигается четко выверенным «равновесием между красотой и уродством».

Практичность и приземленность романского прошлого противопоставлена «нездешней» готике: «тело дома» вытянуто по горизонтали, но для достижения гармонии присутствует вертикальная линия – как правило, это дымоход. Растянутые по горизонтали формы приходят и из североамериканской архитектуры того времени: они

как бы отражали плоскость пространств Среднего Запада. Архитекторы «Школы Прерий», главным представителем которой был Фрэнк Ллойд Райт (знаменитый Берлаге, «отец голландской архитектуры», назвал его «самым талантливым архитектором Америки», чей дух «свободен от каких бы то ни было традиций» [1, с.180]) также придавали очень большое значение связи строения и окружающего ландшафта, что на практике означало использование натуральных материалов и плавный переход между внешним и внутренним пространством.

На архитектуру ван Лохема и его соотечественников того времени большое влияние оказала английская загородная архитектура (движение Arts & Crafts и др.). Голландцы весьма ценили в английской традиции связь между архитектурой, окружающей местностью и внутренней жизнью дома.

Замечательный пример проекта, основанного на историческом, бессознательном, многовековом опыте – летний домик по имени «Де Схелф» (1918 – 1942), который ван Лохем выстроил для своей семьи на побережье в Зандфоорте. «Схелф» – понятие из области строительства, может означать кучу сена, соломы или льна. Дом с таким названием и крышей, напоминавшей по форме лист дерева, идеально вписался в ландшафт, в котором царили ветер, песок, травы и вода: он выглядел, как затерянный в дюнах небольшой холмик, элемент естественного пейзажа, путь к которому указывает радостно развевающийся флаг. Домик, форма которого была продиктована историей, и погиб под колесами истории при строительстве Атлантического Вала – системы укреплений, созданной германской армией во время Второй мировой войны как защита от вторжения Союзников на континент.

К слову, Беп и Хан ван Лохемы сознательно строили свой семейный быт свою семью как альтернативу старому, бюргерскому образу жизни. Они исходили из того, что свободное развитие личности возможно только в такой обстановке, где нет ничего лишнего, а только самое необходимое. Там, где жизнь честная и простая, там и нравственная чистота, полагали они. В их доме не было роскоши, ван Лохемы жили в атмосфере искренней, но старательно культивируемой простоты. Детям давали много свободы, много путешествовали и ходили в походы, занимались спортом. Ложь и эгоизм в такой атмосфере уступают место честности и солидарности. Беп ван Лохем была одной из основателей харлемской школы Монтессори, водила

автомобиль (сам архитектор ездил на велосипеде, а для поездок на дальние расстояния предпочитал Харлей-Дэвидсон).

В 1920-е годы частная жизнь семьи стала важнее представительской, а механизация домашнего хозяйства свела необходимость в прислуге к минимуму: жилые помещения становятся многофункциональными, и постепенно в большинстве своем отпадают репрезентативные функции таких помещений, как, например, салон, а при желании гостиную и столовую легко объединить в одно пространство. Одновременно исчезает традиционное деление фасада на парадный и задний: свободное распределение строительной массы согласовывается с внутренней планировкой, которая, в свою очередь, зависит от окружающего ландшафта и освещенности. Так, особая «перевернутая» планировка, которую ван Лохем использовал при строительстве комплекса Тейнвейк-Зейд, в каком-то смысле обогнала свое время: только после Второй мировой войны кухню и кладовую стали устраивать со стороны улицы, а жилое пространство – с видом на внутренний двор. (Такой революционный подход оказался не понят простым обывателем: из-за выходящих на сторону улицы кухонь дома оказалось неожиданно трудно сдать в аренду, а Тейнвейклаан в шутку стали называть «туалетной улицей»). Не спешили жильцы использовать по назначению и предусмотренные архитектором многочисленные террасы, беседки, лоджии и балконы: вместо того чтобы самим наслаждаться свежим воздухом, там сушили белье).

В моду вошла плоская крыша: в 1918 году особая комиссия, организованная Обществом поддержки зодчества, составила по этому поистине национальному вопросу доклад под названием «Преимущества использования плоской крыши в Нидерландах» [1, с. 202]. Кроме чисто практических аргументов, плоская крыша для своих сторонников выступала символом разрыва с традицией. А в крупных жилых комплексах плоская крыша просто необходима, так как на ней можно обустроить сад.

Идея города-сада впервые возникла в работе Э. Говарда «Tomorrow: a Peaceful Path to Real Reform» в 1898 г., а в Голландии начала реализовываться на практике с 1920 года. Утопия Говарда представляет собой альтернативу перенаселенным обветшалым историческим центрам и серым, монотонным застройкам эпохи промышленной революции. Он предлагает просторные, зеленые районы, своего рода города-спутники для пролетариата, который нужно

освободить от оков рабского труда и переселить из грязных трущоб на лоно природы в аккуратные, опрятные дома, рассчитанные на одну семью: человеческим обществом и красотой природы должно наслаждаться вместе.

Разделяя идею города-сада, ван Лохем в то же время активно интересовался бетонным строительством: ведь бетон дает возможность при минимуме материала сформировать максимум пространства. В Нидерландах того времени использование бетона при строительстве жилых домов было продиктовано финансово-экономическими соображениями. Как прогрессивные архитекторы, так и местные власти считали, что стандартизация типов жилья и строительных материалов необходима для увеличения темпов и объемов строительства, а также решает проблему дороговизны кирпича.

В одном ряду с городом-садом стоит утопия «Промышленного города» французского архитектора и теоретика архитектуры Тони Гарнье, которую можно считать первым примером современного, функционального градостроения. «Индустриальный город» представляет собой абстрактный план, в котором до мельчайших деталей были разработаны все аспекты урбанистической жизни. Этот образ идеально сочетался с принадлежавшей Берлаге идеей о том, что архитектор может способствовать эмансипации народа, строя дома, соответствующие новым общественным, техническим и гигиеническим требованиям. Ван Лохем не был согласен только с высотными домами, некоторое количество которых предусматривал план Гарнье. Еще в 1920 году ван Лохем выражался по этому поводу следующим образом: «В новых городах будет такое правило: один дом – одна семья, ибо только так дети могут радостно расти на лоне природы». «Высотное жилье годится разве что для людей бессемейных или престарелых ... во всех других случаях многоэтажные дома – самая бесчеловечная форма жилья, которую когда-либо удавалось придумать» [258].

Идею социальной общности ван Лохем реализовал, среди прочих, в градостроительном плане комплекса Тейнвейк-Зейда: дома сгруппированы вокруг двух общественных внутренних скверов, при этом их обитатели получали в свое распоряжение еще и большой, тщательно продуманный парк, где дети могли бы играть друг с другом, а взрослые – общаться. И архитектор весьма преуспел: заложенные в основе строительства Тейнвейк-Зейда общественные идеалы живы до сего дня. Старожилы квартала до сих пор гордятся своей сплочен-

ностью: общественный порядок в их коммуне был на таком высоком уровне, что даже в Голодную Зиму 1944 – 1945 гг., когда в Западных Нидерландах от голода и холода умерло 20 000 человек, никто не посмел пустить деревья в скверах на дрова.

Итак, архитектура обладает властью стирать классовые различия. Тот же жилищно-строительный кооператив Тейнвейк был основан в 1918 году с целью удовлетворить нужду среднего класса Хеестеде и Харлема в жилье: под средним классом подразумевались учителя, юристы, врачи, конторские служащие, чиновники, инженеры и т.д. Ван Лохем вписал соединенные между собой здания в естественный ландшафт, ориентировал их по солнцу, и, несмотря на строгие линии, они имеют спокойный, даже сельский вид: создается впечатление, что ван Лохем пытался придать своему жилью для среднего класса вид маленьких, изготовленных на заказ деревенских домиков. Таким образом, характерные для богатого особняка архитектурные черты оказались доступны людям, которые не могли позволить себе приобрести особняк или коттедж.

Строить дома для рабочих Сибири ван Лохем отправился потому, что начиная с 1924 года в строительстве жилья для среднего класса на его собственной родине наметился застой, и его бюро больше не получало заказов на крупные проекты. Кроме того, из-за протекающих крыш и проблем с фундаментом, вызванных недостатком финансирования при строительстве Тейнвейк-Зейда, с ван Лохема требовали возмещение ущерба, и бегство на край света оказалось кстати.

Город Кемерово (в те годы – Щегловск) делился на две части рекой Томь, на высоком правом берегу которой располагались шахты, а на низком левом – химический завод и несколько коксовальных печей. Этот промышленный комплекс был заложен еще до революции совместным франко-бельгийско-русским предприятием «Копикуз», которое разрабатывало месторождения в данной области. В «АИК Кузбасс» для ван Лохема составили выгодный контракт, предусматривавший три месяца отпуска в году для поездки на родину. Было организовано архитектурное бюро, в котором иностранные архитекторы, в чьи задачи входила и передача опыта, рука об руку трудились с русскими ассистентами.

Весьма интересно было обозначить некоторые связи уцелевших кемеровских домов ван Лохема с его голландскими архитектурными проектами. Его первой задачей была постройка жилых домов

для заводских рабочих и шахтеров, которые до этого расселялись по землянкам (так называемым «нахаловкам») и примитивным избам. В его распоряжение выделили строительную территорию в 1000 гектар, на которой по созданному им плану должны были быть построены 5000 жилых домов с сопутствующими строениями. Из всего этого была реализована лишь малая толика.

Изначальный градостроительный план имел вид города-сада. Ван Лохем сгруппировал жилье по иерархическому принципу – двухэтажные дома на несколько семей для квалифицированных инженеров, террасные дома-колбасы для простых рабочих; он предусмотрел множество зеленых насаждений, а также органично интегрировал в общий план различные общественные учреждения. На берегу реки должны были располагаться одноэтажные дома на одну семью, чтобы обитатели домов, расположенных позади них, могли беспрепятственно наслаждаться видом на реку. По всей вероятности, на данном этапе ван Лохем смирился с неизбежностью многоэтажного строительства.

По тем домам, что ван Лохем успел построить, видно, что он не раз прибегал к опыту, полученному в Нидерландах. Во всех домах для инженеров предусмотрено пять комнат, кухня и ванная, и перед каждым разбит небольшой огород, чтобы их обитатели меньше страдали от нехватки продуктов в магазинах. Они больше всего напоминают о домах с минимальными удобствами, которые он проектировал для проекта Патрия в Схотене, руководствуясь принципами минимализма и функционализма.

Дальше от берега располагаются дома-колбасы для шахтеров. У каждого дома свой собственный вход (деревянная пристройка, служащая температурным шлюзом) с кладовой, холлом, гостиной, спальней, кухней и собственным садиком – недоступная ранее роскошь для шахтеров, которые ранее жили в средневековых условиях. Из-за суровых зим в каждом доме обустроено по два дымохода – один в гостиной и один на кухне. Несмотря на явные преимущества, шахтеры, привыкшие к своим землянкам и деревянным избам, поначалу встретили эти дома с явным недоверием: пусть и нищенское, холодное и грязное, но их традиционное жилье всегда было отдельно стоящим. Единая крыша переносила их из привычного мира в современный западный мир.

Аргументировать такую организацию жилья ван Лохему было сложно, но он пытался: террасное блокированное жилье не было

иностранный причудой, а необходимостью, потому что только так проведение канализации и освещения становилось экономически оправданным. Кроме того, домам требовались прочные, тяжелые фундаменты, что было возможно, только если объединить их под одной крышей. «В те времена рабочий и шахтер еще были на половину крестьянами, и это их полукрестьянство следовало уважать, чтобы не сделать переход слишком резким», позднее говорил архитектор [1, с.286].

«У русских в общей массе полностью отсутствует какая-либо культура жилья», немилосердно заключал ван Лохем. «Как в деревне, так и в городе, в России повсюду бросается в глаза полное отсутствие удовольствия в жилье. Очень важно в ближайшее время изменить эту ситуацию, потому что понятие заботы о доме – неотъемлемая часть народного развития» [1, с.293].

Несколько раз ван Лохем прибегал и к местной методике, при которой внешние стены делались из очищенных бревен. Как объяснял сам ван Лохем, этот метод в сибирских условиях имеет большое преимущество: из дерева можно строить и зимой, а из камня – нет. «Тогда сами крестьяне могут принимать участие в постройке, а ведь они обречены на зимнюю спячку, если зимой нет возможностей для работы, и именно поэтому деревянное строительство здесь так популярно», писал он [1, с.289].

Ван Лохем без колебаний отступал от местных традиций и в том, что касалось конструкций крыш, пола и стен, что также вызывало немалое сопротивление. Совсем странно, по мнению русских, поступил он с внешними кирпичными стенами, отважившись сделать их в два слоя всего по десять сантиметров с наполнением из шлака между ними. Местных мастеров это не убедило: по русским понятиям внешняя кирпичная стена должна быть 71 сантиметр толщиной, и ни сантиметром меньше. Действительно, современные обитатели этих домов жалуются на холод: спустя 90 лет прослойка из шлака основательно усела.

Школа с водонапорной башней выполнена из необычной комбинации бетона, кирпича и дерева. В центре расположен холл, над которым возвышается водонапорная башня, по обе стороны от которой расходятся под прямым углом два флигеля с учебными аудиториями, при этом вход оказывается на остром угле. Эта английская планировка «бабочкой», при которой внутренний угол ориентирован на юг, была выбрана для того, чтобы как можно лучше осветить рас-

положенные с внутренней стороны аудитории. Башня выполнена из бетона, нижняя часть флигелей – из оштукатуренного кирпича, верхняя часть – из оструганных досок. В 2006 году студенты политехнического университета Кемерово и Делфта, в ходе летней практики героически пробравшиеся в закрытое помещение башни через окно, не уставали восхищаться гениальностью бетонной конструкции.

Модернистские амбиции европейских архитекторов часто наткнулись в Советском Союзе на суровую реальность и косность местного населения. Как и ранее в Нидерландах, в Сибири он несколько перегнул палку, пытаясь воздействовать на образ жизни обитателей своих домов. Сибирские рабочие были так же озадачены планировкой своих новых комфортабельных террасных домов, как и жители Хеестеде – перевернутой планировкой домов Тейнвейк-Зейда. В итоге бюрократическое сопротивление и шовинизм местных партийных бонз стали самым серьезным препятствием для осуществления его планов. Государственный социализм не принес социального освобождения и коллективного возвышения, которых ожидали западные интеллектуалы. Не получив желаемой свободы действий, ван Лохем вернулся домой.

Но наследие его продолжает жить. В начале двухтысячных его дома попали в список культурного наследия Нидерландов за рубежом, они имеют статус архитектурных памятников местного значения. В музей-заповедник «Красная горка», на территории которого они находятся, не раз приезжали делегации из посольства Нидерландов, активно шло сотрудничество по вопросу реставрации самих домов и восстановления всего исторического района в целом. В 2013 году в музее была организована крупномасштабная выставка о ван Лохеме, совместно с музеем архитектуры Амстердамской школы «Het Schip», а сейчас голландский режиссер Петер Ауд (родственник известного архитектора Ауда, творившего одновременно с ван Лохемом) снимает фильм о судьбе социального жилья работы харлемского архитектора.

Вим де Вагт пишет, что ван Лохема часто обвиняют в двуличности: мол, при всех его социалистических взглядах, испытание советской Сибирью он не выдержал. Но, пишет де Вагт, может быть, важнее та преданность и беспощадность, которые ван Лохем обнаруживал в своем отношении к профессии: он никогда не удовлетворялся тем, что уже нашел, никогда не останавливался на достижениях, никогда не извлекал выгоду из своего труда. И именно поэтому его

биография до сих пор дает пищу фантазии: вся его жизнь поставлена на службу новому человеческому обществу и архитектуре, и в ней не могло обойтись без ошибок, которые вызывали раздражение коллег. Но в этом трагедия того, кто стремится ввысь. И пусть его особняки никогда не встанут в один ряд с домом Ритвельда в Утрехте, но он пытался создать для простого человека идеальное жилье, а жилой дом в понимании ван Лохема – парадоксальный синтез максимально открытого пространства, наполненного воздухом и светом, и уединения, тепла, уюта и безопасности.

Литература

De Wagt, W. Landhuizen, stadswoonhuizen en woningbouwprojecten: beelding van levenshouding. Nederland, Haarlem: Schuyten Co, 1995. – 362 blz.

Социальное измерение этнорегионального конфликта в Бельгии

Осколков Петр Викторович

к.полит.н., научный сотрудник Отдела исследований европейской интеграции Института Европы РАН, преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России
E-mail: p.oskolkov@inno.mgimo.ru

Petr Oskolkov

PhD (Political Science), Researcher at the Department for European Integration Studies, Institute of Europe (Russian Academy of Sciences);
lecturer at the Department of Comparative Politics, MGIMO University, Moscow

***Аннотация.** Валлоно-фламандский конфликт изначально имел множество измерений, среди которых и социальное. Оно подчёркивалось, с одной стороны, первоначальным экономическим неравенством фламандской и валлонской частей страны, восприятием фламандского как «языка крестьян и гастарбайтеров» в противовес «благородному» французскому (действительно, языки прошли разный путь развития; к тому же, многие фламандцы в поисках лучшей доли уезжали на сезонные работы в Валлонию, в связи с чем впервые возникло противоречие между «территориальным» и «персональным» принципами регулирования языковой ситуации). С другой стороны, унаследованная от Объединённого королевства Нидерландов система опор предполагала существование разграничения между католическим, социалистическим и либеральным «слоями», внутри которых также произошло разделение по языковому принципу; однако пропорции внутри «опор» были разными вследствие быстрой секуляризации Валлонии и распространения там социалистических идей, и традиционного католического консерватизма Фландрии. Указанные противоречия во многом определили облик валлоно-фламандского противостояния в XX веке, и находят отголоски в веке нынешнем – если взглянуть на программные документы крупнейших фламандских партий и движений и текущее электорально-географическое распределение в Бельгии.*

***Ключевые слова:** Бельгия; Фландрия; Валлония; валлоно-фламандский конфликт; система опор; фламандский национализм.*

The Social Dimension of the Ethno-Regional Conflict in Belgium

***Abstract.** The conflict between the Walloons and the Flemings has had many dimensions from the outset, including a social one. From the one hand, it was emphasized by the original economic inequality between the Flemish and the Walloon part of the country and the perception of the Flemish as a “language of peasants and migrant workers” compared to the “noble” French (indeed, the two languages have a different historical background; moreover, many Flemings tried to find a better job in Wallonia, which showed for the first time the contradiction between the “territorial” and the “personal” principles of language governance). From the other hand, the pillarization system inherited from the United Kingdom of the Netherlands meant a clear distinction between catholic, socialist and liberal “pillars” that were also divided from within, following the linguistic principle; however, the proportions within the pillars were different and uneven as a result of rapid secularization and the spreading of socialist ideas in Wallonia and the traditional catholic conservatism in Flanders. The above-mentioned discrepancies have greatly shaped the Flemish-Walloon conflict in the 20th century and still could be found in our times, if we look at the program documents of major Flemish parties and movements and the contemporary electoral-geographical division in Belgium.*

***Key words:** Belgium; Flanders; Wallonia; Flemish-Walloon conflict; pillarization; Flemish nationalism.*

Мы обозначили конфликт в Бельгии как этнорегиональный, что подразумевает, что в нём задействованы этнические и региональные противоречия. Для простоты дальше будем называть его «фламандским конфликтом», так как именно реакция фламандцев на языковую и экономическую дискриминацию стала его причиной. Фламандский конфликт можно назвать политическим. По определению авторов «Новейшего политологического словаря», политический конфликт – «вид политического процесса, характеризующийся резким противоборством, столкновением политических сил, обусловленным противоположностью их политических интересов, ценностей и взглядов» [Новейший политологический словарь 2010, с. 123]. Фламандский конфликт – мультидименсиональный, в его основе лежат лингвистические, экономические и мировоззренческие противоречия, из которых и произрастают упомянутые этнические и региональные «разрывы».

По определению социолога, академика Г.В. Осипова, социальное – это «совокупность общественных отношений данного общества, интегрированная в процессе совместной деятельности (взаимодействия) индивидами или группами индивидов в конкретных условиях места и времени» [Социология... 2003, с. 82]. Г.И. Козырев противопоставляет социальное биологическому, подчёркивая, что социальное возникает «в результате социального взаимодействия» [Козырев 2008, с. 5]. Таким образом, существующие определения социального чрезвычайно размыты и широки. Но, говоря о *социальном измерении* того или иного конфликта, в данном случае – фламандского, мы не можем позволить себе такую размытость и сознательно ограничим поле исследования. Мы рассмотрим экономическую составляющую фламандского конфликта, а также неравномерное распределение идеологических (шире – мировоззренческих) и политических предпочтений его участников, т.к. лингвистическое противостояние было канализировано языковыми законами XX века.

Неравенство было заложено в бельгийскую государственную систему с самого начала. Уже в 1830 г., когда образовалась Бельгия, в её составе было пять провинций, в которых языком большей части населения был фламандский. Дома на французском говорили в 1846 году лишь 3,2 % населения Фландрии [Reynebeau 1995, p. 113]. Однако вся элита фламандских провинций была сильнейшим образом галлизирована ещё с XVII-XVIII века, когда французский приобрёл статус *lingua franca* в международных делах. Те, кто могли себе позволить отдать детей в среднюю школу, лицей, гимназию, обрекали их на франкофонность, ибо обучение там шло исключительно на языке Вольтера. Министр внутренних дел Бельгии Шарль Рожье заявил, что «язык фламандцев должен быть искоренён» [Leen 2008, p. 7]. Поэтому до конца века «фламандской проблемы» для бельгийского государства не существовало как таковой: «коренное население» с его диалектами было забавным реликтом вроде североамериканских индейцев, диалекты не использовались ни в одной сфере, связанной с государственным управлением. «Национальным языком» нидерландский (заменивший в качестве собирательного понятия многочисленные фламандские диалекты) стал только в 1898 году, фактически же он был уравнен в правах с французским лишь в середине XX века (дольше всего «сопротивлялись» армия и университетское образование).

В XIX веке Фландрия была самой бедной частью Бельгии, целиком аграрной, с не слишком плодородными землями. Фламандские крестьяне и рабочие уезжали на заработки в Валлонию, где процветала металлургия и всегда можно было найти работу на шахтах (туда же ехали и немцы, и итальянцы). Принципа равномерного распределения бюджета (т.н. «механизма национальной солидарности»), из-за которого разбогатевшая Фландрия (сейчас составляет около 75 % ВВП и 80 % экспорта Бельгии) [Попов 2012, с. 303] сегодня содержит разорившуюся Валлонию, в том веке в Бельгии не существовало, поэтому Фландрию никто не поддерживал.

Именно в Валлонии, вследствие наличия развитой промышленности, впервые были организованы сначала профсоюзы, а потом и коммунистические и социалистические организации, опирающиеся на пролетариат. В 1885 году там была создана социалистическая партия, представители которой формируют правительство валлонского региона с 1981 года по н.в. (с перерывами в 1982 и 1985-1988 гг.).

В то же время именно валлонские рабочие во второй половине девятнадцатого столетия положили начало традиции крупномасштабных забастовок. В конце XIX века Бельгию потрясла т.н. «Валлонская Жакерия» – серия всеобщих забастовок во франкоязычной части страны, которая парализовала бельгийскую промышленность. Март-апрель 1886 года запомнились жителям Льежа, Шарлеруа, Жемаппа столкновениями между протестующими, которые по случаю очередной годовщины Парижской коммуны громили фабрики и «богатые» районы, и войсками; десятки человек погибли, сотни были ранены.

Затем последовала серия забастовок 1893-1913 гг., ставящая целью введение всеобщего избирательного права (началась в провинции Эно), несколько забастовок в кризисные 1930-е (также в Эно и Боринаже). Самыми крупными забастовками в бельгийской истории были забастовки в 1950 году (против возвращения короля) и в 1960-61 гг. (против т.н. Закона о единстве). Тогда участие в акциях протеста в Льеже и Шарлеруа приняли от 700 до 800 тысяч человек⁶.

Немного предыстории: 12 марта 1950 года был проведён референдум по вопросу о возвращении короля Леопольда III из Австрии, куда он был перевезён германской оккупационной администрацией.

⁶ De grootste stakingen uit de Belgische geschiedenis // De Standaard. URL: http://www.standaard.be/cnt/dmf20141015_01323311 (date of access: 29.06.2016)

Католическая и монархическая Фландрия отдала 72 % голосов «за»; в Валлонии голосов «за» было лишь 42 %. В национальном масштабе перевес (57 %) всё же получили сторонники короля [Falter 2012, p. 381]. Впервые поляризация общества столь резко проступила в цифровых данных, при этом имея подчеркнута не только и не столько идеологический, но региональный (фламандско-валлонский) характер. Однако из-за забастовок 1950-го года, которые начались в Валлонии и привели к нескольким смертям, король отрёкся от престола.

Нетрудно прийти к выводу, что забастовки чаще всего начинались (или локализовывались) во франкоязычной Бельгии. В XIX веке Валлония уже приобрела свой «социалистический» облик, чтобы не отступить от него и в наши дни. В.Я. Швейцер пишет: «...это способствовало укоренению в Валлонии социалистических и либеральных воззрений. (...) В аграрной по преимуществу Фландрии с её патриархальностью, тяготением к католической церкви консервативные ценности изначально превалировали» [Швейцер и др. 2009, с. 285]. Ему вторит бельгийский историк Андре Моммен: «Во франкофонной части Бельгии королевский вопрос укрепил традиционный образ правой и клерикальной Фландрии и левой, демократической, „красной“, то есть воинствующе социалистической и коммунистической Валлонии» [Моммен 2013, p. 21].

Одно из исследований современной политической культуры Валлонии называется «L'État PS» – «государство СП», Социалистической партии [Vanhecke, De Man 2007]. Экономист, известный в Бельгии партийный и политический деятель Руди Эрно отмечал, что в Валлонии очень трудно достичь успеха в бизнесе и многих других сферах, если ты не состоишь в рядах социалистов [Aernoudt 2006, p. 200]. Социализм, коммунизм, анархизм, секуляризм – всем этим «валлонским» чертам, которыми сама Валлония очень гордится, противостояла правая, «клерикальная» Фландрия. Речь не о национальной принадлежности – среди валлонов есть приверженцы правой части идеологического спектра, среди фламандцев немало приверженцев левой идеологии. Речь о политической культуре, которая в бельгийском дискурсе приняла чётко выраженную «региональную» окраску.

Крупнейшая за последнее десятилетие всеобщая забастовка прошла в Бельгии 15 декабря 2014 года. В результате действий бастующих была парализована транспортная система и работа коммунальных служб, отменено около 600 авиарейсов, закрыты мно-

гие заводы и фабрики⁷. По подсчётам бельгийского объединения предпринимателей *Voka*, ущерб от акций составил 600 миллионов евро⁸. Бельгийцы протестовали против пенсионной реформы – коалиционное правительство Шарля Мишеля намеревалось поднять возраст выхода на пенсию – и отмены индексации зарплат в текущем финансовом году. Фламандские правые создали в социальной сети Facebook группу под названием «Мы не бастуем!» (*Wij staken niet mee!*), куда вступило около ста семи тысяч противников забастовки⁹. Основным организатором выступил Фламандский католический студенческий союз (KVHV). Большинство же бастующих демонстрировали символику Социалистической партии, общепольского социалистического профсоюза ABVV/FGTB и франкоязычного профсоюза CGSP¹⁰.

Поместим мировоззренческий фактор в более широкий контекст «системы опор», пилларизации, характерной для Бельгии и Нидерландов. Данное явление в оригинале называется «ферзёйлинг» (*verzuiling*) – горизонтальное разделение общества на крупные группы в соответствии с общественно-политическими и религиозными взглядами. В Бельгию подобная социальная модель пришла из Нидерландов, но религиозный фактор в силу относительной католической гомогенности, проистекающей из Контрреформации и более долгого испанского правления, здесь имел меньшее значение. Если в Нидерландах «опоры» включали в себя католическую, протестантскую (подразумевалась кальвинистская) и социалистическую, то в Бельгии это были католический, либеральный и социалистический (появился значительно позже первых двух) слои. В силу вышеуказанных обстоятельств во Фландрии превалировал «католический» слой, в Валлонии – «социалистический». И если в Нидерландах самой ко-

⁷ В Бельгии проходит крупнейшая за 9 лет всеобщая забастовка // Радио Свобода. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/26745431.html> (дата обращения: 29.06.2016).

⁸ Vakbonden tevreden over stakingsdag; Charles Michel roept op tot overleg // Knack. URL: <http://www.knack.be/nieuws/belgie/herlees-vakbonden-tevreden-over-stakingsdag-charles-michel-roept-op-tot-overleg/live-normal-518481.html> (date of access: 29.06.2016).

⁹ Daar zijn de Facebookgroepen tegen de nationale stakingsdag al // Het Belang van Limburg. URL: http://www.hbvl.be/cnt/dmf20141016_01324624/daar-zijn-de-facebookgroepen-tegen-de-nationale-stakingsdag-al (date of access: 29.06.2016).

¹⁰ Confrontatie tussen vakbondsmilitanten en politie aan N-VA-hoofdkantoor // De Standaard. URL: http://www.standaard.be/cnt/dmf20141215_01430290 (date of access: 29.06.2016).

ролевской властью в 70-е гг. был инициирован процесс «ликвидации опор» (ontzuijing), то в Бельгии этого не произошло: одни институты и организации слились друг с другом или прекратили существование за ненадобностью, другие дожили до наших дней.

Логичным образом подобные социальные и мировоззренческие «разрывы» (cleavages, по Стейну Роккану) наложились на существовавшие изначально и ранее упомянутые лингвистические противоречия. В XX веке это привело к окончательной институционализации Фламандского движения как организующей силы: без социального компонента оно бы осталось «клубом любителей фламандской словесности». Подобная институционализация проходила как в рамках сохранявшегося ферзёйлинга, так и в новой для фламандских интеллектуалов партийной форме: в интербеллум «фламандской партией» стала Фронтальная партия (Frontpartij), после войны – Народный союз (Volksunie). Парадным фасадом в XX веке по-прежнему оставались языковые противоречия, которые были подняты на щит и во время Первой мировой войны, и в период студенческих волнений 60-х годов. Однако ключевое событие в укреплении валлоно-фламандской дихотомии – упомянутый референдум о возвращении короля Леопольда III – стало таковым вследствие региональных мировоззренческих различий. Более того, федерализация Бельгии, многим кажущаяся прорывом фламандской идеи, на практике была предложена франкофонами и осуществлялась в соответствии с их условиями: экономический упадок Валлонии побудил их к стремлению разграничить ответственность с растущей экономически Фландрией [Leen 2008, p. 24].

Нынешний дискурс уже не имеет столь ярко выраженного лингвистического характера, за исключением риторики вокруг проблемы «брюссельской периферии» – франкоязычных анклавов во фламандском окружении столицы. Там же, прежде всего, активны такие несколько маргинальные движения как «Форпост» и «Комитет языкового действия». Один из основных лозунгов фламандских националистов XXI века – «хватит кормить Валлонию». Проблема экономических трансферов из фламандской в валлонскую часть страны регулярно всплывает во время предвыборных кампаний. Сецессионистская партия «Фламандский интерес» подсчитала, что в год одна фламандская семья отдаёт Валлонии эквивалент стоимости малолитражки [Leen 2008, p. 24] (по официальным данным – более 7 % ВРП региона [Попов 2012, с. 303]). Современный исследователь

сецессионизма Ф.А. Попов выделяет в качестве фактора, «влияющего на развитие сецессионистской идентичности», как раз экономическое «доминирование территории» в составе Бельгии [Попов 2012, с. 303].

Таким образом, социальное измерение изначально служило движущей силой фламандского конфликта, лишь на первый взгляд исключительно лингвистического. Социальные факторы доминируют в дискурсе фламандских националистов и по сей день.

Литература

- В Бельгии проходит крупнейшая за 9 лет всеобщая забастовка // Радио Свобода. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/26745431.html> (дата обращения: 29.06.2016).
- Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / под ред. В.Я. Швейцера. Москва: Весь мир, 2009. («Старый Свет – новые времена»). 544 с.
- Козырев Г. И. Основы социологии и политологии. Москва: ИД «Форум»; ИНФРА-М, 2008. 240 с.
- Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 318 с.
- Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. Москва: Новый Хронограф, 2012. 672 с.
- Социология. Основы общей теории: Учебник для вузов / отв. ред. академик РАН Г. В. Осипов, действительный член РАЕН Л.Н. Москвичев. Москва: Норма, 2003. 912 с.
- Aernoudt R. Wallonie-Flandre: je t'aime, moi non plus. Brussel: Roularta Books, 2006. 233 p.
- Confrontatie tussen vakbondsmilitanten en politie aan N-VA-hoofdkantoor // De Standaard. URL: http://www.standaard.be/cnt/dmf20141215_01430290 (date of access: 29.06.2016).
- Daar zijn de Facebookgroepen tegen de nationale stakingsdag al // Het Belang van Limburg. URL: http://www.hbv1.be/cnt/dmf20141016_01324624/daar-zijn-de-facebookgroepen-tegen-de-nationale-stakingsdag-al (date of access: 29.06.2016).
- De grootste stakingen uit de Belgische geschiedenis // De Standaard. URL: http://www.standaard.be/cnt/dmf20141015_01323311 (date of access: 29.06.2016)
- Falter R. België: een geschiedenis zonder land. Antwerpen: De Bezige Bij, 2012. 461 p.
- Leen L. Het einde van België? 10 vragen en antwoorden over dit kunstmatige land. Brussel: Egmont, 2008. 42 p.

Mommen A. Chantal Kesteloot over Waals regionalisme tegenover Vlaams nationalisme // Vlaams Marxistisch Tijdschrift. 2013. No. 2. P. 20-23
Reynebeau M. Het klauwen van de leeuw. Antwerpen: Halewyck, 1995. 305 p.
Vakbonden tevreden over stakingsdag; Charles Michel roept op tot overleg // Knack. URL: <http://www.knack.be/nieuws/belgie/herlees-vakbonden-tevreden-over-stakingsdag-charles-michel-roept-op-tot-overleg/live-normal-518481.html> (date of access: 29.06.2016).

Nederlands piëtistisch Calvinisme: Taal, moderniteit en individuatie

Bastiaan Theodor Lohmann

docent, Russische Staatsuniversiteit voor Humaniora, Moskou

Samenvatting. *In dit artikel wordt ingegaan op devotieele aspecten van bevindelijk gereformeerden, een groepering die ontstaan is door de Nadere Reformatie, na de Synode van Dordrecht (1618-1619). De Nadere Reformatie streefde naar een verdieping van het geloof, waarbij een verschuiving te zien was van een collectief beleefd geloof naar een individualisering van geloof. Deze vorm van geïndividualiseerde religiositeit was een fenomeen dat bij de Moderne Tijd kan worden gerekend: er kwam aandacht voor de gelovige als mens. Deze calvinisten worden sinds de vorige eeuw aangeduid als 'bevindelijk gereformeerden' en horen 'de zwaren'. Kenmerkend voor de bevindelijk gereformeerden is conservatisme en traditionalisme. Hun geloof heeft een sterk piëtistische inslag met een subjectieve, geïndividualiseerde geloofsbeleving. Het besef persoonlijk door God uitverkoren te zijn (de centrale problematiek voor deze christenen) moet niet intellectueel, maar doorleefd zijn. Deze doctrine resulteert in een specifiek devotieel model dat bestaat uit een heilsweg met drie verschillende heilstadia: het stuk der ellende, het stuk der verlossing en het stuk der dankbaarheid. Door deze intieme wordingsgeschiedenis te verwoorden en kenbaar te maken aan anderen, kunnen andere uitverkorenen oordelen of de persoon in kwestie zich niets inbeeldt en daadwerkelijk bekeerd is. In deze kringen bestaat een specifieke taal waarin de geloofservaringen worden uitgedrukt: de Tale Kanaäns: een specifiek jargon dat grotendeels gebaseerd is op de taal van de 17^e eeuwse Statenvertaling en niet alleen voor buitenstaanders onbegrijpelijk is, maar ook voor niet-bekeerden uit eigen kring. Elk heilstadium heeft zijn eigen specifieke woorden en uitdrukkingen. Deze taal is niet arbitrair, de doorleefde ervaringen kunnen uitsluitend in de Tale Kanaäns worden uitgedrukt: er is een innige relatie tussen de bevinding van de uitverkiezing en de Tale Kanaäns. Ondanks traditionalisme beweegt dit geïnternaliseerde geloof zich van individualisering naar individuatie, waarmee het wezenlijke kenmerken van de Moderne Tijd tentoonspreidt.*

Trefwoorden: *Nederlands calvinisme, Nadere Reformatie, Moderne Tijd, piëtisme, individualisering, individuatie, Tale Kanaäns*

Dutch Pietistic Calvinism: Language, Modernity and Individuation

Abstract. This article discusses the devotional practices of strict Dutch pietistic Calvinists, a movement which emerged from the Further Reformation after the Synod of Dordt (1618-1619). The Further Reformation strove to intensify faith in a manner that demonstrated a shift from collective experience of faith towards individualization of faith. This new form of individualized religiosity was a phenomenon that would become characteristic for Modernity as a whole. Collectiveness would give way in favour of the individual. The Calvinists adhering to this movement came to be known as strict pietistic Calvinists; they experience faith in a subjective, highly individualised way, sometimes contiguous with mysticism. The central issue is whether one belongs to those chosen by God to be saved. This knowledge is not intellectual, it has to be felt by one's heart. This doctrine results in a devotional model consisting of three phases of salvation: the phase of misery, salvation and gratitude. When having accomplished these phases, one is expected to express one's intimate spiritual experiences, thus allowing other faithful, being regarded as chosen, to judge whether these findings are authentic and truthful. The language used to describe spiritual experiences is only intelligible to those faithful, whose salvation is acknowledged by the community: the Tongue of Canaan. It can be defined as a group language, largely based on the solemn, archaic language used in the Bible translation of 1637 ('Statenvertaling'). Every phase of salvation has its own specific words and expressions. This language is not arbitrary, the spiritual or mystical moments one has gone through can only be verbalized by means of this glossary; there is a close relation between the words used describing spiritual experiences and the fact of one's salvation. This internalized faith moves from individualization towards individuation, thus displaying one of the key features of Modernity.

Key words: Dutch Calvinism, Further Reformation, Modernity, pietism, individualization, individuation, Tale Kanaäns

Voorgeschiedenis

Het begin van de Reformatie moet in Duitsland gezocht worden, want het is onverbreekelijk verbonden met Maarten Luther (1483-1546) en zijn hervormingen. Gezien de geografische nabijheid van Duitsland zou men verwachten dat de Reformatie vanuit Duitsland naar Nederland zou zijn gekomen, maar het Nederlandse protestantisme is toch bovenal van

onmiskkenbaar calvinistische signatuur. Waar komt die beslissende invloed van het calvinisme vandaan?

Johannes Calvijn (1509-1564), de stichter van deze protestantse stroming, was actief in het Franstalige deel van Zwitserland en door het ontbreken van een taalbarrière tussen dit deel van Zwitserland en Frankrijk kon calvinistisch gedachtegoed zich makkelijk uitbreiden naar Frankrijk, waar het aantal calvinisten al snel groter werd dan in Zwitserland zelf; in Frankrijk kregen ze de naam hugenoten. Vanuit Frankrijk konden de hugenoten doordringen in de Zuidelijke Nederlanden, waar ook geen taalbarrière was. We moeten niet vergeten dat er in die tijd nog geen taalstrijd bestond en dat in de Zuidelijke Nederlanden Frans en Nederlands vreedzaam naast elkaar bestonden.

De Franse kerken vormden een natuurlijk arsenaal van predikers, door wier invloed het calvinisme zich hier kon ontwikkelen tot een eigen Nederlandse beweging (...).¹¹

Het is daarom geen toeval dat de eerste Nederlandse Geloofsbelijdenis, de 'Confessio Belgica' in 1561 is opgesteld door Guido de Brès (1522-1567), een Waalse theoloog en predikant. Dit theologische traktaat maakt tot op de dag van vandaag deel uit van de reformatorische theologie in Nederland. Onder meer deze prediker, die ook actief was in Vlaanderen, heeft veel bijgedragen aan de verspreiding van het reformatorische gedachtegoed in de Zuidelijke Nederlanden. Zo ontstond in de Zuidelijke Nederlanden gaandeweg een sterke calvinistische stroming die goed was georganiseerd en waarvan vele aanhangers hoog waren opgeleid en daarmee ook theologisch goed waren onderlegd. Aan het eind van de 16^e eeuw ging het niet goed met de hugenoten in Frankrijk; de vervolgingen namen toe, deels om politieke redenen, deels door de contrareformatie. Zo vertrokken veel hugenoten onder meer naar de Zuidelijke Nederlanden en ook naar de Republiek der Zeven Verenigde Nederlanden, met name Holland. Zoals gezegd waren van deze mensen de meesten niet alleen overtuigde calvinisten, maar velen van hen waren ook hoogopgeleid, waardoor ze al snel veel aanzien kregen in de Republiek.

Inmiddels zijn we aanbeland in het begin van de 17^e eeuw, de Tachtigjarige oorlog, die als insteek de soevereiniteit van de Lage Landen en godsdienstvrijheid heeft, woedt al sinds 1568. De gevechtshandelingen worden tijdelijk gestaakt door een Twaalfjarig bestand (1609-1621). In

¹¹ Brienens, T., Exalto, K., Graafland, C., Loonstra, B., Spijker, W. van 't. *De Nadere Reformatie en het Gereformeerd Piëtisme*. ('s-Gravenhage: Uitgeverij Boekencentrum B.V., 1989) p. 44.

deze periode vindt een van de belangrijkste gebeurtenissen plaats in het leven van de toekomstige Nederlandse natie: de Synode van Dordrecht van 1618-1619.

Synode van Dordrecht (“Dordt”) 1618-1619

De Synode van Dordrecht was allereerst bedoeld om de leerstellingen van het calvinistisch-reformatorische geloof vast te stellen. Als grondslag van dit geloof werden de zg. Drie Formulieren van Enigheid opgesteld tijdens deze synode, die bestonden uit de eerdergenoemde Confessio Belgica, Heidelbergse Catechismus, opgesteld door Zacharias Ursinus en Caspar Olevianus in 1563, en de zg. Dordtse Leerregels. Deze laatste worden ook wel de Vijf Artikelen tegen de Remonstranten genoemd en refereren naar de richtingenstrijd die was ontbrand tussen de Nederlandse calvinisten. Tussen twee theologieprofessoren van de Leidse universiteit, Gomaris en Arminius, was grote onenigheid ontstaan over de predestinatieleer (de uitverkiezing) en Gods genade: is redding in principe voor iedereen die tot geloof komt mogelijk of heeft God voor het begin van de eeuwigheid beslist wie gered wordt en zijn de anderen op voorhand veroordeeld? Dit was feitelijk het bekende verschil tussen de vrijzinnigen en de zg. ‘fijnen’ dat de Nederlandse calvinisten nog steeds verdeelt. De politieke situatie ten tijde van deze synode maakte dat de politieke elite partij kozen voor de orthodoxen, de ‘fijnen’, dus voor de meest strenge leer omtrent uitverkiezing en verwerping. Hiermee werd de predestinatieleer verplicht voor alle predikanten. De aanhangers van Arminius verloren het pleit en vrijzinnige predikanten werden geschorst: ze mochten de preekstoel niet meer bestijgen. Toch zou niet veel later blijken dat deze overwinning van het orthodox-calvinistische kamp slechts van tijdelijke aard zou zijn.

Statenvertaling

Tijdens deze synode werd besloten de Bijbel in het Nederlands te vertalen. Men wilde een bijbelvertaling die rechtstreeks uit de grondtalen naar het Nederlands zou zijn vertaald, dus het Oude Testament uit het Hebreeuws en het Nieuwe Testament uit het Koinè-Grieks. Hoewel aan deze vertaling mensen meewerkten uit verschillende delen van de toenmalige Nederlandse Republiek, hadden de eerdergenoemde calvinisten uit de Zuidelijke Nederlanden toch een aanzienlijke invloed op het eindresultaat: niet alleen waren ze nadrukkelijk vertegenwoordigd op de Synode van Dordt, maar door hun hoge opleidingsgraad waren er

juist onder hen velen te vinden die Hebreeuws, Aramees en Koinè kenden en daardoor belast werden met het eigenlijke vertaalwerk en vooral met de supervisie over dat vertaalwerk. Ongetwijfeld moet de invloed van de Vlaams-Brabantse schrijftraditie in dit verband genoemd worden; in de 13e en 14e eeuw bevond zich het cultureel en literair centrum van de Nederlanden in deze gewesten en was het Bourgondische hof in Brussel gevestigd. Zo kregen zuidelijke dialecten, vooral het Brabants, hun weerslag in de taal van de Bijbel. Zo werd niet gekozen voor de noordelijke verkleinsuffixen op *-je*, maar voor de zuidelijke variant *-ken*: niet *vogeltjes*, maar *vogelkens*, en ook qua spelling en lexicon vertoonde de vertaling ondubbelzinnige Zuid-Nederlandse invloeden. Desondanks werd deze vertaling, de zg. Statenvertaling, beschouwd als voorbeeldig taalgebruik en werden de destijds al als archaisch ervaren elementen geaccepteerd omdat ze de tekst een extra plechtig, sacraal karakter gaven. Daar komt nog bij dat de zuidelijke varianten voor de Noord-Nederlanders destijds als chique en daarmee plechtig klonken en daardoor een zeker prestige genoten. In 1637 was de vertaling voltooid en vond ze haar ingang door de hele toenmalige Nederlanden; ze heeft een belangrijke rol gespeeld in de standaardisering van het Nederlands, ook al grepen de vertalers terug op grammatica's en woordenboeken die al bestonden voordat hun vertaling werd voltooid.

Remonstranten en contraremonstranten

In het voorgaande is al gezegd dat de zg. Contraremonstranten, de strenge calvinisten, het pleit wonnen door politieke steun – maar niets is vluchtiger dan politieke steun. Deze steun betekende geenszins dat de meederheid van de bevolking zonder meer achter hen stond. Zoals reeds gezegd, waren Gomaris en zijn aanhangers uitgesproken vertegenwoordigers van de orthodox-calvinistische leer, waarbij het hoofdzakelijk gaat om de predestinatieleer, de uitverkiezing. Volgens deze doctrine, de dubbele predestinatie genoemd, zou God voor het begin van de eeuwigheid hebben beslist welke mens uitverkozen en welke verworpen is. Is iemand veroordeeld, dan kan hij geen enkele invloed uitoefenen op zijn zieleheil, het doen van goede werken wordt daarmee zinloos. Daarbij wordt geleerd dat het aantal veroordeelden het aantal heiligen ruimschoots overstijgt, wat het perspectief op de redding van de eigen ziel voor de meeste gelovigen troebel maakt. De orthodoxe calvinisten baseerden zich niet alleen op de Drie Formulieren van Enigheid, maar uiteraard bovenal op de Bijbel. Die Bijbel kwam een kleine twintig jaar na de Dordtse

Synode in vertaling voor iedereen ter beschikking en werd nu niet alleen door iedereen gelezen, maar werd ook op velerlei wijze geïnterpreteerd. De meerderheid interpreteerde de Bijbel niet ten gunste van de dubbele predestinatie, een leer die onder de gelovigen maar weinig aanhangers vond. Er had zo een paradoxale ontwikkeling plaats: de orthodoxe calvinisten hadden op Dordt de overwinning behaald, maar ze hadden relatief weinig volgelingen. Daarnaast nam ook de politieke steun voor hun richting af en werd men gaandeweg toleranter jegens afwijkende doctrinaire opvattingen; hierdoor mochten in 1634, vijftien jaar na Dordt, remonstrantse predikanten weer op de kansel. Niet alleen vond men de predestinatieleer onaantrekkelijk, de orthodoxen schreven daarnaast een buitengewoon veeleisende en ascetische leefstijl voor die op verreweg de meeste gelovigen geen enkele aantrekkingskracht uitoefende. Integendeel, de meerderheid van de Nederlandse calvinisten verviel tegen het midden van de 17^e eeuw tot een zekere gezapigheid.¹² De strenge calvinisten verwelkomden deze ontwikkeling allerminst, maar vanaf het begin was duidelijk dat zij een minderheidsbeweging zouden zijn met hun strikte, veeleisende naleving van een reformatorisch geloof dat allen die minder hoge eisen stelden aan hun geloof en aan zichzelf als halfslachtig en lauw beschouwde en hen als zodanig bestreed.

De Nadere Reformatie

Maar laten we onderzoeken waarmee de orthodoxe calvinisten die hoge eisen aan de individuele gelovigen motiveerden. Deze gelovigen wilden niet alleen trouw blijven aan alle leerstellingen van Dordt, maar waren van mening dat de Reformatie niet ver genoeg was doorgedrongen in de harten van de mensen, in de samenleving, in de politiek, en dat de Reformatie daarom moest worden voortgezet en uitgediept. Deze beweging werd bekend onder de naam Nadere Reformatie en werd gedragen door een aantal theologen, geleerden en zeer gedreven predikanten. Deze beweging stoelde deels op het middeleeuwse mysticisme zoals we dat kennen van de Moderne Devotie van Thomas à Kempis, deels op de Engelse puriteinen en de piëtisten. Wat deze beweging op één lijn bracht met de puriteinen en de piëtisten was de focus op de ziel, op het binnendringen in de diepste sferen van het menselijk bewustzijn¹³. De

¹² Meiden, A. van der, 'De zwartekousenkerken' *Bevindelijk heroverwogen portret* (Baarn: Uitgeverij Ten Have, 1993) p. 102.

¹³ Brienens, T., Exalto, K., Graafland, C., Loonstra, B., Spijker, W. van 't, *De Nadere Reformatie en het Gereformeerd Piëtisme*. ('s-Gravenhage: Uitgeverij

Nadere Reformatie wilde zich uitspreiden over het geloof van alledag, het geloof moest het hart beroeren, het innerlijke geestelijke en sociale leven beïnvloeden. Haar aanhangers betoogden dat het reformatorische geloof niet alleen met het verstand, maar ook met het hart moest worden beleefd¹⁴. Hier manifesteert zich een ontwikkeling van een voor de middeleeuwen karakteristiek *collectief* beleefd geloof naar een *individualisering* van het geloof dat juist kenmerkend is voor de Moderne Tijd. Het ontstaan van het zedelijke ideaal van de Nadere Reformatie met zoveel aandacht voor het individu vond dan ook plaats op het breukvlak van deze Moderne Tijd. Door de nadruk op het hart, het gevoel, kreeg de Nadere Reformatie een geprononceerd subjectief element, maar feitelijk kan ook dat worden toegeschreven aan het individuele karakter van deze geloofsrichting. Het persoonlijke geweten kwam, naast de Bijbel en de eigen gemeente, in deze kringen centraal te staan; voor die tijd was dat een geheel nieuwe ontwikkeling.

Het is de tijd, nog niet van de moderne pastorale psychologie of psychiatrie, maar wel die van de opkomende, uitgroeiende belangstelling voor de mens als mens, voor de gelovige als gelovige. De collectiviteit staat op breken. De individualiteit kondigt zich aan. En dat was niet een zaak van de Nadere Reformatie ... Het was een kwestie van de geschiedenis, die het moment bereikt had, waarop *déze* zaken aan de orde moesten komen.¹⁵

Deze ontwikkeling wordt ook wel de *internalisering* van het geloof genoemd: wat vroeger formeel en uitwendig was, wordt verinnerlijkt, wordt een eigen, vanzelfsprekende keuze. We zien hier een grote paradox: enerzijds was de Nadere Reformatie, met haar moderne nadruk op de individuele mens en diens persoonlijke geloof, een Europese beweging die verwant was met Puritanisme en Piëtisme. Anderzijds raakt ze steeds geïsoleerder in de Nederlandse samenleving: een zekere verflauwing van het geloof werd steeds algemener en de positieve kracht van het christelijke geloof kon alleen in kleine kring worden beleefd; men trok zich daarom terug in gezelschappen van gelijkgezinden.¹⁶

Boekencentrum B.V., 1989) p. 46.

¹⁴ Janse, C.S.L., *Bewaar het pand. De spanning tussen assimilatie en persistentie bij de emancipatie van de bevindelijk gereformeerden* (Houten: Den Hartog B.V., 1985) p. 73.

¹⁵ Brienens, T., Exalto, K., Graafland, C., Loonstra, B., Spijker, W. van 't, *De Nadere Reformatie en het Gereformeerd Piëtisme*. p. 46.

¹⁶ Brienens, T., Exalto, K., Graafland, C., Loonstra, B., Spijker, W. van 't, *De Nadere Reformatie en het Gereformeerd Piëtisme*. p. 43.

De bevindelijk gereformeerden

Uit hen, die deel uitmaakten van de Nadere Reformatie, kwamen in de loop van de 17^e en 18^e eeuw de *bevindelijk gereformeerden* voort, een nog niet zo oude verzamelnaam voor een caleidoscoop van kerken en geloofsgemeenschappen die de erfenis van Dordt en de idealen van de Nadere Reformatie in ere houden. In de volksmond worden ze ‘de fijnen’ of de ‘zwartekousenkerk’ genoemd. Ze staan bekend om hun teruggetrokken leefwijze en hun conservatieve opvattingen; een aantal van hen is tegen verzekeringen en vaccinatie omdat dit naar hun mening in gaat tegen Gods wil. Hoewel dit soort dingen uitsluitend uiterlijke kenmerken zijn, vallen in de moderne Nederlandse samenleving de bevindelijk gereformeerden juist hierdoor op en komen ze juist hierdoor soms in het nieuws. Waar tradities in het moderne Nederland nauwelijks nog een rol spelen, zijn deze calvinisten juist wel traditioneel: zo erkennen ze alleen de Statenvertaling, psalmberijmingen uit de 18^e eeuw en houden ze zich onverkort aan alle leerregels van Dordt, waar dit in moderne protestantse kerken niet meer het geval is.

Piëtistisch devotieel model: ‘de stukken’

In het voorgaande is al ter sprake gekomen dat in de beweging van de Nadere Reformatie grote nadruk gelegd werd op het ervaren van het geloof met het hart, dus een subjectieve, sterk geïndividualiseerde geloofsbeleving. Hiermee had deze beweging een sterk piëtistisch aspect en dat rechtvaardigt het dit geloof als ‘piëtistisch calvinisme’¹⁷ te kenschetsen. Dit piëtistisch calvinisme heeft een aantal zeer specifieke kenmerken. De centrale vraag in dit geloof is: heeft God mij uitverkoren? Men gaat er in deze kringen vanuit dat de mens tijdens zijn leven kenbaar kan ervaren of God hem uitverkoren heeft, maar men moet dan zoeken naar tekenen, bewijzen van de eigen uitverkorenheid. Maar de zondige mens kan niet zonder meer verzekerd zijn van zijn eigen uitverkiezing, het besef uitverkoren te zijn moet niet intellectueel, maar *doorleefd* zijn. Deze doctrine resulteert in een specifiek devotieel model. In dit model spreekt men van een *heilsweg* die bestaat uit drie verschillende *heilssstadia*, ook ‘stukken’ (stukken van de heilsweg) genoemd: het stuk der ellende, het stuk der verlossing en het stuk der dankbaarheid.

¹⁷ De bevindelijk gereformeerden zelf wijzen de term ‘piëtistisch’ af, omdat ze niet geassocieerd willen worden met het Lutherse piëtisme: Janse, C.S.L., *Bewaar het pand* pp. 64-65.

Het stuk der ellende houdt in dat de mens zich bewust wordt van zijn zondige staat of doodstaat. Hij heeft zich van God afgekeerd en hem wacht de eeuwige dood. In deze fase wordt gekleurd door zielenood, angst voor het oordeel, maar ook droefenis om de eigen zondigheid en onmacht.

Het stuk der verlossing reikt de zondaar een uitweg aan uit de ellende. Hij wil deel krijgen aan het werk van de Verlosser (Christus) en zijn eigen verlossing bewerkstelligen. Echter, dit verlossend werk van Christus geldt alleen voor de uitverkorenen. Hier komen we in aanraking met de eerdergenoemde predestinatieleer; hierbij is de mens door Gods vrije wilsbeschikking verkozen, niet door eigen verdiensten. In het stuk der verlossing vindt de rechtvaardigmaking van de mens plaats door Christus’ zoenoffer. Hij wordt versterkt door de Heilige Geest in zijn kennis vrijgekocht te zijn door Christus. De redding van de mens is daarmee nooit een verdienste, ze is uitsluitend te danken aan Gods genade.

Dit is geen zaak van ‘weet hebben’ van hetgeen de traditie zegt en daarmee instemmen, maar van een doorleefd weten. Dit doorleefd weten wordt in bevindelijke kring aangeduid als *b e v i n d i n g*. Het al dan niet deelhebben aan die kennis ligt vast in de uitverkiezing.¹⁸

Het stuk der dankbaarheid, ook wel *heiligmaking* genoemd, behelst de dankbaarheid van de mens aan God voor de vergiffenis van zijn zonden. Het stuk der dankbaarheid uit zich in levensheiliging en het doen van goede werken tot Gods eer.

Naast deze drie heilssstadia wordt er nog een *zg. toeleidende weg* onderscheiden, op de opmaat naar het stuk der ellende. Deze toeleidende weg wordt op zijn beurt ingedeeld in een aantal fasen. Dan is er nog de *staatsverwisseling* of *levendmaking*, het moment van bekering: een gelovige die doorleefd weet dat hij is uitverkoren, is ‘bekeerd’ en wedergeboren. Al deze stadia en zielstoestanden in hun geheel maken deel uit van het centrale begrip *bevinding*: de mystiek-affectieve ervaring van geloofswaarheden. Het zich toe-eigenen van deze waarheden sterkt de gelovige in zijn spirituele staat jegens God en schept voor hem de zekerheid uitverkoren, bekeerd te zijn.

¹⁸ Hijwege, N., *Bekering in bevindelijk gereformeerde kring*. Een psychologische studie. (Kampen: Kok, 2004) p. 100.

Individualisme en individuatie

Eerder is al het verband gelegd tussen de individualisering van het geloof en de Nadere Reformatie, waar de bevindelijk gereformeerden uit voortkomen. Echter, individualisering is in deze context toch een sociaal-maatschappelijk proces, waarbij een verschuiving optreedt van collectief beleven naar een bewuster, geïnternaliseerde vorm van geloven. Het is geen psychologisch proces, alhoewel individualisering ongetwijfeld psychologische aspecten bevat. Het soteriologisch-devotionele model zoals we dat aantreffen bij de bevindelijk gereformeerden is echter dermate gericht op het innerlijke, meest intieme geestelijke leven van de mens, zijn verborgen omgang met God, legt de nadruk dusdanig op diens innerlijke ontwikkeling, dat dit model psychologisch kan worden bestudeerd en geanalyseerd. En meer dan dat: het devotionele model is gericht op maximaal mogelijke zelfwording, antwoordend op Gods stem wordt de mens die hij ontologisch altijd was: een schepsel Gods dat zo dicht mogelijk bij zijn Hemelse Vader wil staan. Voor ‘worden wie je eigenlijk altijd al was’ is er een term in de psychologie: *indivduatie*. Indivduatie is een kernbegrip uit de Jungiaanse psychoanalyse. Het gaat volgens Jung¹⁹ om het proces waarbij het bewustzijn van een persoon geïndividualiseerd en gedifferentieerd wordt van andere individuen. Met andere woorden: indivduatie is een groeiproces, waarbij de mens zich bewust wordt van zijn uniciteit tegenover anderen.²⁰ In de context van dit soteriologisch-devotioneel model kan het afleggen van de heilsweg als een groeiproces worden beschouwd, de uniciteit tegenover anderen als het bekeerd zijn. Het doel van indivduatie is volgens deze opvatting zichzelf te leren kennen, wat in ons geval betekent dat de mens aan zijn schuld- of doodstaat ontdekt wordt en dat hij zelf niets kan doen voor zijn redding. Indivduatie, aldus Jung, is het zo veel mogelijk verwezenlijken van ons potentieel, dit is het hoofddoel in ons leven. In de bevindelijke context betekent dit doel te weten komen dat iemand behoort tot de uitverkorenen, deel te hebben aan Gods uitverkiezing en Hem tot in eeuwigheid te loven. Dit brengt een verandering van de levensoriëntatie teweeg die door de betrokkene altijd als positief ervaren wordt en deel uitmaakt van het realiseren van iemands potentieel. Toegegeven, het bekeerd zijn is in de reformarische heilsleer alleen voorbehouden aan de uitverkorenen, maar dat is een doctrinair, geen psychologisch aspect.

¹⁹ Carl Gustav Jung (1875 – 1961), psychiater en psychoanalist, grondlegger van de analytische psychologie.

²⁰ Indivduatie. Wikipedia. Geraadpleegd op 5 oktober 2018.

Ons interesseert hier de psychologische en fenomenologische dimensie van het afleggen van de heilsweg met zijn heilstadia als ultieme verwezenlijking van de menselijke persoonlijkheid in zijn relatie tot God, gezien binnen het soteriologisch-devotioneel model van de bevindelijk gereformeerden. Het afleggen van de heilsweg, een bij uitstek strikt persoonlijk, welhaast intiem proces, zou zo als een ultieme indivduatie kunnen worden beschouwd.

De Tale Kanaäns

In bevindelijke kringen is het gebruikelijk te spreken over de persoonlijke ervaringen die iemand hebben gebracht tot het besef dat hij of zijn uitverkoren is. Door deze intieme wordingsgeschiedenis te verwoorden en kenbaar te maken aan anderen, kunnen andere uitverkorenen oordelen of de persoon in kwestie zich niets inbeeldt en daadwerkelijk bekeerd is. Dit gebeurt in een bijzonder spraakgebruik dat de *Tale Kanaäns* wordt genoemd. Het gaat hier om een specifiek jargon dat grotendeels gebaseerd is op de taal van de 17^e eeuwse Statenvertaling en niet alleen voor buitenstaanders onbegrijpelijk is, maar ook voor bevindelijk gereformeerden zelf die niet bekeerd zijn. Elk heilstadium heeft zijn eigen specifieke woorden en uitdrukkingen. Deze taal is niet arbitrair, de doorleefde ervaringen kunnen uitsluitend in de Tale Kanaäns worden uitgedrukt: er is een innige relatie tussen de bevinding van de uitverkiezing en de Tale Kanaäns. In bevindelijke kringen is men van mening dat

... het gebruik van de Tale Kanaäns zelf, het verwoorden van de geestelijke ervaring, de werking van de Geest vereist. Iemand kan zich dus slechts op de geijkte wijze uitdrukken, wanneer het hem of haar gegeven wordt. Woorden en zaken zijn hier onscheidbaar ... het taalgebruik maakt openbaar wie wedergeboren is, het is het meest essentiële kenmerk van de wedergeboorte (Zwemer 1992, p. 192).²¹

Het voor andere bekeerden adequate gebruik van de Tale Kanaäns is zo de toetssteen voor het beoordelen van de waarachtigheid van iemands geestelijke ervaringen; daarmee krijgt deze taal een bijzondere exclusiviteit en wordt het een uitgesproken voorbeeld van een groepstaal.²²

²¹ Zwemer, J.P., In conflict met de cultuur. De bevindelijk gereformeerden en de Nederlandse samenleving in het midden van de twintigste eeuw (Kampen: Uitgeverij De Groot Goudriaan, 1992) p. 192.

²² Bree, C. van, ‘De Tale Kanaäns’ in: B. Hamers and M. Waterlot (eds.), *De Lage Landen en de Religie* (Wydawnictwo KUL, Lublin, 2017) pp. 5-6.

Gelovigen die met elkaar spreken in de Tale Kanaäns begrijpen elkaar met een half woord. De Tale Kanaäns bestaat vooral uit uitdrukkingen en woordcombinaties, die alleen voor uitverkorenen hun betekenis en zin hebben en veel is eerder associatief dan definiërend²³. We laten enkele voorbeelden zien:

- Een ronde wereld kan een driehoekig hart niet vervullen
- Waar hij nu altijd nog een voor God geldende voldoening zoekt in de verbeteringen en het opknappen van zichzelf, daar werkt Gods Geest het nergens minder op aan, dan dat hij eens door de kennismaking van de eis van Gods onkreukbaar recht leert wanhopen aan zijn eigen werk
- Ontsluiting is nog geen overbezetting.
- Toen kreeg ik een oogje des geloofs in de Weg der verlossing uit Psalm 40.
- De Heere is vrijmachtig in Zijn bedeling, hoe lang Hij een ziel in de uitlatende vruchtelijke bediening laat leven; sommigen een lange tijd, anderen daarentegen een kleine tijd.
- Dat zakken en zinken op Jezus' volbrachte werk.
- Eens op het veld staande om mijn arbeid te verrichten, kwam de Heere mij een bezoekje brengen uit de woorden van Zijn profeet: Micha 6 het 3^e tot aan het 8^e vers.
- Zij moet afgekust worden van de hoerenkussen.
- Het zou veel meer tot blijdschap moeten zijn wanneer het Avondmaal aangekondigd wordt, doch het is zo vaak een schrik, en dat is vanzelf vanwege al de ongestalten, het verre afleven van de Heere, en de ongelijkvormigheid ten opzichte van het Beeld Gods en het drukken van de voetstappen Christi.
- (God), Die verkwikt en versterkt en bemoedigt. O was Jezus niet die trouwe vriend, waar kwam dat wormpje nog aan, het loopt zo laag met mij af.
- O... mijn ziel (leerde) kennen, dat ik zalig ontchristend werd in mij zelve. O hierbij werd ik in mij zelve zalig dwaas, opdat de wijsheid Gods mijn hart bestralen zoude, zalig onnoozel, ja zalig kinderachtig werd mijn ziel hierbij.
- Bekeerden moeten voortdurend onbekeerd worden.²⁴

²³ Het meest bekende werk hierover is de dissertatie van Cornelis van de Ketterij; Ketterij, C. van de., De weg in woorden; een systematische beschrijving van piëtistisch woordgebruik na 1900. (Assen: Van Gorcum, 1972) xiv, pp. 458.

²⁴ Alle voorbeelden zijn door mij ontleend aan een recentie door C.C. Bruin: Bruin, C.C., C. van de Ketterij: De weg in woorden, een systematische beschrijving van

Wat opvalt is het archaïsche, voor moderne mensen vaak omslachtige taalgebruik en het gebruik van verkleinwoorden, zoals we dat ook in de Statenvertaling aantreffen: *oogje, bezoekje, wormpje*. Een aantal uitspraken is voor buitenstaanders volstrekt cryptisch, zoals *'Ontsluiting is nog geen overbezetting', 'Dat zakken en zinken op Jezus' volbrachte werk'* en *'Zij moet afgekust worden van de hoerenkussen'*. Andere uitdrukkingen, zoals *'Bekeerden moeten voortdurend onbekeerd worden'* worden duidelijker als men meer weet van het bevindelijk geloofsleven. Het voert te ver daar hier nader op in te gaan; wat ons interesseert is hoe individuatie zich ook manifesteert op een zuiver talig niveau.

Het meeste is voor niet-bekeerden onbegrijpelijk en vermoedelijk zullen bekeerden veel van deze dingen alleen intuïtief begrijpen – en meer is ook niet nodig om de Tale Kanaäns te laten functioneren. Toch is deze taal al een aantal decennia aan het afkalven. Steeds vaker gaan er stemmen op om geestelijke ervaringen te verwoorden in een taalgebruik dat eenvoudiger en toegankelijker is, vooral voor de jongste generaties. Sommige bevindelijken staan positief tegenover deze ontwikkeling, anderen betreuren het verlorengaan van geestelijke tradities en spirituele rijkdom.

Afsluiting. De Moderniteit: verschillende wegen van het individualisme

De Moderne Tijd en de Reformatie hangen nauw met elkaar samen. De Reformatie is ooit begonnen als beweging binnen de Rooms-Katholieke kerk die tot doel had het geloof voor alle leden van de samenleving te zuiveren en te intensiveren; dit bracht onder meer een individualisering teweeg en een nieuwe spiritualiteit die zich richting individuatie bewoog.²⁵ Uiteindelijk leidde dit initiatief tot de Reformatie, die zich manifesteerde in een wereld waarin de mens niet langer in een kosmos leefde waarin de natuur hiërarchisch geordend was (de *scala naturae*), maar in een neutraal universum waarin mechanische natuurwetten werkzaam waren. De Europese cultuur bewoog zich van het transcendente naar het immanente, van een betoverde wereld naar een onttoverde wereld (de 'Entzauberung

piëtistisch woordgebruik na 1900. Assen, Royal Van Gorcum Ltd, 1972. 458 blz. in: *De Nieuwe Taalgids. Tijdschrift voor neerlandici. nummer 1, jaargang 66, januari 1973* (Groningen: Wolters-Noordhoff, 1973) pp. 318-324. Publikatie DBNL: https://www.dbnl.org/tekst/taa008197301_01/taa008197301_01_0046.php.

²⁵ Taylor, Ch., *A Secular Age* (Cambridge, Massachusetts: Harvard UP, 2007) pp. 67-69.

der Welt' van Max Weber²⁶). Het verband tussen individuele religie en collectieve rituelen werd verbroken, wat de weg bereidde voor een nieuwe manier waarop de mens zijn sociale bestaan kon begrijpen en dit leidde tot een ongekende almacht van het individu. De autonomie van de menselijke persoonlijkheid en het persoonlijke materiële welzijn van de mens eisten steeds meer plaats voor zich op en resulteerden uiteindelijk in het ontstaan van een humanistisch alternatief voor het geloof, een exclusief humanisme.²⁷ Gaandeweg streeft men naar een geordende samenleving met rationeel handelende individuen die economisch gemotiveerde doelen nastreven. Vanaf dit punt in de moderne Europese geschiedenis kan de lijn betrekkelijk makkelijk worden doorgetrokken naar de filosofie van de Verlichting, het deïsme en uiteindelijk naar een tijd waarin de mens van mening is dat hij zonder religie voor zichzelf en zijn welvaart kan zorgen en zijn plaats in het universum kan bepalen. De suprematie van het individu is vervlochten geraakt met het exclusieve humanisme. Men lijkt zich sterk bewust te zijn van de eigen individualiteit en hecht grote waarde aan haar. Dit alles kan als een uitvloeisel van de Moderne Tijd worden beschouwd. Veelal is de individualisering van het geloof een etappe geweest in de sociaal-culturele ontwikkeling naar rationalisme en exclusief humanisme, maar de Europese geschiedenis toont welke weg het individualisme ook in kan slaan: individualisering van het geloof die leidt tot individuatie. De Nadere Reformatie, in de 17^e eeuw zo modern met haar aandacht voor het individuele in de mens, haar aandacht voor de gelovige als gelovige, werd in de tweede helft van de 20ste eeuw voor de moderne Nederlandse samenleving een hoegenaamd ontoegankelijk en onbegrijpelijk verschijnsel. Dit specifieke product van de Moderne Tijd heeft in onze tijd een bedrieglijk, want archaisch omhulsel en daarmee wordt het tot een welhaast dialectisch fenomeen. Anderzijds is dit wellicht niet zo verwonderlijk, want beweegt heel ons menselijke bestaan zich niet zonder ophouden voort in een dialectisch spanningsveld?

Literatuur

Bree, C. van, 'De Tale Kanaäns' in: B. Hamers and M. Waterlot (eds.), *De Lage Landen en de Religie* (Wydawnictwo KUL, Lublin, 2017) pp. 2-11.

²⁶ De econoom en socioloog Max Weber (1864 – 1920) heeft in zijn boek *Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus* (1905) deze problematiek uitgewerkt; tevens heeft hij een verband gelegd tussen religie (c.q. calvinisme) en kapitalisme.

²⁷ Taylor, Ch., *A Secular Age*, p. 85.

- Brienen, T., Exalto, K., Graafland, C., Loonstra, B., Spijker, W. van 't. *De Nadere Reformatie en het Gereformeerd Piëtisme*. ('s-Gravenhage: Uitgeverij Boekencentrum B.V., 1989) 359 pp.
- Bruin, C.C., C. van de Ketterij: *De weg in woorden, een systematische beschrijving van piëtistisch woordgebruik na 1900*. Assen, Royal Van Gorcum Ltd, 1972. 58 blz. in: *De Nieuwe Taalgids. Tijdschrift voor neerlandici. nummer 1, jaargang 66, januari 1973* (Groningen: Wolters-Noordhoff, 1973) pp. 318-324. Publikatie DBNL: https://www.dbnl.org/tekst/_taa008197301_01/_taa008197301_01_0046.php.
- Hijwege, N., *Bekering in bevindelijk gereformeerde kring. Een psychologische studie*. (Kampen: Kok, 2004) 351 pp.
- Janse, C.S.L., *Bewaar het pand. De spanning tussen assimilatie en persistentie bij de emancipatie van de bevindelijk gereformeerden*. (Houten: Den Hartog B.V., 1985) 348 pp.
- Meiden, A. van der, "De zwartekousenkerken" *Bevindelijk heroverwogen portret*. (Baarn: Uitgeverij Ten Have, 1993) 255 pp.
- Taylor, Ch., *A Secular Age* (Cambridge, Massachusetts: Harvard UP, 2007) 874 pp.
- Zwemer, J.P., *In conflict met de cultuur. De bevindelijk gereformeerden en de Nederlandse samenleving in het midden van de twintigste eeuw* (Kampen: Uitgeverij De Groot Goudriaan, 1992) 508 pp.

De verdringing van de Nederlandse taal door het Engels in het hoger onderwijs

Зезюльчик Дмитрий Сергеевич

инженер-строитель, проектный институт "Белжилпроект", Минск
van_novembrik@hotmail.com

Dzmitry Ziaziulchyk

civil engineer, design institute 'Belzhilproject', Minsk

Dutch or English? The Language Shift in Higher Education in the Netherlands

***Аннотация.** Под воздействием факторов глобализации английский язык проникает в систему высшего образования Нидерландов. На занятиях в высшей школе часто используется англоязычный материал и более того, все чаще появляются специализации, обучение в рамках которых осуществляется исключительно на английском языке. Обучение в магистратуре большинства нидерландских университетов на 50 или более процентов осуществляется на английском.*

***Ключевые слова:** глобализация; язык; язык обучения; высшее образование.*

***Key words:** globalization; language; language of instruction; higher education.*

Er wordt de laatste jaren veel gediscussieerd over het toegenomen gebruik van het Engels als onderwijstaal.

In Nederland worden steeds meer opleidingen in het Engels gegeven, onder andere om de internationale mobiliteit van studenten en onderzoekers te bevorderen. In de Tweede Kamer is aandacht gevraagd over de positie van het Nederlands en het gebruik van vreemde talen in het hoger onderwijs. De meningen daarover zijn verdeeld. Sommige Kamerleden spraken over de teloorgang van het Nederlands in het hoger onderwijs doordat steeds meer opleidingen in het Engels worden

gegeven. Andere stellen dat om internationaal te kunnen concurreren op de arbeidsmarkt en de beste studenten naar Nederland te halen, het wenselijk is dat er meer colleges in het Engels worden aangeboden.

Het Engelstalige onderwijsaanbod in het Nederlands hoger onderwijs dateert al uit de jaren vijftig, maar de laatste jaren heeft het aantal Engelstalige opleidingen een enorme vlucht genomen.

Buiten het Verenigd Koninkrijk neemt Nederland op dit gebied in Europa een koppositie in. Maar er is ook kritiek dat de Nederlandse taal als onderdeel van het Nederlandse cultuurgood in de verdrukking komt.

In augustus 2016 protesteerde de Nederlandse journalist Martin Sommer in de Volkskrant tegen degenen die het invoeren van de Engelse taal bepleiten in het hoger onderwijs. “Nee tegen Stonecoal English”, kopte de krant.

In augustus 2016 kwam er publicatie van Louise O. Fresco, de voorzitter van de Raad van Bestuur Wageningen UR en schrijfster, op nrc.nl. Dat was haar antwoord op Martin Sommers artikel.

“Zoals altijd in dit soort discussies, leidt generaliseren tot spraakverwarring. Natuurlijk stelt niemand voor om Nederlandse geschiedenis volledig in het Engels te doceren. Maar zonder toegang tot Engelse en andere bronnen lijkt me dat niet mogelijk. De situatie van de taal is anders in de humaniora en sommige sociale wetenschappen dan in de medische en natuurwetenschappen. Daar is het Engels echt onbetwist in alle wetenschappelijke publicaties de leidende taal.

Sommer beweert dat Engels gebruikt wordt om buitenlandse studenten aan te trekken om zo de financiële tekorten van de universiteiten te dekken.

De realiteit, met name in de natuurwetenschappen, is allang dat er zeer veel buitenlandse studenten zijn. En de andere, demografische realiteit is dat het aantal jonge Nederlanders zal afnemen.

Invoering van het Engels betekent ook systematische bijscholing en begeleiding van docenten. Hetzelfde geldt voor de niet-Engelstalige studenten: ook zij moeten geholpen worden om goed Engels te leren, mondeling en schriftelijk. Dat kost allemaal geld.

Studenten, van iedere nationaliteit, zullen uiteindelijk voordeel hebben van een Engelstalige opleiding.

Een taal is een venster op de wereld, op een manier van kijken en denken die verschilt van de jouwe.”

Om een min of meer objectief beeld te krijgen heb ik ook allerlei meningen van Nederlandse studenten onderzocht. En, eerlijk gezegd, was

ik verbaasd over het feit dat zo veel studenten die niet Engelstalig zijn, toch voor het Engelstalig hoger onderwijs kiezen.

Liever onderwijs in het Nederlands?

“Ik denk dat in elke branche internationale vaktermen worden gebruikt, die heel anders zijn in het Nederlands, wat het integreren in de internationale maatschappij heel moeilijk maakt. Het is beter om deze termen gewoon vanaf het begin aan te leren”.

“In de meeste gevallen is de stof Engelstalig, relevante wetenschappelijke artikelen zijn in vrijwel alle gevallen in het Engels. Het zou dan meer werk zijn om alles te vertalen”.

“Er is op de arbeidsmarkt steeds meer internationale samenwerking en als je tijdens je studie al leert samenwerken met buitenlandse studenten, vormt dit een goede voorbereiding”.

De meesten studenten merken wel op dat voldoende taalbeheersing van docenten van groot belang is.

De verengelsing van de Nederlandse taal en het bijbehorende taalbeleid

Павловская Карина

МГЛУ, Минск

karina.pavlovskya0308@gmail.com

Karina Pavlovskaya

MSLU, Minsk

On the Anglification of the Dutch Language, Language Policy and Language Purism

Samenvatting. *De Nederlandse taal heeft in de afgelopen eeuwen uit allerlei andere talen woorden overgenomen. Uit het Latijn, het Grieks, het Frans en het Duits bijvoorbeeld. Sinds het einde van de Tweede Wereldoorlog is er sprake van een explosie van het aantal Engelse leenwoorden: met nieuwe producten en gebruiken uit Amerika en Engeland nemen Nederlanders vaak ook de Engelse benamingen ervoor over. En in steeds meer situaties wordt het Engels als voertaal gebruikt.*

Niet iedereen is even gelukkig met deze invloed van het Engels. Sommigen vrezen dat het Nederlands op den duur helemaal zal verdwijnen door de 'Engelse invasie'. Er zijn de afgelopen decennia steeds meer Engelse woorden in de taal terechtgekomen. Bovendien wordt de Engelse taal steeds vaker gebruikt in het bedrijfsleven en in het onderwijs. Dit artikel biedt een overzicht van de verschillende vormen van Engelse invloed, en van de meningen daarover.

Trefwoorden: taal; leenwoord; voertaal; invloed; overnemen; taalpurist.

Key words: language; loanword, language of communication; influence; take over; language purist.

Geschiedenis

De Nederlandse taal heeft in de afgelopen eeuwen uit allerlei andere talen woorden overgenomen. Sinds het einde van de Tweede Wereldoorlog is er sprake van een explosie van het aantal Engelse leenwoorden. En Nederlanders ondervinden nog meer invloed van de Engelse taal: in steeds meer situaties wordt het Engels als voertaal gebruikt.

De etymologe Nicoline van de Sijs zegt hierover in haar Leenwoordenboek. De invloed van andere talen op het Nederlands

(1996): "Na de Tweede Wereldoorlog werd the American way of life met zijn muziek, film, literatuur een voorbeeld voor de rest van de wereld. Engels werd de voertaal van veel internationale organisaties en van de wetenschappelijke en industriële wereld, Engels is in veel landen een verplicht schoolvak, en Engels wordt in nieuwe technieken zoals de computertechniek gebruikt. Kortom, Engels is een wereldtaal met een hoge status."

Niet iedereen is even gelukkig met deze invloed van het Engels. Sommigen vrezen dat het Nederlands op den duur helemaal zal verdwijnen door de 'Engelse invasie'. De angst voor andere talen is niet nieuw: hij bestond al in de zestiende eeuw. Zogenoemde taalpuristen verzetten zich toen tegen de invloeden van buitenaf, al ging het hun vooral om talen als het Frans en het Latijn. Met de toegenomen invloed van het Engels is dit verzet nu dus vooral tegen het Engels gericht.

Engelse woorden in het Nederlands

Vooraf met nieuwe (computer)-technieken en modeverschijnselen uit Amerika en Engeland komen Engelse woorden in de Nederlandse taal terecht. Enkele voorbeelden: *e-mail*, *spam*, *hacken*, *gamen*. Mensen die zich hiertegen verzetten, stellen woordenlijsten op met Nederlandse alternatieven voor de Engelse leenwoorden. Lang niet alle Engelse woorden die in de Nederlandse taal terechtkomen, zijn overigens blijvend: veel woorden verdwijnen na verloop van tijd weer.

Engels is cool?

Uit onderzoek van de Taalunie in 2010 blijkt dat jongeren positief zijn over de invloed van het Engels in het Nederlands. Ze beschouwen Engels als een trendy en hippe taal en waarderen dan ook de vele Engelse woorden in het Nederlands. Engels wordt verbonden aan populair taalgebruik zoals 'cool' en 'chill'. De media doen vaak mee aan deze verengelsing. Steeds vaker hebben tv-programma's bijvoorbeeld Engelse titels: *The Voice of Holland*, *Life 4 You*, *So You Think You Can Dance*, *Holland's Got Talent*. Waar jongeren enthousiast zijn over het Engels, heeft het Nederlands een tamelijk 'suf' imago.

Engels en reclame

In 1999 onderzochten onderzoekers van de Nijmeegse Radbouduniversiteit het gebruik van Engels in televisiereclames. Uit hun onderzoek bleek dat in een derde van de Nederlandse reclames

Engels voor kwam. Er zijn verschillende redenen waarom het voor reclamemakers aantrekkelijk is om Engels te gebruiken in reclames in plaats van Nederlands. In de eerste plek is het financieel voordelig; vaak gaat het om internationale producten, en vertalen kost geld. Een ander motief is dat het Engels zich goed leent voor pakkende slogans. Bovendien heeft ook in de reclamewereld Engels het imago van een hippe, moderne, aantrekkelijke taal, wat mogelijk afstraalt op het product. De reclamemakers gaan er vanuit dat iedereen het Engels begrijpt. Uit het onderzoek van de Radbouduniversiteit bleek echter dat niet alle consumenten even goed de Engelse taal beheersen, waardoor sommigen de boodschap van de reclames niet eens begrijpen!

Populaire Engelse woorden

Hoe kan het dat het ene Engelse woord populairder is dan het Nederlandse alternatief en soms niet? Eline Zenner heeft onderzoek gedaan naar de invloed van het Engels op het Nederlands taalgebruik. Volgens Zenner heeft een Engels leenwoord vooral veel kans op succes als er nog geen Nederlands alternatief voor bestaat. Ook wanneer een Engels woord korter is dan het Nederlandse woord is de kans groter dat deze wordt gebruikt.

Welke Engelse woorden zijn populair?

Zenner heeft ook onderzoek gedaan naar spontaan taalgebruik en heeft hiervoor het reality-programma *Expeditie Robinson* bestudeerd. Zenner: 'De deelnemers van dat programma vormen een mooie diverse groep van verschillende sociale lagen, Nederlanders en Vlamingen, jong en oud... Ik inventariseerde hun emotioneel taalgebruik: woorden en uitdrukkingen van het genre "Oh shit", "Oh my god" en "Da meende nie". Wat opviel, was dat Engels het meest werd gebruikt door 'yuppies' – mannelijk, jonger dan dertig, stedelijk en hoogopgeleid – om negatieve emoties uit te drukken.'

Vechten voor de eigen taal

Er zijn verschillende organisaties die zich verzetten tegen de Engelse invloed en/of die zich inzetten voor het behoud van de Nederlandse taalcultuur.

De Stichting Nederlands heeft als doelstelling het tegengaan van de devaluatie van het Nederlands. Ook probeert ze onvertaald Engels te vernederlandsen.

Het Algemeen-Nederlands Verbond richt zich op de Nederlandse en Vlaamse cultuur en wil de samenwerking tussen de twee gebieden bevorderen.

Een van de doelstellingen van de Stichting LOUW is het tegengaan van onnodige invloeden van andere talen. De stichting richt zich dus niet alleen op Engelse invloed.

De Bond tegen leenwoorden is een vereniging die zich inzet voor het gebruik van zuiver Nederlands en het terugdringen van leenwoorden. Ook deze organisatie houdt zich niet alleen met Engelse invloed bezig.

Onze Taal en verengelsing

Het Genootschap Onze Taal werd in 1931 opgericht door dertig taalpuristen die zich zorgen maakten over het groeiende aantal Duitse woorden en constructies ('germanismen') in het Nederlands. In de loop der jaren kregen andere onderwerpen steeds meer de aandacht. Van een vereniging voor taalpuristen werd Onze Taal een podium voor taalliefhebbers. Onze Taal profileert zich niet nadrukkelijk tegen 'verengelsing', maar belicht liever de verschillende kanten ervan.

Hoe voeg je Engelse en Nederlandse woorden samen?

In het Engels worden zelfstandig naamwoorden meestal niet samengevoegd (bijvoorbeeld office chair). In het Nederlands doe je dit wel (kantoorstoel). Hoe zit dat dan met samenvoegingen van Engelse en Nederlandse woorden?

Engels-Nederlandse samenstellingen komen steeds meer voor in het Nederlands. Vooral samenstellingen uit de IT wereld, zoals met de woorden online, web, computer en software. Al deze samenstellingen worden in het Nederlands in principe aan elkaar geschreven:

Online vragenlijst
webontwikkelaar
computerfrustraties
softwarehandleiding

Ook woorden die meerdere Engelse onderdelen bevatten worden aan elkaar geschreven:

Onlinemarketingmanager
publicrelationsbureau
sciencefictionfilm

Net als bij pure Nederlandse samenstellingen gebruiken we een koppelteken bij klinkerbotsingen. Om de leesbaarheid te bevorderen mag je soms ook een koppelteken gebruiken:

Afro-Amerikaans music-hall (of musichall) knowhow-overeenkomst (of knowhowovereenkomst)

Elf gloednieuwe Engelse woorden die je snel moet leren

De Oxford English Dictionary wordt een paar keer per jaar geüpdatet met populaire nieuwe woorden. En aangezien Nederlanders dol zijn op het vergroten van hun Engelse woordenschat, worden er regelmatig lijsten gemaakt met de favoriete nieuwe woorden van de afgelopen maanden. Ook legt men uit hoe je ze in gesprekken kunt gebruiken, bij voorbeeld:

LAMESTREAM (ZELFSTANDIG NAAMWOORD)

Deze combinatie van “lame” en “mainstream” beschrijft op een grappige manier de traditionele massamedia die zo doorsnee zijn geworden, dat ze als suf worden gezien.

“The lamestream media are completely out of touch with people.”

BAE (ZELFSTANDIG NAAMWOORD)

Als je social media gebruikt, ben je de bae misschien al in allerlei posts tegengekomen. Het is een acroniem voor “before anyone else” en verwijst naar iemands vriend of vriendin.

“I’m going to the movies with my bae.”

FREEGAN (ZELFSTANDIG NAAMWOORD)

Een freegan is een chique versie van een dumpster diver. Hij of zij is tegen consumptisme en denkt aan het milieu door geen boodschappen te doen, maar voedsel en andere goederen te gebruiken die door anderen als afval zijn weggegooid.

“I met a group of freegans, and I was blown away when they showed me how much food is wasted every day.”

BRAIN FADE (ZELFSTANDIG NAAMWOORD)

Dit is het zusje van de brain fart en het tip-of-the-tongue syndrome. Een brain fade is een black-out waarbij je je even niet meer kunt concentreren of niet meer helder kunt nadenken.

“I had a complete brain fade during my exam and just stared at the page for what seemed like an eternity.”

PHARMACOVIGILANCE (ZELFSTANDIG NAAMWOORD)

Til jouw gespreksvaardigheden naar een hoger plan door het woord pharmacovigilance zeker drie keer per week te gebruiken – het liefst wanneer je het hebt over het monitoren van de effecten van drugs nadat

die zijn goedgekeurd voor gebruik. Zo worden bijwerkingen die eerder niet waren ontdekt, geïdentificeerd en geanalyseerd.

“In his job as a pharmacovigilance officer, Andrew develops diagnostic tools to improve drug safety.”

HOT MESS (ZELFSTANDIG NAAMWOORD)

Dit is niet bepaald een positief iets, dus wees voorzichtig als je het wilt gebruiken: een hot mess is een fascinerend, maar bijzonder onsuccesvol persoon of ding.

“She is completely out of control and a hot mess.”

JANKY (BIJVOEGELIJK NAAMWOORD)

Iets is janky als het onbetrouwbaar en van slechte kwaliteit is.

“I shouldn’t have bought that used car, it’s way too janky.”

FO’S SHIZZLE / FOR SHIZZLE

Dit is een cool woord voor zeker of absoluut. Het is populair gemaakt door rapper Snoop Dogg (Snoop Lion). Als je het goed gebruikt, verdien je misschien wel meer gangsterkarma.

“Dog, this party is going to be off the hook, fo’ shizzle!”

AL DESKO (BIJVOEGELIJK NAAMWOORD EN BIJWOORD)

Dit is de kantoorversie van al fresco: al desko is de maaltijd die je op je werk aan je bureau eet.

“I have to prepare a presentation, it’s going to be another al desko lunch for me today.”

UPVOTE/DOWNVOTE (WERKWOORD EN ZELFSTANDIG NAAMWOORD)

Als je regelmatig je mening geeft op websites, heb je vast wel eens andere reacties een hart onder de riem gestoken of juist op hun nummer gezet. To upvote betekent dat je het ermee eens bent, to downvote dat je die mening niet deelt. Beide kun je met één druk op de knop laten zien, vaak een duimpje omhoog of omlaag.

“I’m not going to lie, my self-esteem is closely linked to the number of upvotes I get on Reddit.”

HUMBLEBRAG (WERKWOORD EN ZELFSTANDIG NAAMWOORD)

Dit woord komt vaak samen met een hashtag. To humblebrag betekent een ogenschijnlijk bescheiden opmerking maken die juist is bedoeld om de wereld iets te laten zien waar je eigenlijk trots op bent.

“Caroline posts way too many selfies on Instagram, her humblebragging is getting on my nerves.”

Enne, wat #humblebrag betreft:

On my way to work as a pharmacovigilance officer, my janky car almost broke down – but I met my freegan friend Jason and his hot mess sister Amanda who gave me some breakfast that I ate al desko before downvoting some lamestream article and meeting my humblebragging bae who complained about her brain fade during an exam in which she still managed to score an A+.

Conclusie

In dit artikel analiseerde ik anglicismen en hun invloed op de Nederlandse taal, maar ook het beleid en de houding ten aanzien van deze kwestie. Naar mijn mening is de aanwezigheid van anglicismen in het Nederlands een gevolg van globalisering en modetrends die afkomstig zijn uit de media. Echter, de Nederlandse taal kan zich goed aanpassen en veel overgenomen Engelse woorden krijgen een Nederlandse vorm, wat de Nederlandse taal helpt zijn identiteit te behouden.

Literatuur

- Журнал «Onze Taal». URL: <https://onzetaal.nl> (дата обращения: 28.09.2016)
- Интернет портал «Stichting Nederlands». URL: <http://www.stichtingnederlands.nl/midden.htm> (дата обращения: 17.09.2016)
- Культурный и политический портал «Civis Mundi». URL: <http://www.civismundi.nl/?p=artikel&aid=3001> (дата обращения: 17.09.2016)
- Официальный сайт Университета Гронинген. URL: <http://www.rug.nl/education/scholierenacademie/studieondersteuning/profielwerkstuk/alfasteunpunt/subjects/onderwerpen/engels/shoptalk> (дата обращения: 17.09.2016)
- George Orwell’s ‘Politics and the English Language’ (1946) in het Nederlands gepubliceerd in Liter, Nr. 28 (juli 2003) URL: <http://lewisiana.nl/arendsmilde/orwell/orwell.pdf> (дата обращения: 09.09.2016)
- Koninklijke Academie voor Nederlandse Taal- en Letterkunde (2015). ‘KANTL vraagt charter voor Nederlands in hoger onderwijs’. Persbericht n.a.v. KANTL-colloquium *De positie van het Nederlands in het hoger onderwijs*.
- Koninklijke Academie voor Nederlandse Taal- en Letterkunde (2010). ‘Taalgebruik Hoger Onderwijs. Een moedertaalcharter voor het Nederlands’.
- Kristiansen, M. (2013). ‘Domain loss. On parallel language use, language policy and terminology’. In: E. Ruijsendaal & C. Wermuth (eds.).
- Mantel, A. (2015). ‘Verzet tegen verengelsing’. In: *De Telegraaf* (27 juni 2015).
- McCrum, R. (2010). *Globish: How the English Language Became the World’s Language*.

- Onderwijsraad (2011). *Advies Weloverwogen gebruik van Engels in het hoger onderwijs*.
- TaalCollectief (2 juli 2015). 'Groot manifest der Nederlandse taal'. Actiepunten gepubliceerd in: *NRC* (27 juni 2015). Online raadpleegbaar op: <https://www.beteronderwijsnederland.nl/taalmanifest>.
- Van Hoorde, J. (2014). 'Competing, Complementary or Both? English as Lingua Franca and the Position of Dutch'.
- Van Hoorde, J. (2014). 'Dutch or English? English and Dutch! The language shift in tertiary education and science in the Dutch language area'.

Особенности официально-делового стиля нидерландского языка на примере юридических документов и способы их перевода

Мезина Инна Сергеевна

преподаватель кафедры Теории и практики перевода №1 МГЛУ, Минск
ina.mezina@gmail.com

Нечай Екатерина Владимировна

преподаватель кафедры Теории и практики перевода №1 МГЛУ, Минск
lei.e.caterina@gmail.com

***Аннотация.** В данной статье приводятся особенности официально-делового стиля нидерландского языка и даются возможные варианты их перевода. Приведена классификация основных языковых особенностей документов юридической тематики, в основе которой лежат языковые уровни: лексико-семантический и синтаксический уровни. В рамках лексико-семантического уровня выделяются следующие особенности: употребление предложных наречий, использование отглагольных существительных и форм II причастия, лексическая омонимия, сложные слова с несколькими основами, различные способы выражения модальности долженствования, а на синтаксическом уровне – безличность и наличие многочленных определений в виде предложной конструкции. Каждую из особенностей авторы иллюстрируют примерами.*

***Ключевые слова:** официально-деловой стиль; перевод; нидерландский язык; особенность; юридический документ.*

Тексты, принадлежащие к официально-деловому дискурсу, интересны тем, что сочетают в себе не только консервативность и являются источниками являющихся на данный момент архаичных слов и конструкций, но в них также можно найти и редкие, причудливые формы глагольных образований, а также эмоциональный компонент. Тексты данного стиля отличаются единством терминологии и структурным единством, поэтому при переводе важно сохранить данные черты. Авторы выделили основные особенности документов юридической тематики и составили нижеприведенную классификацию, взяв за основу лексико-семантический и синтаксический уровень.

1. Лексико-семантический уровень

Употребление предложных наречий (hiermee, hiertoe, hiervan, hiertegen...). При переводе используются описательные предложные конструкции «таким образом, в связи с этим, для этого» и т.д.

Ten aanzien hiervan wordt overwogen dat... – В связи с этим предполагается, что...

Hij kan hiertegen beroepinstellen... – Он может обжаловать данное решение...

- Использование отглагольных существительных.
- ✓ Субстантивация глаголов

При переводе преимущественно сохраняется отглагольное существительное:

Het voeren van zakelijke besprekingen – проведение деловых переговоров

Bij het opstellen van... – при разработке..

✓ Использование предложных конструкций (ten...van, met...van, op...van), имеющих в составе отглагольные существительные

Перевод осуществляется соответствующими составными союзами, устойчивыми словосочетаниями на русском языке, служащими для связи частей сложного предложения:

ten behoeve van de toepassing – с целью применения

met uitzondering van – исключая, за исключением

✓ Использование II-го причастия для обозначения правовых форм, должностей (люди, предприятия). Возможен перевод развернутой конструкцией, имеющей в своем составе причастие.

De gemachtigde – доверенное лицо, уполномоченный представитель

- Лексическая омонимия.

Administratie – в названиях учреждений «администрация, управление» + также «документация» (в общем делопроизводстве).

Advocaat – raadsman (для уголовного права), procureur (только для сферы гражданского права), advocaat (встречается во всех областях, кроме уголовного права).

• Составные существительные, в состав которых входят сокращения. Переводятся калькированием либо описанием:

v-nummer – номер регистрации иностранного гражданина (используется для выдачи вида на жительство).

• Наличие сложных слов, в состав которых входит несколько основ, что обеспечивает сжатость и лаконичность юридического текста.

Tewerkstellingsvergunningplicht – перевод осуществляется с конца, зачастую при помощи включения в перевод дополнительных компонентов: обязательное наличие разрешения на трудоустройство.

- Выражение модальности долженствования при помощи:
✓ сослагательного наклонения, выраженного *zou + inf*.

Целесообразно переводить на русский язык, используя изъявительное наклонение в сочетании с настоящим временем, которое в русском языке имеет оттенок долженствования.

✓ инфинитивной конструкции *dientte + inf*, переводимой как «надлежит».

2. Синтаксический уровень

- Безличный характер повествования обеспечивается:
✓ Активными конструкциями:

Er was binnen de Vennootschap geen sprake van een ondernemingsraad. – В структуру Общества совета не входил совет трудового коллектива предприятия.

Onder vermogen verstaat men... Под потребностями понимается.... Перевод осуществляется путем построения безличного предложения. Официальный стиль русского языка также характеризуется безличностью повествования, которое строится на употреблении безличных предложений.

- ✓ Пассивными конструкциями:

Geletoptevorenstaandewordtgeoordeeld dat ... – С учетом вышеизложенного считается, что... *Voorzoverbekend...* – Насколько известно...

• Наличие многочленных определений, также представляющих собой предложную конструкцию:

de aan de intrekingsbeslissing alsmede aan de toegepaste dwangmiddelen voorafgaande aannames.

При переводе важно правильно найти определяемое слово, которое зачастую находится за границей предложной конструкции.

При работе с текстами юридической тематики на нидерландском языке следует учитывать вышеприведенные особенности делового стиля, присущие данному языку на различных уровнях и адекватно передавать их на русский язык.

О некоторых проблемах изучения артикля на занятиях по нидерландскому языку

Павлова Людмила Панасовна

к.фил.н., Москва
pavlova-l@nm.ru

***Аннотация.** Артикль является в речи не только служебным словом, он выполняет в тексте и важную семантическую функцию. Обучение правильному употреблению артикля должно занимать важное место в учебном процессе. Ошибки в его употреблении связаны в большой степени с восприятием информации, передаваемой артиклем, в соответствии с логикой родного языка. Изучение употребления артикля носителями языка открывает когнитивный аспект его функционирования.*

***Ключевые слова:** артикль, правила употребления, семантическая функция, восприятие информации студентами.*

Употребление артиклей, несмотря на их незначительное количество, представляет собою серьезную проблему для русскоговорящих студентов, изучающих иностранные языки, в которых присутствуют эти «маленькие», но очень значимые словечки. В первую очередь это обусловлено отсутствием данной категории служебных слов в родном языке. Именно поэтому студенты часто не осознают, какой объем информации содержат артикли, и легко могут их пропустить в речи на иностранном (нидерландском) языке или, не задумываясь, поставить любой из артиклей: определенный или неопределенный. По мнению ряда исследователей, обучение правильному использованию артикля в речи – процесс длительный и трудноосуществимый [5, С.82].

Система артиклей в нидерландском языке на первый взгляд кажется не очень сложной. В единственном числе их три. Неопределенный ‘*een*’, который этимологически связан с числительным ‘один’. И два определенных – ‘*de*’ у существительных общего рода (артикль происходит от указательного местоимения ‘*die*’) и ‘*het*’ у существительных среднего рода (восходит к личному местоимению ‘*het*’). Наличие двух определенных артиклей объясняется тем, что данный язык является языком двухродовой системы [1; 2, С.38; 3]. В единственном числе существительные могут употребляться без артикля, с, так называемым, нулевым артиклем. Во множественном числе категория рода от-

существует, и со всеми существительными употребляется или артикль ‘*de*’ при указании на известность называемых предметов и явлений, или нулевой артикль в том случае, если предметы или явления еще не идентифицированы и в единственном числе употреблялись бы с неопределенным или нулевым артиклем. Артикль в нидерландском языке, также как и в других германских языках, является служебной частью речи и никогда не употребляется самостоятельно.

Следовательно, нидерландский артикль выполняет грамматическую функцию: указывает на род существительного и в ряде случаев на его число. Он является одним из «структурных признаков имени существительного» [4, С.22].

Особо следует упомянуть отрицательный артикль ‘*geen*’, предшествующий именам существительным, как в единственном, так и во множественном числе, и обозначающим отсутствие предмета/предметов.

В то же время на артикль возложена и важная семантическая, т.е. смысловая, функция. Чаще всего студенты помнят, исходя, видимо, из названия, о передаче артиклем значения «предмет известен или нет».

Следует напомнить, что понятие «определенность»/«неопределенность» в грамматике используется в разных контекстах, оно может относиться не только к артиклю, но и к местоимениям (в нидерландском языке это *men, iemand, iets, deze en gene, een zeker*), и числительным (*weinig, veel, sommige, enige, alle*). Эта функция обозначения «определенности»/«неопределенности» не полностью характеризует артикль, его роль в тексте и правила его употребления.

Несомненно, существуют закономерности постановки определенного, неопределенного и нулевого артиклей в нидерландском языке с именами существительными в единственном числе. Кроме хорошо понимаемой студентами функции артикля указать, известен ли предмет или упоминается в первый раз, существует много других четко регламентированных случаев употребления артиклей. Наиболее полный перечень правил дан в академической грамматике нидерландского языка ‘*Algemene Nederlandse Spraakkunst*’ (далее ANS) [6, С.111-151].

Остановимся на некоторых на них.

Например, при противопоставлении более общего (выражено неопределенным артиклем) и более частного (выражено определенным артиклем) понятий. Исходя из этого правила, название конкретной

партии всегда является более частным понятием относительно самого существительного «партия», что демонстрирует пример (1).

(1) **Het CDA was altijd georganiseerd volgens het principe dat een volkspartij ‘van onderop’ moet werken.** – *В основе организации партии Христианско-демократический призыв всегда лежал принцип, что любая народная партия должна работать «снизу вверх».* (NRC Handelsblad, 2011)

В указанной выше грамматике нидерландского языка ANS во многих случаях правила употребления артиклей с существительными описаны, исходя из принадлежности последних к определенным тематическим группам: обозначение времени, профессия человека, названия языков, средства передвижения и коммуникации, вещественные существительные и т.д. Существительные каждой тематической группы могут употребляться с разными артиклями.

Например, обычно вещественное существительное не имеет при себе артикль, но в определенных ситуациях может употребляться и с ним.

(2) **Ik ga thee voor ons zetten. ... Koert was er al toen ze met de thee terugkwam.** – *Я пойду поставлю для нас чай. ... Курт был уже там, когда она вошла в комнату с чаем.* (Nel van der Zee “Het grote werk”, 81)

Во втором предложении примера (2) существительное *thee* – «чай» употребляется с определенным артиклем, так как героиня романа вошла в комнату с тем чаем, который она перед этим пошла готовить. Пример (3) демонстрирует достаточно редкий случай использования с вещественным существительным неопределенного артикля. Можно предположить, что в примере пропущено существительное «чашечка», к которому и относится артикль.

(3) **Nog een koffie?** – *Еще (чашечку) кофе?*

Особое правило регламентирует наличие или отсутствие артикля с названиями языков. В большинстве случаев артикль отсутствует, он не употребляется с названием языка, если рядом стоит один из указанных далее глаголов: *studeren* (учить), *spreken* (говорить), *verstaan* (понимать), *begrijpen* (понимать), *lezen* (читать). Однако употребление предлога перед существительными данной тематической группы делает присутствие определенного артикля обязательным (пример 4). Этот же артикль используется при характеристике стиля речи какого-либо известного писателя (пример 5).

(4) **Vertalen uit het Nederlands in (naar) het Russisch.** – *Переводить с нидерландского на русский.*

(5) **Hoe klonk het Engels van Shakespeare?** – *Как звучал английский язык, на котором говорил (/писал) Шекспир?*

С данными существительными может употребляться и неопределенный артикль, который придает значение многообразия стилистических вариантов указанного языка (пример 6).

(6) **Hij spreekt een heel anders Frans dan in Frankrijk.** – *Его французский очень отличается от того языка, на котором говорят во Франции*

Выбор между определенным и неопределенным артиклем при употреблении с именами собственными (имена людей, географические названия), которые в большинстве случаев не имеют при себе артикля, влияет на общий смысл высказывания. Следует отметить, что артикли употребляются с именами собственными только в том случае, если у последних имеются определения, которые могут быть выражены различными способами. Чаще в подобных случаях встречается определенный артикль, который конкретизирует значение существительного. Во многих случаях он придает существительному статус конкретного понятия, например, ‘*het Rusland van de 19 eeuw*’ («Россия 19 века»), ‘*het Nederland van de gulden*’ («Нидерланды того периода, когда в ходу были гульдены»). Ниже приводятся два примера использования определенного артикля с именами людей и географическими названиями.

(7) **Hoe is het mogelijk dat de voor het brede publiek onbekende Keijzer binnen een week met kop en schouders uitsteekt boven de in huiskamer bekende Bleker en Spies?** – *Как это произошло, что неизвестная широкой публике Кэйзер в течение одной недели поднялась выше Блекера и Списа, которых все так хорошо знают.* (“De Telegraaf”, 2012)

(8) **Adelijke privileges hoorden bij het oude Europa, dat de Pilgrim Fathers achter zich had gelaten.** – *Привилегии для дворян были в прежней, старой Европе, которая оставила после себя отцов-пилигримов.* (NRC Handelsblad 2011)

Использование с именами собственными неопределенного артикля, придает высказыванию значение неожиданности. Это может относиться к поведению человека, которое вызывает удивление у других (пример 9). В случае употребления данного артикля с географическими названиями возникает возможность широкой и разнообразной трактовки этого словосочетания (примеры 10-11).

(9) **Volgens een continu mailende en sms’ende Rutte kon dat helaas niet.** – *По мнению постоянно отправляющего мейлы и смски Руте*

(премьер-министр Нидерландов) это, к сожалению, не возможно. (NRC Handelsblad 2011)

(10) We leven in een Duits Europa. – Мы живем в Европе, главную роль в которой играет Германия (букв. в немецкой Европе). (NRC Handelsblad 2011)

(11) Als handelsnatie kunnen wij alleen floreren in een stabiele en welvarende Europa. – Являясь торговой нацией, мы можем иметь высокие результаты только в стабильной и процветающей Европе. (NRC Handelsblad 2011)

В последнем примере с помощью неопределенного артикля происходит генерализация имени собственного «Европа», в которой сейчас отсутствуют стабильность и процветание.

Следовательно, артикль нидерландского языка несет в себе значительный объем информации об обозначаемом предмете или понятии. Правила употребления артикля нельзя ограничивать, как это часто бывает, только фактом называния предмета в первый раз, в противоположность упоминанию чего-либо уже известного участникам коммуникации. Хотя, действительно, при обозначении нового, неизвестного прежде предмета очень часто употребляется неопределенный артикль «*een*». Но предмет, который в тексте упоминается впервые, может быть и с определенным, и с нулевым артиклем, например, как уже упоминалось выше, вещественные существительные или абстрактные существительные. При выборе артикля важнее тот факт, может ли слушающий партнер по коммуникации идентифицировать предмет. Часто это происходит на основе контекста или ситуации общения, в последнем случае задействованы неязыковые факторы. Например,

(12) Hij zette een vaasje op de piano. – Он поставил вазочку на пианино (ANS).

Существительное «вазочка» употребляется в предложении с неопределенным артиклем, т.к. в доме таких предметов обычно несколько, и без дополнительного объяснения не совсем ясно, о каком из них идет речь. Пианино же в большинстве случаев бывает одно, поэтому специального уточнения не требуется, и перед данным существительным употреблен определенный артикль. В подобной ситуации говорящий партнер по коммуникации предполагает, что слушающий понимает, что имеется в виду. При этом знания слушающего партнера о предмете, название которого употребляется с определенным артиклем, не обязательно должны быть обширными. Идентифицировать некий предмет не означает «знать о нем все» [5, С.120].

Анализ собранного материала позволяет внести некоторые дополнения в правила, зафиксированные в грамматике ANS. Например, при описании дома, комнаты, любого жилища, характерно употребление определенного артикля с называемыми впервые предметами, которые имеются в данном месте в единственном экземпляре. Говорящий партнер по коммуникации сразу индивидуализирует их с помощью определенного артикля.

(13) Thuisgekomen zette ze de thermostat van de verwarming wat hoger, liet door de balkondeuren Bianca, de poes, binnen, nam de plaid en nestelde zich met de poes en een nieuw boek uit de bibliotheek op de bank. Ze keek tevreden om zich heen en stak een kaars aan op de tafel naast de bank. – Придя домой, она повернула термостат и включила отопление, впустила через балконную дверь кошку Бианку, взяла плед и устроилась вместе с кошкой и новой книжкой из библиотеки на диване. Довольная она посмотрела вокруг и зажгла свечу на столе рядом с диваном. (Nel van der Zee “Het grote werk”, 34)

В приведенном выше отрывке из романа фламандской писательницы Нэл Ван дер Зэй подчеркнуты определенные артикли перед названиями предметов, находящихся в доме героини и называемых в ходе повествования впервые. С неопределенным артиклем в нем употреблены только существительные «книга» и «свеча», которые, таким образом, не индивидуализированы автором и не могут быть точно идентифицированы читателем.

Собранные примеры употребления артикля в нидерландском языке позволяют также утверждать, что при описании одежды человека чаще употребляется неопределенный артикль, т.е. называемый предмет относится к целому классу подобных предметов. В этом случае существительные во множественном числе не имеют артикля, что лишь подтверждает общую тенденцию. Например,

(14) De hardloper droeg een ruime, paars satijnen bloes, een kort, groen glanzend broekje, witte gebreide sokken en witte schoenen. – Бегущий человек был одет в широкую атласную футболку лилового цвета, короткие зеленые блестящие трусы, белые вязаные носки и белые кроссовки. (Willem Frederik Hermans “Ruisend gruis”, 19)

Выбор артикля может определяться не только принадлежностью существительного к выделенным лексическим группам. В нидерландском языке есть грамматические конструкции, всегда требующие употребления неопределенного артикля. К ним следует отнести

восклицательные предложения (пример 15), сравнительные обороты (пример 16) и конструкцию «er is/zijn», в которой в нидерландском языке употребляются многие глаголы (**komen** – приходить, **vallen** – падать и т.д.) (примеры 17-18).

(15) **Wat een mooie rode rozen!** – *Какие красивые красные розы!*

(16) **Het machtige voertuig liet zijn sirenes weerklinken als een olifant die om hulp roept.** – *Сирена мощной машины трубила как слон, взывающий о помощи.* (Willem Frederik Hermans “Ruisend gruis”, 23)

(17) **Er kwam een meneer aan met een hondenlijn.** – *Подошел мужчина с поводком в руке.* (Annie M.G.Schmidt “Minoes”, 18)

(18) **Er viel een stilte.** – *Наступила тишина.* (Nel van der Zee “Het grote werk”, 82).

Употребление артиклей трудно понять, опираясь на логику родного языка, в котором данная категория слов отсутствует. В речи студентов, изучающих нидерландский язык, могут возникнуть «конфликтные» ситуации. Для говорящих на русском языке существительное с определением, выраженным придаточным предложением, вряд ли может обозначать какой-то не идентифицированный предмет и иметь при себе неопределенный артикль, что не редко происходит в нидерландском языке.

(19) **Nederland zal samen met Jordanië een commissie voorzitten die de rechtsstaat in Jemen moet versterken.** – *Нидерланды будут председательствовать вместе с Иорданией в комиссии, которая будет создана с целью усиления правового государства в Йемене.* (NRC Handelsblad, 2011)

Или студентам может быть не понятна причина употребления неопределенного артикля с существительным, которое с точки зрения русского языка обозначает конкретный предмет или человека.

(20) **Een woordvoerder van Kroes zegt in een reactie op de stap van Bos...** – *Пресс-секретарь Круса сказал, оценивая действия Ван Боса ...* (NRC Handelsblad, 2011)

Внимательное изучение употребления артикля носителями языка открывает нам когнитивный аспект его семантической функции. Ошибочное использование артикля русскоязычными студентами обусловлено восприятием ими информации в тексте в соответствии с логикой родного языка. Носителями нидерландского языка чаще будет употреблен неопределенный артикль (который лишь класси-

фицирует существительное, относит его к некой группе предметов, явлений) там, где русские студенты скорее всего выберут определенный. Русскоязычные студенты, изучающие нидерландский язык, могут воспринимать имена существительные в приведенных ниже предложениях как идентифицированные и употребить определенный артикль.

Het toestel vloog op een hoogte van ruim 9 kilometer. – *Самолет летел на высоте более девяти километров.* (AD.nl, 2014)

Bij een brand in een nachtclub in Boekarest kwamen 27 mensen om. Meer dan 180 mensen raakten gewond. – *Во время пожара в ночном клубе Бухареста погибло 27 человек. 180 человек получили ранения.* (NOS.nl, 2015)

België heeft 120 militairen gestationeerd in het noorden van Jordanië. Ze maken deel uit van een internationale coalitie tegen IS. – *Бельгия разместила 120 военнослужащих на севере Иордании. Они входят в международную коалицию против ИГИЛ.* (dredactie.be, 2014)

Проблема употребления артикля в нидерландском языке еще ждет своего серьезного исследования и описания, в одной статье трудно рассмотреть и охарактеризовать все встречающиеся в речи «странности» и закономерности употребления этих служебных слов.

Литература

1. Генидзе Н.К., Барташова О.А. Грамматические категории имени существительного: Учебное пособие.– СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010.– 92 с.
2. Миронов С.А. Нидерландский (голландский) язык: Грамматический очерк, литературные тексты с комментарием. 2-е переработанное изд. – Калуга: Издательский дом «Эйдос». – 2001.
3. Миронов С.А., Зеленецкий А. Л., Парамонова Н. Г., Плоткин В. Я. Историческая грамматика нидерландского языка. Книга 1. – М., Издательство: «Едиториал УРСС», 2000.
4. Москальская О.И. Артикль в немецком языке // Иностранные языки в школе. – 2011.– №4. – С.21-37.
5. Спиридонова О.В. Особенности употребления артикля во французском языке // Иностранные языки в школе. – 2011. – №9. – С.82-88.
6. Algemene Nederlandse Spraakkunst / onder red. Van G. Geerts, W. Haeseryn, J. De Rooij, M.C. van den Toorn. – Groningen: Wolters-Noordhoff; Leuven: Wolters, 1984.

Опыт идеографического описания нидерландских ФЕ с зооморфным компонентом

Терешко Екатерина Владимировна
преподаватель кафедры германской и кельтской филологии
МГУ им. М.В. Ломоносова
katja.tereshko@yandex.ru

Ekaterina Tereshko
Lecturer, Lomonosov Moscow State University

Аннотация. Статья написана в русле когнитивной лингвистики с опорой на работы Ю.Д. Апресян, В.И. Карасика, В.Б. Касевича, В.В. Колесова, Е.В. Ивановой и др., а также на исследования в области культурологии и лингвокультурологии В.А. Масловой, В.Н. Телии, Е.С. Яковлевой, на работы приверженцев теории стереотипов Е. Бартминьского, У. Липпмана, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Н.Ф. Уимцевой, и фразеологов В.В. Виноградова, Д.О. Добровольского, В.М. Мокиенко. В статье рассматриваются ФЕ с зооморфным компонентом нидерландского языка и делается попытка классифицировать их по тематическому принципу с опорой на классификацию, разработанную М.А. Рыбниковой для русского языка.

В первой части статьи кратко очерчиваются теоретические положения, используемые в исследовании, а именно, определяются такие термины как фразеологизм и фразеологическая единица, а также зооним и зооморфный компонент. Кроме того, излагаются принципы идеографической классификации фразеологизмов. Во второй части сделана попытка применить принципы классификации по тематическому признаку к материалу нидерландского языка. Было проанализировано 367 ФЕ с зооморфным компонентом и предложено уточнение и расширение классификации. В качестве вывода можно отметить, что принцип и идеографические поля, предложенные М.А. Рыбниковой могут быть применены к ФЕ нидерландского языка, а также могут быть разделены на более мелкие подгруппы, в соответствии с исследуемым языковым материалом. Данный опыт идеографического описания, хоть и не является исчерпывающим, может считаться первым шагом в подобном описании фразеологического материала нидерландского языка.

Ключевые слова: фразеологизм, зооним, зооморфный компонент, идеографическая классификация, тематическая классификация

Abstract. The article is written in the context of cognitive linguistics based on works by J.D. Апресян, V.I. Karasik, V.B. Kasevich, V.V. Kolesov, E.V. Ivanova et al., as well as on works in the field of culturology and linguistic culturology by V.A. Maslova, V.N., Telia, E.S. Jakovleva, in the field of stereotypes theory J. Bartminjskij, W. Lippman, Z.D. Popova, I.A. Sternin, N.F. Oeimtseva, and in the field of phraseology V.V. Vinogradov, D.O. Dobrovolsky, V.M. Mokijenko. Phraseology units with a zoomorphic component are analyzed and a classification is offered based on the classification of M.A. Rybnikova, which is worked out for the Russian language.

In the first part the theoretical framework of the research is drawn up. Namely, such terms as phraseology unit and zoonym are defined. The principles of classifying are also framed and a choice is made for the thematic principle. In the second part of the article, the thematic principle of classification is applied to the Dutch phraseology units. 367 phraseology units were analyzed and they can be classified into ideographic fields, such as "Characteristics of a human being", "Human condition", "Description of an action", "Conditions" and "Appearances and objects". These five fields can be further divided into smaller thematic groups. This attempt to classify the Dutch fixed expressions can not be called complete, but that is the first step towards a complete ideographic classification of the Dutch phraseology units.

Key words: phraseology, phraseology unit, zoonym, ideographic classification, thematic classification

Введение

«Трудно одним словом определить, что наиболее характерно для любого естественного языка» – пишет Л.П. Павлова [Павлова, 2016, с. 139] и с этим утверждением невозможно не согласиться. В контексте современной научной парадигмы, характеризующейся антропоцентричностью и когнитивной направленностью, большое внимание уделяется способам категоризации и концептуализации окружающего мира, таким как, например, метафора, а также способам закрепления в языке метафоричных значений и стереотипных представлений. Одним из способов фиксации результатов осмысления реальности в национальном коллективном сознании являются фразеологизмы.

В данной статье речь пойдет о нидерландских фразеологизмах с зооморфным компонентом и будет представлен один из способов классификации этого материала. Но, прежде чем переходить к идеографическому описанию, необходимо обозначить границы используемых в статье терминов.

Фразеологические единицы

Нидерландские фразеологи, так же, как и большинство фразеологов других европейских стран, опираются в своих исследованиях на работы советских и российских учёных, таких как Н. Н. Амосова, В. Л. Архангельский, В. В. Виноградов, А. В. Кунин, И. А. Мельчук, В. М. Мокиенко, Н. В. Телия и других. Так, во введении к «Словарю идиом» самого крупного издательства словарей Van Dale под редакцией Ханса де Гроота находим следующее определение идиомы: «особенные, характеризующие слова или выражения языка, присущие языку (фразеологизм)» [Van Dale Idioomwoordenboek: verklaring en herkomst van uitdrukkingen en gezegden/ hoofdred. H. de Groot, 1999, с. IX].

При этом отмечают признаки идиомы: это должно быть характеризующее, устойчивое единство, в котором слова означают больше или нечто иное, чем они значат по отдельности, т.е. в свободном употреблении. Кроме того, в качестве признака указывается полная или частичная утрата собственного значения компонентов фразеологизма.

Авторы отмечают также, что в ненаучном употреблении под идиомой чаще всего понимаются *spreekwoorden*, которые в русской терминологии соответствуют пословицам (полные предложения, выражающие народную мудрость, устойчивые, автор которых неизвестен [Van Dale Idioomwoordenboek: verklaring en herkomst van uitdrukkingen en gezegden/ hoofdred. H. de Groot, 1999]), однако идиома, по мнению авторов, – это гораздо больше, поэтому в данный словарь включались устойчивые выражения, которые можно определить как поговорки (*zegswijzen*), изречения (*spreuken*), высказывания (*gezegdes*), выражения (*uitdrukkingen*), фразы (*frases*) и сравнения (*vergelijkingen*). Из этого перечисления видно, что, с точки зрения терминологии, нидерландское членение устойчивых выражений на группы не отличается особой точностью и существуют (прежде всего, в ненаучном дискурсе) для обозначения любых устойчивых единиц, которые по сути являются фразеологизмами в широком понима-

нии: ср. поговорки (*zegswijzen* – досл. ‘способ выражения’), высказывания (*gezegdes* – близко по значению к рус. ‘поговорка’). Авторы словаря указывают также, что идиомы формируют собой открытый список, в котором постоянно появляются новые фразеологизмы.

Отечественные исследователи опираются, как правило, на определение и классификацию фразеологизмов, предложенную В.В. Виноградовым, который выделяет:

- 1) фразеологические сращения – «своеобразные синтаксически составные слова, выступающие в роли либо частей предложения, либо целых предложений» [Виноградов, 1977, с. 131];
- 2) фразеологические сочетания, в которых «значения сочетающихся слов в известной степени равноправны и рядоположны» [Виноградов, 1977, с. 138];
- 3) фразеологические единства, где «единое значение целого как бы разлито по всем его составным элементам» [Там же, с. 139].

Существуют и другие классификации, в которых некоторые исследователи пытаются более четко провести границу между фразеологическими единствами и свободными словосочетаниями. Так, в своей монографии И.И. Чернышева указывает, что «сцепления с единичной (не серийной и не моделированной) сочетаемостью компонентов, значение которых возникает в результате семантических сдвигов компонентного состава и <которые> выполняют в языке не номинативную, а экспрессивную или номинативно-экспрессивную функцию» [Чернышева, 1970, с. 29] и являются фразеологизмами в чистом виде. Ранее Чернышева отмечает, что «основным критерием, отличающим фразеологизм от переменного словосочетания и устойчивых словосочетаний других типов, является семантическое преобразование компонентного состава» [Там же].

Несмотря на попытку предложить классификацию ФЕ, определение самого этого понятия вызывает трудности: «единого определения термина «фразеологическая единица» не существует. В настоящее время термином «фразеологизм» обозначают несколько различных типов словосочетаний» [Ганиева, 2015, с. 39]. Однако можно выделить основные признаки фразеологических единиц, такие как «языковую устойчивость, семантическую целостность и раздельнооформленность» [Там же]. В определении Чернышевой И.И. эти признаки также присутствуют: «фразеологические единицы <...> представляют собой раздельнооформленные устойчивые соединения слов различных структурных типов с единичной сочетаемостью

компонентов, значение которых возникает в процессе семантических сдвигов компонентного состава» [Чернышева, 1970, с. 29]. Это определение мы и возьмем как рабочее для данной статьи.

Зоонимы и зооморфный компонент

Для обозначения животных существует множество терминов. Например, Ж. Багана и В.Р. Галиаскарова перечисляют следующие: *анимализм, фаунизм, фауноним, зооним, зоосемизм, зоометафора, зооморфизм, зоологизм, зоолексема, зоонимосодержащая лексика, зоохарактеристика* [Багана, Галиаскарова, 2010]. В диссертационном исследовании Яковлевой Е.С. помимо перечисленных также находим *зооморф, анималистический компонент, зоонимный компонент и зоонимический компонент*. О. Бичер в исследовании русских и турецких фразеологизмов с зооморфизмами [Бичер, 2016] дополняет этот список обозначениями зоонимов в ФЕ: *фразеологические единицы с компонентом-зоонимом, с зоонимным компонентом, с зооморфными образами, с зооморфизмами, с анималистическим образом, зооморфные фразеологизмы, анималистические фразеологизмы* и др. [Бичер, 2016, с. 9].

Встает вопрос о единстве терминологии. Как отмечает О. Бичер, «наибольшей употребительностью в настоящее время отмечен термин зооним» [Бичер, 2016, с. 55–56], который может пониматься в узком и широком смысле. Зооним в узком смысле – это собственно наименования животных, например Мурка, Зорька, Шарик [Архипов, 1976; Мокиенко, Фоякова, 1976; Суперанская, 1973; Урасин, 1976], т.е. имена собственные. Зооним в широком смысле – это нарицательные существительные, используемые для называния животных, например, лошадь, корова, обезьяна [Гудавичюс, 1989; Гутман, Черемисина, 1972; Литвин, 1974; Росинене, 1978; Рыжкина, 1978].

Некоторые исследователи, однако, считают термин зооним слишком широким и предпочитают пользоваться терминами *зоосемизм* и *зооморфизм*. Так, Киприянова А.А. различает термин зооним, который она использует «для обозначения всех лексем, имеющих в семантической структуре компонент значения ‘название животного’, причем этот лексико-семантический вариант представляет собой прямую номинацию» [Киприянова, 1999, с. 13], и зооморфизм (он же зоосемизм) «для обозначения переносных употреблений зоонимов» [Там же]. Такое разделение представляется нам оправданным и подходящим для настоящего исследования, так как нас интересуют

именно вторичные, переосмысленные значения зоонимов, как отражение коллективного национального сознания, зафиксированное во фразеологическом фонде нидерландского языка.

Классификация ФЕ с зооморфным компонентом

«Во фразеологическом фонде многих языков важное место занимают фразеологизмы с образами животных, через которые в иноязычной форме описывается человек, его внешность и характер, что характеризует особенности национального менталитета. Например: Волка ноги кормят. Вороне соколом не бывать» [Бичер, 2016, с. 44]. В качестве нидерландских примеров здесь можно привести выражения *als kemphanen tegenover elkaar staan* ‘стоять друг напротив друга как бойцовские петухи’ или *de ratten verlaten het zinkende schip* ‘крысы бегут с тонущего корабля’.

Существует множество подходов к классификации ФЕ, «что объясняется многоаспектностью самих языковых единиц и различными подходами исследователей к этому вопросу» [Бичер, 2016, с. 48]. В основу классификации могут быть положены различные признаки, например:

- 1) алфавитный;
- 2) по ключевым словам;
- 3) монографический (по месту/времени собирания, имени собирателя);
- 4) генетический (по источнику/происхождению);
- 5) тематический [Там же].

Последний, тематический (идеографический) принцип классификации «опирается на понятие тематической группы, которая представляет собой объединение слов, находящихся в отношениях семантической близости и как следствие этого представляющие один компонент материальной культуры народа» [Иванищева, Эрштадт, 2015, с. 27]. Нужно отметить, что культура народа может выражаться не только в материальных объектах, но и, например, в том, какие качества приписываются тому или иному животному. «Во многих языках мира зоонимы употребляются для образной характеристики людей, живых существ, иногда предметов. Такой семантический пласт, или вариант зоонимов, называют зооморфами или зоосемизмами. Зоосемизмы основываются на реальных (объективных) или мнимых (субъективных) качествах животных, которыми их наделил народ» [Абдуалиева, 2013, с. 224].

По идеографическому признаку можно выделить в отдельную группу фразеологические единицы с зооморфным компонентом, но и в этой группе возможно выделение подгрупп, которые описываются при помощи образов животных. Чернышева И.И. отмечает, что исследование фразеологизмов при помощи их классификации по тематическому признаку имеет ряд положительных черт: во-первых, «идеографическая классификация помогает решению вопроса о характере и сущности ФЕ. Во-вторых, при идеографической классификации фразеологизмов между ними выявляются синонимические и антонимические отношения и, следовательно, раскрываются системные связи во фразеологическом фонде языка. В третьих, опыт, накопленный лингвистами при идеографическом распределении фразеологического корпуса любого языка, чрезвычайно важен и при создании идеографических фразеологических словарей» [Чернышева, 1977, разд. Основы идеографического описания фразеологии].

Трудностью при применении и последующем использовании идеографической классификации является субъективность выделения подгрупп. Многие исследователи при анализе ФЕ с зооморфным компонентом в качестве классифицирующего признака выбирают биологический. Так, Яковлева Е.С. в своей диссертационной работе разделяет ФЕ по вхождению содержащегося в них зоонима в группу диких, домашних или мифических животных, которые она далее подразделяет на более мелкие подгруппы [Яковлева, 2018]. Далее для каждого зоонима выделяются признаки, закрепившиеся во фразеологическом составе английского и китайского языков. Такая классификация, однако, больше похожа на классификацию по ключевому слову.

А.С. Алёшин в своем исследовании устойчивых сравнений с соматизмами строит свою классификацию иначе. Он отталкивается не от содержащейся в сравнении части тела человека, а от общего значения фразеологизма. Например, он выделяет такие идеографические поля как «Внешность», «Поведение», «Эмоциональное состояние» [Алёшин, 2011, с. 19].

Второй описанный принцип классификации кажется нам наиболее полно описывающим фразеологический состав языка и отраженную во фразеологизмах ЯКМ (языковую картину мира). Поэтому в данной работе мы будем опираться в первую очередь на те «смысловые функции, какие они (ФЕ) могут нести в составе целостной речи:

1) окольное выражение, говорящее о человеке, характеристика внутренних и внешних качеств человека (шляпа, пентюх, дубина стоеросовая, ума палата, живая газета, гусь лапчатый);

2) состояние человека: физическое, материальное, психическое (кровь с молоком, силы, что у быка, кости да кожа, в чем душа держится, свистит в кулак, деньги лопатой загребает, как в котле кипит, идет — туча тучей);

3) определение и оценка действия (взять на буксир, топтаться на месте, заткнуть за пояс, тянуть лямку, бросить перчатку, держать порох сухим, сыграть историческую роль);

4) обстоятельства: причина, место, время действия (долбит как дятел, вертится как белка в колесе, по морю яко по суху, как с луны свалился, словно белены объелся, ни дать ни взять (о сходстве), не по зубам, не по носу табак, не к смерти грех, черным по белому);

5) явления, предметы, их определение и оценка. Количество и качество (камень преткновения, китайская стена, переоценка ценностей, конкретный носитель зла, головокружение от успехов, стирание граней, звенья одной цепи)» [Рыбникова, 1985, с. 216–217].

М.А. Рыбникова также отмечает, что было бы «соблазнительно этимологическому принципу классификации противопоставить синтаксический» [Там же, с. 217], однако в силу того, что одна и та же поговорка может выступать в разных синтаксических ролях (например, «Этакий ума палата да не ответит на наш вопрос? Этакий ума палата — это логическое подлежащее. Он у нас ума палата. Тот же оборот в роли логического сказуемого» [Там же]), нецелесообразно принимать синтаксическую роль в качестве основного классифицирующего признака.

Разделение пословиц на подгруппы, предложенное М.А. Рыбниковой представляется нам наиболее подходящим для применения на материале нидерландского языка.

Идеографическое описание нидерландских фразеологизмов

Рассмотрим фразеологические единицы нидерландского языка с зооморфным компонентом в контексте предложенной классификации. В качестве иллюстрации анализируемых подгрупп будут представлены не все найденные нами ФЕ, в связи с ограничением формата статьи. Материал собирался методом сплошной выборки из фразеологических словарей нидерландского языка [Stoett, 1925; Van Dale Idioomwoordenboek: verklaring en herkomst van uitdrukkingen

en gezegden/ hoofdred. H. de Groot, 1999; Groot Uitdrukkingen woordenboek: verklaring en herkomst van moderne uitdrukkingen, 2006].

Всего будет рассмотрено 367 ФЕ с зооморфным компонентом, однако в качестве примеров будут использованы лишь некоторые из них. Данный опыт идеографического описание является первым шагом к применению классификации, разработанной на материале русского языка, к материалу нидерландского языка. Данный опыт не исключает возможность уточнения и углубления представленных результатов.

1. Характеристика человека.

В случаях, когда для называния человека используются ФЕ с зооморфным компонентом, они, как правило, приобретают негативную коннотацию. Лишь в некоторых случаях перенос наименования в паре животное-человек приобретает положительные черты в глазах нидерландцев. Например, если кого-то называют *een bezige bij* ‘занятая пчела’, то это может считаться комплиментом. Можно предположить, что данный фразеологизм воспринимается именно так, благодаря протестантским ценностям нидерландского общества, среди которых трудолюбие занимает одну из ведущих позиций.

Положительной коннотацией в составе ФЕ обладают также такие зоонимы, как птица (*een geluksvogel* ‘птица счастья’, т.е. счастливчик) и собака (*een hondje zijn* ‘быть собачкой’, т.е. кто-то считается очень милым, обычно о женщине). Нужно оговориться, что зооним собака в остальных случаях его использования в ФЕ обладает негативной коннотацией (см. Таблицу 1). Положительной окраской отмечены также такие зоонимы как корова (*een melkkoe* ‘молочная корова’, т.е. кто-то, кто приносит много пользы остальным), овца (*een schaar met vijf poten* ‘овца с пятью ногами’, т.е. кто-то, кто много всего умеет и может) и лошадь (*het beste paard van stal* ‘лучшая лошадь в стойле’, ироничное признание превосходства кого-то над остальными).

Всего было найдено 45 ФЕ с зооморфным компонентом, которые подпадают в группу характеристик человека по используемой нами классификации.

Таблица 1

ФЕ с зооморфным компонентом: характеристика человека

№	ФЕ	перевод; значение	зооним	коннотация
1	een ijzegrim (of iezegrim)	изегрим; кто-то угрюмый, неприветливый	волк	отрицательная

2	een wolf in schaapskleren	волк в овечьей шкуре; кто-то опасный, ко притворяется безопасным	волк	отрицательная
3	een luis in de pels	вошь в шкуре; кто-то раздражающий, мешающий	вошь	отрицательная
4	een politiek dier	политический зверь; хороший политик	животное	положительная
5	een beunhaas	мошенник, халтурщик, работник, плохо выполняющий/не знающий своё ремесло	заяц	отрицательная
6	het haasje zijn	быть зайцем; быть жертвой	заяц	зависит от контекста
7	de beest spelen/ uithangen	играть/вывешивать зверя; вести себя грубо, необузданно, некультурно	зверь	отрицательная
8	een geile bok	похотливый козёл; очень любвеобильный мужчина (старый)	козёл	отрицательная
9	een melkkoe	молочная корова; кто-то, от кого другим много пользы	корова	положительная
10	geen katje om zonder handschoenen aan te pakken	это не тот котик, которого можно схватить без перчаток; кто-то, кто бурно реагирует и защищается	кот	отрицательная
11	het katje van de baan	котик всей группы; первый (обычно среди мальчиков-школьников)	кот	зависит от контекста
12	een oude vos	старый лис; кто-то, кто знает все подводные камни какого-то дела, благодаря большому опыту	лис	зависит от контекста
13	een sluwe vos	хитрый лис; кто-то хитрый и умный	лис	зависит от контекста
14	de prins op het witte paard	принц на белом коне; идеальная/ недостижимая любовь	лошадь	положительная
15	het beste paard van stal	лучшая лошадь в стойле; ироничное наименование лучшего в группе	лошадь	положительная
16	een koude kikker	холодная лягушка; кто-то, кто не выдает эмоциональной реакции	лягушка	отрицательная
17	een opgeblazen kikker	раздутая лягушка; кто-то, кто много хвастается	лягушка	отрицательная
18	een beer van een vent	не парень, а медведь; большой, тяжелый мужчина	медведь	нейтральная

19	een geile beer	похотливый медведь; очень любвеобильный мужчина (молодой)	медведь	зависит от контекста
20	een ongelikte beer	необлизанный медведь; кто-то невоспитанный	медведь	отрицательная
21	een kwal van een vent	не парень, а медуза; кто-то раздражающий	медуза	отрицательная
22	de muis en de olifant	мышь и слон; что-то маленькое в противопоставлении чему-то большому	мышь, слон	нейтральная
23	aap zijn	быть обезьяной; выглядеть/вести себя глупо	обезьяна	отрицательная
24	een aangeklede aap	разряженная обезьяна; кто-то выряженный, уродливый	обезьяна	отрицательная
25	een aap van een jongen	не парень, а обезьяна; грубый, неотесанный человек	обезьяна	отрицательная
26	een schaaп met vijf poten	овца с пятью ногами; кто-то, кто много всего умеет и может	овца	положительная
27	het arme schaaп	бедная овечка; кто-то, кому можно посочувствовать	овца	зависит от контекста
28	het verloren schaaп	потерянная овечка; кто-то или что-то давно потерянное и вновь найденное	овца	нейтральная
29	het zwarte schaaп	черная овца; кто-то в группе, кого не одобряют остальные	овца	отрицательная
30	een hijgend hert	тяжело дышащий олень; кто-то, кто сильно стремится к чему-то	олень	нейтральная
31	de spin in het web	паук в паутине; центральная фигура	паук	зависит от контекста
32	haantje de voorste	первый петушок; тот, кто считает себя/хочет быть победителем, главным	петух	зависит от контекста
33	een kempmaan	боевой петух; кто-то, кто ищет конфликта, спора	петух	отрицательная
34	een geluksvogel	птица счастья; кто-то, кому всегда везет	птица	положительная
35	een rare vogel	странная птица; кто-то странный	птица	отрицательная
36	een bezige bij	занятая пчелка; кто-то, кто всегда при деле	пчела	положительная
37	een lui varken	ленивая свинья; кто-то очень ленивый	свинья	отрицательная

38	de gebeten hond zijn	быть покусанной собакой; когда сваливают вину на тебя	собака	отрицательная
39	een hondje	собачка; кто-то милый (в основном о женщине)	собака	положительная
40	een kalf zijn	быть теленком; быть глупым и/или наивным	теленоч	отрицательная
41	een lelijk eendje	гадкий утенок; кто-то, кто выпадает из коллектива, но по прошествии времени оказывается лучше, чем о нем думали	утка	зависит от контекста
42	een vreemde eend in de bijt	странная утка в проруби; быть не на своем месте в компании	утка	отрицательная
43	de kwaaie pier zijn	быть злым червем; быть во всем виноватым	червь	отрицательная
44	een dooie pier	мертвый червяк; кто-то медленный, невнятный, скучный	червь	отрицательная
45	een jakhals	шея яка; кто-то бедный	як	отрицательная

2. Состояние человека.

ФЕ с зооморфным компонентом, отражающие состояние человека, можно подразделить на более мелкие подгруппы, например, группа «физические качества»: *een gezicht als een oorworm* ‘лицо, как уховёртка’, т.е. очень недовольное лицо; *een kikker in de keel hebben* ‘иметь лягушку в горле’, т.е. иметь неприятное ощущение в горле, быть вынужденным постоянно откашливаться; *eruitzien als een verzopen kat* ‘выглядеть как утонувший кот’, т.е. выглядеть очень плохо; *zo sterk als een beer/paard* ‘сильный, как медведь/лошадь’, т.е. очень сильный; *zo traag al seen slak* ‘медленный, как улитка’, т.е. очень медленный. В этой группе выделяется современное выражение *stoned als een garnaal* ‘под кайфом, как креветка’, т.е. находящийся под влиянием наркотических средств. Это выражение является крылатым выражением из юмористического номера Ван Коотена и Ди Би 1976 года, которого нидерландцы уже не помнят, но продолжают использовать полюбившийся фразеологизм.

В другую подгруппу здесь можно выделить ФЕ, отражающие психические качества или эмоциональные реакции человека, например, *gebeten door de microbe* ‘укушенный микробом’, т.е. очень воодушевленный; *een leeuwenhart hebben* ‘иметь сердце льва’, т.е. быть храбрым; *zo trots als een aap* ‘важный, как обезьяна’, т.е. очень важ-

ный, горделивый; *zo bang al seen haas/wezel* 'трусливый, как заяц/ласка', т.е. очень трусливый. В этой группе нам кажется интересным упоминание змеи в следующем фразеологизме: *listig al seen slang* 'хитрый, как змея', так как качество хитрости чаще приписывается в европейской и русской культурах лису/лисе, а не змее. Кроме этого, национально-специфичным представляется и фразеологизм *de bokkenpruik ophebben* 'носить козлиный парик', т.е. быть в плохом настроении.

Еще одну подгруппу составляют ФЕ, посвященные материальной обеспеченности человека, например, *een jakhals zijn* 'быть шейей яка', т.е. быть бедным. Мотивировка этого фразеологизма все еще прослеживается: як вынужден тяжело работать, поэтому у него на шее от сбруи образуется плешь, т.е. лысое место, которое и является образным переосмыслением отсутствия материального благополучия. В нидерландском языке можно также оказаться *zo arm als de mieren* 'бедным, как муравьи', т.е. очень бедным, или *kind nog kraai hebben* 'не иметь ни ребенка, ни вороны', т.е. ничего не иметь. ФЕ, отсылающих к богатой и сытой жизни и содержащих зооморфный компонент в выборке не оказалось.

Помимо вышеперечисленных категорий рассматриваемой группы ФЕ на нидерландском материале выделяются в отдельную подгруппу ФЕ, характеризующие интеллектуальные возможности человека, например, *zo dom al seen ezel* 'такой глупый, как осел', *zo slim al seen vos* 'умный/хитрый, как лис'. Интересно обратить внимание на тот факт, что в нидерландском языке прилагательное *slim* 'умный' включает в себя и такое качество, как хитрость. Интересным в этой подгруппе представляется выражение *kijken als de kippen naar het onweer* 'смотреть, как куры на грозу', т.е. смотреть непонимающе, глупо. Можно вспомнить эквивалент этому выражению в русском языке «(смотреть), как баран на новые ворота», в котором в той же ситуации и с тем же значением используется уже другой зооморфный образ. Таким образом, допустимо предположение, что данное нидерландское выражение обладает специфическими национальными чертами.

Всего в раздел «состояние человека» попало 100 ФЕ (все четыре подгруппы вместе), положительной коннотацией обладают ФЕ, в которых фигурируют признаки силы и трудолюбия, однако, как и в первой группе «Характеристика человека» большинство ФЕ несут в себе негативный оттенок значения.

3. Определение и оценка действия.

В данную группу вошло наибольшее количество ФЕ – 130 выражений. Для данной группы мы также не будем приводить здесь полную таблицу, но попытаемся выделить и проиллюстрировать подгруппы ФЕ, входящие в нее.

В первую большую подгруппу можно выделить ФЕ, описывающие ситуации, в которых проявляется свойственное людям поведение, но данные ФЕ могут использоваться и в качестве осуждения, и в качестве оправдания своих действий, например, *als één schaap over de dam is, volgen er meer* 'если одна овца перепрыгнула через дамбу, то и другие последуют за ней' – это достаточно нейтральное высказывание, которое может указывать как на проступок, который вслед за одним начинают повторять другие (например, бросать окурки на землю), так и на нейтральное или положительное действие, которое кто-то совершил первым, а остальные последовали его примеру (например, купание в начале купального сезона). Таким же описанием ситуации представляются следующие ФЕ: *als een kat om de hete brij heen draaien* 'крутиться как кот вокруг горячей каши', т.е. не решаться что-то сделать; *als de katten muizen, dan mauwen ze niet* 'когда кошки едят (мышей), они не мяукают', так обычно говорят о детях, которые затихают во время еды; *blaffende honden bijten niet* 'лающие собаки не кусают', т.е. тот, кто много говорит, не принесет настоящего вреда, и др.

В следующей подгруппе на первый план более четко выходят качества животных, обозначенных использованными зоонимами, например, *als een oester leven* 'жить, как устрица', т.е. закрыто, уединенно; *als een olifant in een porseleinkast* 'как слон в шкафу для фарфора', т.е. неуклюже; *dat werkt als een rode lap op een stier* 'это действует, как красная тряпка на быка', т.е. это действует раздражающе, и др.

Отдельно можно выделить ФЕ, в которых осуждаются пороки, ошибки или неподобающее, неправильное поведение человека, например, *de ossen achter de ploeg spannen* 'запрячь волов позади плуга'; *een ezel stoot zich in 't gemeen niet tweemaal aan dezelfde steen* 'осёл обычно не спотыкается дважды об один и тот же камень'; *de kip met de gouden eieren slachten* 'забить курицу, несущую золотые яйца'; *de kat op het spek binden* 'привязать кота к салу', т.е. подвергнуть кого-то соблазну; *de kat in het donker knijpen* 'ущипнуть кота в темноте', т.е. сделать что-то недозволенное в тайне; *de berg heeft*

een muis gebaard ‘гора породила мышь’, т.е. большие усилия принесли маленький результат; *dat is trekken aan een dood paard* ‘это как тянуть мёртвую лошадь’, т.е. это бесполезно, и др.

4. Обстоятельства: причина, место, время действия.

Отдельную группу составляют выражения, обозначающие обстоятельства. Среди них можно выделить подгруппу ФЕ предписательного или оправдательного характера, например, *ieder vist op zijn getij* ‘каждый рыбачит в свое время’; *ieder vogeltje zingt zoals het gebekt is* ‘каждая птичка поёт, как умеет’; *bij nacht zijn alle katten grauw* ‘ночью все кошки серы’; *men kan van een kikker/kale kip geen veren plukken* ‘невозможно общипать лягушку/ лысую курицу’, т.е. с того, у кого ничего нет, нечего взять; *men moet een gegeven paard niet in de bek kijken* ‘дарёному коню в зубы не смотрят’; *men moet geen parels voor de zwijnen werpen* ‘не нужно метать жемчуг перед свиньями’; и др.

В отдельные подгруппы также выделяются а) выражения об успехе и труде: *de gebraden duiven vliegen niemand in de mond* ‘жареные голуби никому в рот не летят’; *elk schot is geen eendvogel* ‘не каждым выстрелом подстреливаешь утку’; *het eerste gewin is kattengespin* ‘первый выигрыш/успех – это мурлыканье кошки’, т.е. первый успех легко теряется; *het oog van den meester maakt het paard vet* ‘глаз хозяина делает лошадь толстой’, т.е. под хорошим присмотром лошади живется хорошо; *het varken is op een oor na gewasschen* ‘свинка помыта, за исключением одного уха’, т.е. дело почти сделано; б) обозначение времени: *bij het kraaien van de haan* ‘с криком петуха’, т.е. очень рано; *de hond in de pot vinden* ‘найти собаку в горшке’, т.е. прийти слишком поздно; *één bonte kraai maakt nog geen winter* ‘одна пёстрая ворона еще не означает зиму’; *één zwaluw maakt nog geen zomer* ‘одна ласточка еще не означает лето’ (надо отметить, что последние два выражения могут использоваться и с другим значением: если есть один признак изменений, то это еще не значит, что они начали происходить); в) ФЕ, отражающие наличие или отсутствие чего-то или кого-то: *als haringen in een ton* ‘как селедки в бочке’; *geen hond/kat/kip* ‘ни собаки/сошки/курицы’, т.е. никого. Такое подразделение на все более мелкие группы возможно и далее.

5. Явления, предметы, их определение и оценка.

Данная группа ФЕ является самой малочисленной в нашей выборке, в неё вошло всего 24 выражений, поэтому мы приведем их здесь в виде таблицы.

ФЕ с зооморфным компонентом: явления, предметы, их определение и оценка

№	ФЕ	перевод; значение	зооним	коннотация
1	<i>een luis in de pels</i>	вошь в шкуре; что-то, что мешает, раздражает	вошь	отрицательная
2	<i>het is bij de beesten/konijnen/wilde spinnen af</i>	это к зверью/кроликам/диким паукам	зверь, кролик, дикие пауки	отрицательная
3	<i>het ijzeren/stalen ros</i>	железный/стальной конь; велосипед	конь	положительная/нейтральная
4	<i>koeien van fouten</i>	не ошибки, а коровы; большие, грубые ошибки	корова	отрицательная
5	<i>dat is kat in het bakkie</i>	это кот в чашке; т.е. это очень простое дело	кот	положительная
6	<i>een kater hebben</i>	иметь кота; находиться в состоянии похмелья	кот	отрицательная
7	<i>poespas</i>	название смеси специй, чепуха, большое скопление народу	кошка	нейтральная/отрицательная
8	<i>hanepoten</i>	куриные лапы; неразборчивый почерк	курица, петух	отрицательная
9	<i>het neusje van de zalm</i>	носик лосося; самое лучшее	лосось	положительная
10	<i>beren op de weg zien</i>	видеть медведей на пути; видеть и бояться препятствий, (надуманных) проблем	медведь	отрицательная
11	<i>de beer is los</i>	медведь вырвался; ссора, раздор, паника	медведь	отрицательная
12	<i>het is mossel noch vis</i>	это ни мидия, ни рыба; это ни то, ни се	мидия, рыба	отрицательная
13	<i>dat muisje zal een staartje hebben</i>	у этой мышкы будет хвостик; у этого дела/события будут (негативные) последствия	мышь	отрицательная
14	<i>apenkool</i>	обезьянья капуста; чушь	обезьяна	отрицательная
15	<i>apenliefde</i>	обезьянья любовь; слепая любовь (обычно родителей к детям)	обезьяна	отрицательная

16	een broodje aap	обезьяний пиродок; вид шутки, анекдота	обезьяна	нейтральная
17	een ezelsbrug	ослиный мостик; вспомогательное средство	осел	нейтральная
18	daar kraait geen haan naar	ни один петух не кричит по этому поводу; всем все равно	петух	отрицательная
19	een schelvis uitwerpen om een kabeljauw te vangen	выбросить пикшу, чтобы поймать треску; отказаться от чего-то маленького, чтобы получить больше	пикша, треска	нейтральная
20	beter één vogel in de hand dan tien in de lucht	лучше одна птица в руке, чем десять в небе; лучше обладать чем-то маленьким, чем стремиться, но не обладать большим	птица	положительная
21	boter bij de vis	масло к рыбе; призыв платить наличными сразу на месте	рыба	нейтральная
22	het is vlees noch vis	это ни рыба, ни мясо; это ни то, ни се	рыба, мясо	отрицательная
23	dat varkentje zullen we weleens even wassen	эту свинку мы помоем; намерение что-то сделать, решить какое-то дело	свинья	положительная
24	een papieren tijger	бумажный тигр; что-то, что должно наводить страх, но не делает этого	тигр	отрицательная

В целом, в данную группу входит много относительно современных выражений, таких как *een broodje aap* или *het ijzeren/stalen ros*. Также бросается в глаза большое количество зооморфных компонентов, связанных с морской стихией, например *boter bij de vis* ‘масло к рыбе’; *een schelvis uitwerpen om een kabeljauw te vangen* ‘выбросить пикшу, чтобы поймать треску’; *het is mossel noch vis* ‘это ни мидия, ни рыба’; *het neusje van de zalm* ‘носик лосося’.

Выводы

Рассмотрев нидерландские фразеологизмы с зооморфным компонентом в контексте предложенной классификации, можно утверждать, что нидерландский материал может рассматриваться по иде-

ографическим полям «Характер человека», «Состояние человека», «Определение и оценка действия», «Обстоятельства: причина, место, время действия», «Явления, предметы, их определение и оценка».

В свою очередь эти идеографические поля могут быть разбиты на более мелкие тематические группы. Так, в поле «Характер человека» выделяются такие группы, как характеристики с положительной и отрицательной коннотацией, в поле «Состояние человека» можно выделить группы «физические качества», «психические качества», «материальное благосостояние», «интеллектуальные качества». В поле «Определения и оценка действия» выделяются группы ФЕ со значением «осуждения», «констатация существующего порядка вещей», «действие, определяющееся через признак животного». В идеографическое поле обстоятельств вошли группы «оправдание», «обозначение времени», «труд и успех».

В каждом идеографическом поле можно выделить и другие, более мелкие подгруппы ФУ с зооморфным компонентом, представленная идеографическая классификация не претендует на то, чтобы быть исчерпывающей, поэтому данный опыт может быть продолжен, уточнен и расширен.

Литература

1. Абдуалиева З.У. Особенности зоонимических фразеологических единиц (ЗФЕ) русского и узбекского языков // Вестник ТГУПБП. 2013. Т. 53. С. 224–229.
2. Алёшин А.С. Устойчивые сравнения шведского языка, характеризующие человека (лингвокультурологический аспект). Санкт-Петербург: , 2011. 24 с.
3. Архипов Г.А. Зоонимы одного колхоза С. 313–315. // Онома–стика Поволжья Сб. статей / Под ред. В.А. Никонова, Н.Ф. Мокшина. 1976. № 4. С. 313–315.
4. Багана Ж., Галиаскарова В.Р. Обзор исследований зоолексикологии и вопросов терминологии: зооним, фауоним и т.д. // Язык профессионального общения и лингвистические исследования сб. ст. междунар. науч.-практ. семинара. 2010. С. 13–16.
5. Бичер О. Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологический и лексикографический аспекты. , 2016.
6. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке – Агентство переводов Lingvotech // Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва: , 1977. С. 140–161.

7. Ганиева Ф.Ф. Фразеологические единицы как объект исследования в трудах отечественных исследователей // *Ling. mobilis*. 2015. Т. 52. № 1. С. 38–47.
8. Гудавичюс А.Й. Принципы построения и содержание сопоставительной семасиологии: автореф. дис... д-ра. филол. наук: 10.02.19. Москва: , 1989. 39 с.
9. Гутман Е.А., Черемисина М.И. Зооморфизмы в современном французском языке в сопоставлении с русским // В помощь преподавателям иностранных языков Сб. статей / Под ред. В.Н. Купреяновой. 1972. № 3. С. 42–60.
10. Иванищева О.Н., Эрштадт А.М. Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка).
11. Киприянова А.А. Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков). , 1999.
12. Литвин Ф.А. Об изучении разновидностей зооморфных характеристик (на материале английского языка) // В помощь преподавателям иностранных языков Сб. статей. 1974. № 5. С. 81–93.
13. Мокиенко В.М., Фонякова О.И. Способы называния в зоонимии // Ономастика Поволжья Сб. статей / Под ред. В.А. Никонова, Н.Ф. Мокшина. 1976. № 4. С. 317–322.
14. Павлова Л.П. Влияние экстралингвистических факторов на формирование культурных символов (на примере «морских» фразеологизмов нидерландского языка) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. Т. 11. № 65. С. 139–142.
15. Росинене С.-Г.И. Характеристика человека зоонимами в литовском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Вильнюс: , 1978. 21 с.
16. Рыбникова М.А. Избранные труды. / Сост. и коммент. И. Е. Каплан; предисл. В. Г. Костомарова. Москва: Педагогика, 1985. 246 с.
17. Рыжкина О.А. Лексико-семантическая группа зооморфизмов с общим семантическим компонентом «неловкий» // *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования* Сб. научн. тр. 1978. № VII. С. 25–33.
18. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. Москва: , 1973. 336 с.
19. Урасин З.Г. Клички лошадей у башкир // Ономастика Поволжья Сб. статей / Под ред. В.А. Никонова, Н.Ф. Мокшина. 1976. № 4. С. 309–312.
20. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. Москва: Высшая школа, 1970. 200 с.
21. Чернышева И.И. Актуальные проблемы фразеологии // *Вопросы языкознания*. 1977. № 5.
22. Яковлева Е.С. Особенности фразеологических единиц с компонентом-зоонимом (на материале китайского и английского языков). Саратов: 2018. 201 с.
23. Stoett F.A. Nederlandsche spreekwoorden, spreekwijzen, uitdrukkingen en gezegden [Электронный ресурс]. URL: https://www.dbnl.org/tekst/stoe002nede01_01/ (дата обращения: 29.12.2018).
24. Van Dale Idioomwoordenboek: verklaring en herkomst van uitdrukkingen en gezegden/ hoofdred. H. de Groot. Utrecht/Amsterdam: Van Dale Lexicografie; The Riders Digest NV, 1999. XIX + 1049 с.
25. Groot Uitdrukkingen woordenboek: verklaring en herkomst van moderne uitdrukkingen / под ред. H. d. Groot и др. Utrecht/Antwerpen: Van Dale Lexicografie, 2006. 1188 с.

De geschiedenis van fraseologisch onderzoek naar het Nederlands

Ekaterina Tereshko

Lecturer at Lomonosov Moscow State University
katja.tereshko@yandex.ru

The Phraseological Studies in Dutch

Аннотация: В данной статье представлен обзор развития фразеологии нидерландского языка в самих Нидерландах и за пределами области распространения нидерландского языка. В первой части рассматривается зарождение и развитие интереса к устойчивым образным выражениям и приводится обзор работ некоторых собирателей и составителей фразеологических словарей. Во второй части рассматривается становление фразеологии как отдельной науки. Приводятся также факторы, которые могли повлиять на развитие фразеологии как научной дисциплины.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, устойчивые выражения, метафора, нидерландский язык, нидерландистика

Keywords: phraseology, idiom, expression, metaphor, Dutch, Dutch Studies

Voordat men een bepaald onderwerp begint te onderzoeken, kan het handig zijn om een blik te werpen op de ontwikkeling van het onderzoeksobject en verschillende benaderingen rondom het onderwerp. Dit artikel behandelt de geschiedenis van fraseologismen in het Nederlands en kan dienen als inleiding tot een fraseologisch onderzoek zijn.

Zoals bekend, is fraseologie een vrij jonge richting binnen de leer van de lexicologie. Er valt wel wat te doen binnen de wetenschappelijke context binnen dit onderwerp, maar er is nog niet zoveel te vertellen; zelfs de term “fraseologisme” is noch in Nederland, noch in Rusland volledig gedefinieerd. Hier komen we nog later op terug. Om te beginnen gaan wij breder kijken: tot welke discipline behoort “fraseologie”, wat is het onderscheid tussen deze nieuwe richting en bijvoorbeeld lexicologie of grammatica enzovoort. Zo wordt dit artikel in twee delen verdeeld:

- 1) het ontstaan/de toename van interesse voor beeldspraak in Nederland;

- 2) de ontwikkeling van de wetenschappelijke richting “fraseologie” in Nederland en het buitenland.
Laten we dan nu de koe bij de horens pakken.

I. In het algemeen is beeldspraak heel populair in Nederland, vooral in de politiek, want beeldspraak kan onze waarneming van de wereld en van problemen beïnvloeden. Hier hangt het van af welke beslissingen we nemen en welke oplossingen we vinden. Het woord blijkt dus een sterk wapen te zijn.

Door een groep Amerikaanse onderzoekers is onderzoek gedaan naar de invloed van beeldspraak op besluitvorming. Deze onderzoekers, afkomstig van de universiteit van Stanford, hebben aangetoond dat beeldspraak en onder andere metaforen, dit proces sterk kunnen beïnvloeden. Er werden vijf experimenten bij studenten en een grote groep internetgebruikers uitgevoerd. Ze kregen iedere keer een tekst over de fictieve stad Addison waar een criminaliteitsprobleem opgelost moest worden. Vervolgens mochten ze hun oplossingen voorleggen. In de helft van de teksten werd de criminaliteit met een virus vergeleken en in de andere helft kwam het beeld van een beest voor.

- 1) In het eerste experiment kregen de ondervraagden de teksten waar de metafoor duidelijk werd genoemd. De eerste tekst in het eerste experiment werd doorspekt met werkwoorden als *infecting* (‘infecteren’) en *plaguig* (‘een plaag vormen’) en de tweede met woorden als *a beast preying on Addison* (‘een beest begeert Addison als prooi/aast op Addison’), *tracked* (‘is geslopen’) en *caught* (‘gevangen’) [4]. Een groot deel van de tekst bestond uit statistieken om de criminaliteitscijfers weer te geven.
- 2) In het tweede experiment werden dezelfde metaforen gebruikt, maar ditmaal waren ze subtieler aangebracht in de tekst. In plaats van met verschillende woorden werd de metafoor nu weergegeven met één enkel woord. Zo luidde de openingszin ongeveer: *Crime is a virus/beast ravaging the city of Addison* [4] (‘Misdaad is een virus/beest dat Addison teistert’).
- 3) In de derde stap van het experiment werd de metafoor zelf weggelaten. Nu werd alleen gekeken naar het effect van activatie van de woorden ‘virus’ of ‘beest’ in het brein. Voorafgaand aan het lezen van de tekst, moesten de proefpersonen een synoniem geven voor één van deze woorden.

- 4) In het vierde experiment mochten de proefpersonen meer informatie vergaren alvorens tot een antwoord te komen.
- 5) In het vijfde en laatste experiment werd de metafoor later in de tekst aangeboden.

Uit de eerste twee experimenten bleek [1] dat de proefpersonen kwamen met oplossingen die sterk overeenkomen met de aangeboden metaforen. Het ene deel probeerde het probleem preventief op te lossen zoals je ook een echt virus kan bestrijden: de oplossingen werden vooral gezocht in het voorkomen van misdaad, door het bestrijden van armoede en het verbeteren van het onderwijs. Lezers van de tekst waarin misdaad werd voorgesteld als een beest, kwamen met oplossingen die meer agressief en onderdrukkend overkwamen. Hun oplossingen werden gezocht in het vangen en opsluiten van misdadigers.

Het valt wel op dat de meeste proefpersonen niet op de metafoor zelf wezen toen ze gevraagd werden om hun voorstel te onderbouwen, maar eerder naar de statistieken. Dat laat ons min of meer zeker zeggen dat de metaforen vooral onbewust op het denken en de besluitvorming doorwerken.

Als de metafoor weggelaten wordt of later in de tekst voorkomt heeft het al niet meer zo'n groot effect. Maar als het in het begin staat en door de lezer waargenomen wordt heeft het zelfs gevolgen op de langere termijn: nadat de proefpersonen meer informatie hadden gekregen, bleven ze toch op hetzelfde gedachtespoor zitten [1].

Zo kunnen we wel zien dat beeldspraak en daarmee ook fraseologismen oprecht een grote rol spelen in het vormen van ons denkbeeld. Dat beseffen de Nederlanders dus ook. Maar dit effect is niet nu begonnen, maar al heel lang geleden. Het kwam ook niet vanuit Amerika: men kreeg veel interesse in beeldspraak in Nederlandstalige landen: Nederland en België.

Om maar meteen te beginnen met Erasmus van Rotterdam. Één van zijn grootste werken was "Adagia". In dit werk besteedde Erasmus ook aandacht voor spreekwoorden. Het verscheen voor het eerst in 1500 in Parijs, zonder voorkennis van de schrijver. Het was Toen een klein boekje met 800 spreekwoorden onder de titel *Collectanea Adagiorum*.

Tijdens Erasmus' leven verschenen er 30 drukken, wat enorm veel voor die tijd is. De laatste druk verscheen in Basel en dit was al een foliant van meer dan 1000 bladzijden met 4151 Griekse en Latijnse spreekwoorden.

Dit werk van Erasmus is de eerste verzameling spreekwoorden met verklaring. Zijn voorbeeld spoorde vele anderen aan zich met spreekwoorden bezig te gaan houden.

Ook Al behandelde Erasmus alleen Griekse en Latijnse spreekwoorden, hij voegde er ook een paar bij die in zijn tijd ook onder het volk in Nederland gangbaar waren. Zijn werk werd een paar eeuwen later vervolgd door Dr. W.H.D.Suringar [2, p. 426] die het over de Nederlandse spreekwoorden heeft zoals ze zijn.

Echter, ook vóór Erasmus bestond er een verzameling *Proverbia communia (ook Proverbia seriosa)* [2, p. 415] die als de oudste verzameling van Nederlandse spreekwoorden beschouwd wordt. Deze werd uitgegeven met een rijmende Latijnse vertaling tussen de regels. Ter Laan schrijft in de bijlage van zijn woordenboek "Nederlandse spreekwoorden, spreuken en zegswijzen": "Het boekje schijnt in het laatste gedeelte van de 15de eeuw vooral aan de Deventer school gebruikt te zijn, toen deze, onder het bestuur van Alexander Hegius, leerlingen van heinde en verre tot zich trok" [2, p. 415].

Verder kwamen er kleine publicaties over Nederlandse spreekwoorden die vaak onbekend bleven. Hier zijn er enkele opgesomd:

- **Nicolaas Zegers** "*Proverbia teutonica latinitate donata collectore et interprete T. Nicolao Zegers Bruxellano*" (Brussel, 1551)
- **Johannes Sartorius** – een werk over een verdietsing van Griekse en Latijnse spreekwoorden "*Adagiorum Chiliades tres*" (Amsterdam, 1561)
- **Frans Goedhals** "*Les Proverbes anciens, flamengs et françois*" (Antwerpen, 1568)
- **Hendrik Laurens Spiegel** verzamelde een schat van Hollandse spreekwoorden en plaatste ze in zijn almanak, soms twee of drie of nog meer bij iedere dag van het jaar – "*Byspraax-almanak*". Spiegel heeft zijn spreekwoorden ingedeeld in 12 hoofdstukken, naar de maanden. (Amsterdam 1606)
- **Donaes Idinau** "*Lot van wisheyd ende goed geluck: Op drie hondert ghemeyne spreekwoorden: in rijme gestelt.*" (Antwerpen, 1606)
- **Jacob Cats** "*Spiegel van den ouden ende nieuwen tijt*" – "bestaande uyt spreekwoorden ende sinspeucken, ontleent aan de voorige ende jedenwoordige eeuwe <...>" (Middelburg, 1632)
- **Adriaan van de Venne** "*Tafereel van de belachende werelt, en desselfs geluckige eeuwe, goed rondt, met by-gevoegde Raedsel-Spreucken*" (Delft, 1635)
- **Joan de Brune** "*Nieuwe wyn in oude ledersacken, bewijzende in Spreek-woorden 't vernuft der menschen, ende 't geluck van onze Nederlandsche Tael*" (Middelburg, 1636)

- **Anna Folie** “*Lyste van koddige Rarireyten en grappige spreekwoorden*” (omstreeks 1700, Anna Folie is een pseudonim)
- **Carolus Tuinman** “*Nederlandse Spreekwoorden*” (1726)
- **Jacob van Lennep** “*Zeemanswoordenboek*” met de spreekwoorden aan scheepvaart en handel ontleend (1856)
- **Dr. W.H.D. Suringar** “*Erasmus over Ned. Spreekwoorden, uit 's mans Adagia opgezameld*” (Lingen, 20de eeuw)
- **Dr. F.A. Stoett** “*Nederlandse Spreekwoorden*” (Amsterdam, 1901) [2, p. 415-433]

Ook Paulus Cornelis Scheltema, Willem Bilderdijk, Nicolaas van der Hulst, Helmer Molema, Waling Dijkstra en andere geleerden interesseerden zich voor dit onderwerp en verzamelden Nederlandse spreekwoorden.

Niet alleen in wetenschap en literatuur (denk aan Guido Gezelle) was er interesse voor beeldspraak en fraseologie. Ook schilderkunst deed eraan mee. Als we het over spreekwoorden hebben, denkt iedereen meteen aan het schilderij van Pieter Bruegel de oude, of zoals hij ook genoemd werd, Piet den Drol. Zijn schilderij uit 1559 toont de 125 tot nu toe gevonden Nederlandstalige spreekwoorden en gezegden zoals die toen gangbaar waren in het Nederlands. Enkele daarvan worden tegenwoordig nog altijd gebruikt.

Maar Bruegel was niet de enige en ook niet de eerste die zulke schilderijen maakte: zo maakte Frans Hogenberg rond 1558 al een gravure waarin 40 spreekwoorden werden uitgebeeld. Bruegel zelf maakte ook al schilderijen van 12 spreekwoorden op individuele panelen. “Nederlandse Spreekwoorden” is toch voor zover bekend het eerste grote werk gericht op het uitbeelden van spreekwoorden [3].

Zoals we hier al snel geschetst hebben, zijn fraseologismen in brede zin belangrijk voor de Nederlandse taal en cultuur. Nu gaan we het in detail in de wetenschappelijke context bekijken.

II. Fraseologische studies [5, p. 11-14]

De fraseologie als deel van de wetenschap is afkomstig uit de lexicologie en nam de vorm aan van een aparte discipline binnen de taalwetenschap vanaf de tweede helft van de jaren 40. Het waren vooral de Sovjet-Russische linguïsten (bvb. Viktor Vinogradov) die het spits afbeten. De Sovjet-Russische fraseologische school baseerde zich op de ideeën van de Zwitserse taalwetenschapper Charles Bally uit 1909. Deze

heeft vaste verbindingen als eerste vanuit een taalwetenschappelijke invalshoek expliciet onderzocht.

De eerste fraseologen stonden voor een geweldig karwei, ze stonden immers voor de volgende opgaven:

- 1) fraseologie onderscheiden van andere disciplines zoals grammatica en lexicologie;
- 2) het object van het onderzoek bepalen.

De opkomende interesse was er grotendeels aan te danken dat de algemene focus binnen de taalwetenschap steeds meer op het lexicon werd gericht, waarvan vaste verbindingen ook een belangrijk deel uitmaken.

In de jaren 70 van de 20ste eeuw stonden vooral de wetenschappers uit de Sovjet-Unie en Midden- en Oost-Europese onderzoekers aan het roer van deze nieuwe onderzoeksrichting. De collega's uit het West-Europese Duitse taalgebied konden hoofdzakelijk via de werken van de Midden- en Oost-Europese linguïsten kennismaken met de verworvenheden van de opkomende discipline.

Harald Burger had de verspreiding van de nieuwe ideeën voorgespeld toen hij in samenwerking met Harald Jaksche het werk *Idiomatik des Deutschen* in 1973 uitgaf. De auteurs vestigden de aandacht van hun collega's op het feit dat idiomen niet buiten beschouwing mogen worden gelaten.

De ontwikkeling van fraseologisch onderzoek werd in Europa verder ook bevorderd door het oprichten van de Europese Vereniging voor Fraseologie, EUROPHRAS (verkorting van Europäische Gesellschaft für Phraseologie) in 1999. Deze organisatie houdt tot op heden met enige regelmaat conferenties.

Terwijl de fraseologie zich gedurende de eerste helft van de twintigste eeuw in de Sovjet-Unie tot een zelfstandige discipline ontwikkelde die daarna stap voor stap in heel Europa steeds meer aandacht kreeg, werd ook in Amerika interesse voor fraseologische studies gewekt.

In de 20ste eeuw werd de taalkunde gedomineerd door het structuralisme in zowel Europa als Amerika, maar toch waren er verschillen binnen deze stroming. Amerikaanse linguïsten werden vooral door het empirisme en het behaviorisme beïnvloed, dus werd de semantiek, d.i. de betekeniskant door hen geheel buiten beschouwing gelaten. Tegelijkertijd verspreidde de ideeën van Ferdinand de Saussure zich in Europa en was hier semantiek dus wél belangrijk voor de onderzoekers: hoewel de betekenisleer binnen het structuralisme niet centraal stond, ontstonden er toch theorieën over de betekeniskant van de fraseologische eenheden.

De Angelsaksische linguïsten begonnen hoofdzakelijk pas vanaf de jaren '60 belangstelling te krijgen voor semantiek. Vanaf die tijd is er sporadisch ook aandacht voor de fraseologie waar te nemen, vooral vanuit het standpunt van de op de structuralistische taalkunde gerichte generatieve grammatica. Noam Chomsky werkt op dit moment ook aan zijn generatieve taaltheorie. Maar de generatieve grammatica kon met zijn instrumentarium het figuurlijke taalgebruik en de "gebrekigheid" van idiomen niet geheel verklaren.

In de jaren '70 en '80 komen er nieuwe ideeën aan bod: Lakoff en Johnson publiceren dan hun werk over de cognitieve aanpak van metaforen en vanaf die tijd onderzochten de Amerikaanse linguïsten de vaste verbindingen vooral vanuit het "cognitief-psychologische" perspectief.

Opmerkelijk is dat noch de Amerikaanse onderzoekers, noch de Nederlandse en andere Europese taalkundigen nauwelijks iets wisten van elkaars werken. Deze isolatie van beide kanten is o.a. te wijten aan de verschillende doelstellingen. De traditionele fraseologie richt zich hoofdzakelijk op het omschrijven van begrippen en de afbakening van de te onderzoeken taalverschijnselen en op de ontwikkeling van idioomtypologieën. In de cognitieve benadering van fraseologismen staan echter de mentale processen centraal.

Het was vooral de Russische linguïst Dobrovolskij (o.a. 1995, 1997) die de twee richtingen met elkaar "verzoende" door de cognitieve benadering te betrekken bij de onderwerpen van het traditionele onderzoek. Hij wilde in zijn werken niet suggereren dat de vorige invalshoeken helemaal nutteloos waren en dus verworpen moesten worden. Integendeel, het cognitieve perspectief kan volgens hem opgevat worden als uitbreiding van het instrumentarium van het fraseologie-onderzoek. Hij heeft niet alleen Engelse en Duitse, maar ook de Nederlandse fraseologismen bestudeerd.

Wat Nederland betreft, ontbrak het de Nederlandse linguïstiek lang aan wetenschappelijke uiteenzettingen over fraseologismen, al werd in de Lage Landen sinds de 15de eeuw interesse getoond voor vaste woordverbindingen (vooral voor spreekwoorden), zoals we het eerder al gezien hebben.

Vanaf de tweede helft van de jaren tachtig laat ook het fraseologisch onderzoek van het Nederlands een krachtige ontwikkeling zien. De opkomende interesse is ook in de neerlandistiek in het buitenland te zien die in de Nederlandse fraseologie spoedig zelfs een grote rol is

gaan spelen. Het eerste monografische werk over de Nederlandse vaste verbindingen is namelijk niet in Nederland, maar in Polen ontstaan: Klimaszewska heeft haar onderzoek in 1990 gepubliceerd.

De belangstelling voor de fraseologie van het Nederlands in de buitenlandse neerlandistiek heeft als het ware vanzelfsprekend met zich meegebracht dat het contrastieve aspect bij het onderzoek werd betrokken.

Qua invalshoek bleek de neerlandistiek extra muros eerder de Europese fraseologische traditie te volgen. Op het Nederlandse taalgebied zelf ("intra muros") waren er echter ook taalwetenschappers die zich aansloten bij de Amerikaanse traditie (Everaert/Van der Linden 1989, Van Jaarsveld 1998, Everaert et al. 1992, 1995).

Wat betreft het fraseologisch onderzoek binnen de neerlandistiek (zowel intra als extra muros), ligt het accent vanaf de jaren '90 vooral op lexicaal-semantische studies.

Op het terrein van de toegepaste fraseologie zijn binnen de neerlandistiek vooral twee gebieden te noemen: fraseografie en taaldidactiek. De toegepaste fraseologie heeft altijd praktische doelen: in de Nederlandse fraseologie gaat het erom hoe vaste verbindingen in woordenboeken kunnen worden beschreven of hoe vaste verbindingen geleerd moeten worden. De impulsen gaan dus altijd van de praktische kant en niet van de theorie uit.

Voor docenten Nederlands is de didactische richting van fraseologie natuurlijk interessant. Uit de praktijk blijkt namelijk dat vaste verbindingen niet aan de periferie, maar centraal staan en eerder een regel dan een uitzondering zijn. Daarom moeten ze voldoende aandacht krijgen in het vreemdetalenonderwijs.

In het kader van de Nederlandse fraseologie zijn er ook onderzoeksgebieden die tot nu toe nog maar weinig bestudeerd werden, zoals, bijvoorbeeld, de vaktalen, de dialecten en het psycholinguïstisch aspect. Het onderzoek naar de Nederlandse fraseologismen kan verder ook nieuwe mogelijkheden bieden voor de historische linguïstiek, pragmatiek, syntaxis, morfologie en de tekstlinguïstiek. In de toekomst zal misschien ook de corpuslinguïstiek door het samenstellen en bestuderen van steeds grotere corpora bijdrage kunnen leveren aan het onderzoek naar deze gebieden.

Literatuur

1. Gehersenspoeld door een metafoor [Online bron], NEMO Kennislink, URL: <http://www.nemokennislink.nl/publicaties/gehersenspoeld-door-een-metafoor> (geraadpleegd op 10.10.2016)

2. Laan, K. ter Nederlandse spreekwoorden, spreuken en zegswijzen: woordenboek – Amsterdam [etc] : Elsevier, 1987. – 433 p.
3. Literatuargeschiedenis.nl: web-site [Online bron], URL: <https://www.literatuargeschiedenis.nl/lg/middeleeuwen/spreekwoorden.html> (geraadpleegd op 06.10.2016)
4. Thibodeau P. H., Boroditsky L., Metaphors We Think With: The Role of Metaphor in Reasoning [Online bron], URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0016782> (geraadpleegd op 12.10.2016)
5. Zichler C. – Geschiedenis van het fraseologisch onderzoek: hoofdstuk 1 uit het boek Onder de loep. Inleiding in de fraseologie, 2016 [Online bron] URL: http://www.tintakiado.hu/book_detail.php?id=501 (geraadpleegd op 06.10.2016)

Концептуализация пространства в нидерландской языковой картине мира

Яковлева Александра Алексеевна

к.фил.н., доцент кафедры
скандинавской и нидерландской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет

***Аннотация:** в статье анализируется концептуализация нидерландским языком пространства с точки зрения величины предмета на основе материала, вошедшего в толковый словарь; приводится культурно-исторический контекст, нашедший свое отражение в восприятии пространства нидерландским языком.*

***Ключевые слова:** пространство, типология, семантика размера, параметрические прилагательные.*

Сочетаемость свойства параметрических прилагательных демонстрируют такие функциональные особенности языка, изучение которых необходимо для развития когнитивных наук [1, с.151]. Семантике размера, пространственным и параметрическим прилагательным в разных, в том числе европейских и, в частности, германских языках, посвящено множество исследований. Ученые указывают на то, что пространство в общем и целом у жителей земли организовано одинаково, и потребность обмениваться сведениями о характеристиках представленных в нем объектов является насущной [1, с.146]. В близкородственных языках восприятие и механизмы метафоризации пространства сходны, но априори не идентичны, соответственно, если пространство и предметы его наполняющие различны, то это должно находить отражение в языке. Также отражение в языке должны находить различия ценностного характера, исторического развития народа, а также его (народа) менталитет.

Психологизация количественных отношений основывается на четырех процедурах, о чем, в частности, пишет Рябцева [3, с.109]: сравнение предметов между собой, сравнение с собственными размерами, измерение подручными средствами, выделение особенно значимых точек для обозначения пределов. То есть, в рамках антропоцентрической модели всякий человек должен осознать большое и малое в сравнении с самим собой, а, значит, создать экзистенци-

альную шкалу минимум из трех составляющих: больше нормы – норма – меньше нормы.

Отношение к окружающему пространству, ровно как и само это пространство для жителя Нидерландов имеет ряд специфических черт. Дело не только в том, что почва под ногами для голландца – вещь не само собой разумеющаяся, а многовековым трудом отвоеванная у моря твердь, но и сочетание осознания себя как великой и первой свободной нации Европы, с одной стороны, проживающей на малюсеньком клочке заболоченной земли, с другой стороны.

1. Характеристика окружающего пространства

Описание и восприятие окружающего пространства нидерландским языком нашло выражение в двух базовых метафорах, роль которых в сознании носителей этого языка сложно переоценить.

Во-первых, в самом названии страны во всех ее вариантах присутствуют корни со значением низкий: *laag* (*De Lage Landen* – досл. Низкие земли) или *neder* (*Nederland* – досл. Низкая земля), то есть называя свою страну, голландцы уже дают характеристику пространству, в котором они живут – "Я живу на низких землях / Я из низких земель", сравним, например, ощущение от названия страны *Groot-Brittannië* досл. Великая Британия или *Frankrijk* досл. Империя Франков, помещенных в тот же контекст. Низкий, конечно, совсем не обязательно означает маленький, но в нидерландском самосознании эти два понятия стали синонимичными, о чем свидетельствует второй аргумент, приводимый ниже. Любопытно, что в нидерландском языке существует звучащее почти оксюмороном *Groot-Nederland* Большие Нидерланды и *Groot-Nederlander* Большой Нидерландец, означающее все территории, где говорят на нидерландском языке, то есть, как минимум, Фландрию и Нидерландские Антильские острова или жителей этих территорий соответственно. В целом же название страны плохо сочетается и увязывается с понятиями большой или объемный.

Во-вторых, не менее общепринятое выражение голландцы сплошь и рядом используют в диалогах с иностранцами для описания своей страны – *Nederland is kikkerland* (Нидерланды – страна лягушек), которое чаще всего употребляется с диминутивом в контекстах типа: *Ah, we zijn maar een kikkerlandje*. (Ах, мы ведь всего лишь маленькая страна лягушек). Этимология этого выражения восходит к характеристике почв и проживающим на этих болотистых

почвах представителям фауны – лягушки хладнокровны, а, значит, жители лягушачьей страны – расчетливая, трезвомыслящая нация, которой чужды романтизм и сантименты. Тем не менее среднестатистический голландец называет свою страну лягушачьей, подразумеваемая болотистую местность и маленькие размеры, и, в большинстве случаев, именно последнее. Подтверждением тому является опрос, проведенный автором статьи, а также тот факт, что в поисковых системах с *kikkerland* самым частотным является сочетание *ons klein kikkerlandje* (наша маленькая лягушачья страна).

Другой отправной точкой для анализа восприятия окружающего пространства носителями нидерландского языка является поэзия.

Пожалуй самое знаменитое, полное лиризма, стихотворение поэта Хендрика Марсмана 1936 года "Воспоминание о Голландии". В учебнике по истории нидерландской литературы статью о Х. Марсмани И.М. Михайлова начинает так: "Большинству голландцев Хендрик Марсман известен как автор стихотворения "Воспоминание о Голландии", которое по итогам голосования в канун Миллениума было признано "важнейшим голландским стихотворением XX века." Первые его строки знают наизусть даже такие голландцы, которые далеки от поэзии" [2, с.55]. Какой же предстает перед нами Голландия в этих стихах? Беспредельные равнины, свободные реки, редкие тополя на горизонте вдали, пустынные поля, бескрайняя земля, усадьбы утонули в могущественных просторах, колокольни, рощи и деревни разбрелись по травам, рассеялись, церкви и вязы, низко висят небеса, голос воды (цит. по пер. Н. Мальцевой). Всеми возможными лексическими способами и поэтическими приемами поэт проводит горизонтальные линии (равнины, реки, горизонт, поля, просторы, небеса, вода), подчеркивая их длину, протяженность и монотонность (беспредельные, свободные, пустынные, бескрайняя, могущественные, разбрелись, рассеялись, низко висят). Лишь изредка горизонтальности разрушаются вертикалями (тополя, церкви, вязы), но находятся они подчеркнута далеко и в небольшом количестве, что не меняет общего монотонно-горизонтального ощущения от пространства. Обратим внимание и на характер этих горизонталей – два вида дерева и церковная башня. Для сравнения можно вспомнить стихотворение Иосифа Бродского 1993 года "Голландия есть плоская страна ...", где снова много горизонталей, а вертикалей нет вообще, если только не считать вертикалью строку "В Голландии нельзя подняться в горы ...".

Особого внимания заслуживает поэтический сборник с громким названием "Воскресение", вышедший в 1945 году с целью напомнить жителям Нидерландов после окончания страшной войны об их, как бы мы сейчас выразились, идентичности, в который вошли самые яркие произведения о Низких землях, созданные за всю историю ее существования. Будучи еще принцессой нынешняя королева Нидерландов Максима однажды публично заявила, что нидерландской идентичности не существует, чем повергла в смятение многих голландцев, заставив их рассуждать о том, что же означает быть жителем этой небольшой европейской страны. Примечательно, что сборник, о котором идет речь, как раз и представляет собой попытку его составителя назвать все важнейшие концепты, составляющие, по его мнению, нидерландское самосознание, дабы напомнить о них сломленной нации в послевоенные годы.

Если исключить такие беспорные символы как Бог и королевский дом, то голландцам предлагается гордиться своей величественной страной (5 из стихотворений так и называются "Голландия"), а именно бескрайним морем, волшебным светом, высоким небом, просторами – полями, пляжами, пашнями. Любопытно, что из вышеназванных концептов чаще всего встречается *hemel* (небо) – 8 раз, из них 2 раза во множественном числе *hemelen* (небеса), а также еще 2 раза *wolken* (облака); второе место делят *zee* (море) – 5 раз и *licht* (свет) – 5 раз. Также почти в каждом поэтическом произведении вышеназванные стихии так или иначе звучат или поют.

В качестве иллюстрации приведем отрывки из трех разных стихотворений:

1) М. Нейхоф "Голландия", 1916 г.

Boven mijn hoofd hebt gij uw lucht gebreid: / Een hemel, rijk en wijd van zon en wind, / Een warme ruimte, een heldere innigheid / Waaraan ik neerlig als een drinkend kind.

(Над моей головой ты сплел свое небо: / Небо, богатое и просторное своим солнцем и ветром, / Теплое пространство, ясная сердечность / К которым я припал, как пьющее дитя.)

2) Хенриетте Роланд Холст "Голландия", 1902 г.

Onze oogen proeve' iets groots en daarvan gaat er / een trek van grootheid door ons geestes-trachten / en zijn wij thuis in grenzeloze sferen.

(Наши глаза зрят нечто величественное и от этого / стремление к величию просыпается в наших душевных порывах / и мы оказываемся дома в этих безграничных сферах).

3) К.С. Адама ван Схелтема "Голландия", 1906 г.

Maar groot toch is de zee Holland / Waaraan ge langzaam zijt verschenen, ... Maar groot toch is uw hemel Holland / Met zijn mateloze klaarten, / Met al z'n oneindige kleuren, / En die verandrende wolkengevaarten / Waarmee grote dingen gebeuren. ... Maar groot toch is uw volk Holland, / Verwant aan uw heerlijk verleden, / Dat tussen uw hemele' en zeeën bleef groeien ...

(Но все же величественно море, Голландия / На котором ты медленно возникла, ... Но все же величественно твое небо, Голландия / С его бескрайними прозрачными далями / Со всеми его бесконечными цветами, / И этими изменчивыми грядами облаков / Которыми совершаются великие дела. ... / Но все же велик твой народ, Голландия, / Породненный с твоим чудесным прошлым, / Произрастающий между небесами и морями ...)

Возвращаясь к экзистенциальной шкале размеров, можно смело утверждать, что большое и великое для жителя Нидерландов – это небо и море, пронизанные светом и звуками, а человек словно помещен между двумя стихиями, как дитя, требующее защиты.

Подтверждением вышесказанному можно считать знаменитый голландский пейзаж, на большинстве которых долины, водная гладь, плоские города и селения по берегам рек и каналов в пасмурные, сырые дни, и огромное место занимает небо с клубящимися облаками, насыщенными влагой. Нет никаких доминант, все как бы растворено в бескрайнем пространстве.

2. Место человека в пространстве

Противопоставлением "звучащим", бушующим стихиям в нидерландской поэзии предстает тихий дом, как, например в строках П.К. Баутенса из стихотворения 1931 года "Сердце и страна": *De wind zong door de boomen / Tot in mijn stille huis* (Ветер пел сквозь деревья / Вплоть до моего тихого дома). Причем понятие дом делится на дом, сад и фасад. Примечательно, что при отсутствии дома роль "убежища" для человека зачастую выполняет дюна как единственная вертикаль среди плоских, бескрайних горизонталей.

Если в русской концептосфере понятие дом – это в первую очередь очаг, то в нидерландском языке дом – понятие прежде всего материальное, осязаемое, дробное, представляющее собой некий эталон определенного размера и определенной формы. Так, например, о чьих-то глазах можно сказать *zij heeft ogen als huizen* (у нее глаза

как дома), то есть у нее большие глаза. Речь идет о том, что у русского человека нет стандартного представления о том, каких размеров должен быть дом, это может быть все, что угодно, от небольшой хижины до роскошного особняка и многоквартирного здания. Именно по этой причине, нидерландский язык фиксирует любые отклонения от нормы дома – в язык вошли такие сочетания, как: *dubbel huis* (дом с окнами по обе стороны от входной двери), *enkel huis* (дом с окнами с одной стороны от входной двери), *anderhalf huis* (дом с одним окном с одной стороны от входной двери). Не говоря уже о набивших оскомину переводчикам *voor-* и *achterhuis*, буквально передний и задний дом.

Также любопытен композит *groothuis*, буквально большой дом. Если в русском языке за этим сочетанием закрепилось наименование самой серьезной и устрашающей организации страны, то в нидерландском языке сочетание большой дом почти недопустимо метафизически, поэтому за ним закрепилось специальное значение, известное лишь узкому кругу специалистов, а именно *groothuis* главный дом – дом настоятельницы монашек-бегинок и то лишь потому, что сама настоятельница именуется *grootjuffrouw* главная (большая) матушка.

Внутренняя архитектура дома тоже подразумевает некий стандартный набор комнат, поэтому выражение *een huis met vele kamers* дом с большим количеством комнат считается отклонением от нормы и означает большие возможности. То же можно сказать о выражении *er is (te veel) dak op het huis* на доме слишком много крыши, означающее что в доме слишком много людей.

Любопытно отметить, что стандартным эталоном средней ширины считается комната – *kamerbreed* (шириной с комнату). Отметим сразу, что небольшая ширина в языке представлена сложными словами с частями тела: пальцем – *vingerbreed / duimbreed*, рукой – *handbreed / armbreed*, кистью – *palmbreed*, стопой – *voetbreed* и это полностью соответствует одной из четырех вышеназванных процедур, а большая ширина все с тем же небом – *hemelbreed*, заставляя мысленно вернуться к стихам и живописи.

Не уходя от домашней тематики вспомним, что голландцы были знамениты своими высококачественными тканями, в частности, полотном. В языке это нашло отражение в немалом количестве таких сравнений как, например, *te groot voor een servet, te klein voor een tafellaken*, (слишком большой, чтобы быть салфеткой, но слишком

маленький, чтобы быть скатертью), что означает подростка, который уже не маленький, но еще и не взрослый. Или интересное с лингвокультурологической точки зрения *een tuin van een zakdoek groot* (сад размером с носовой платок).

Третьей составляющей шкалы размеров являются небольшие величины, которые человеку свойственно сравнивать с самим собой или измерять при помощи подручных средств, соотнося предмет по размеру с ними.

Сравнение с собственными размерами, сходное для всех германских языков, в нидерландском языке предельно анатомично. Так, например, в нидерландский язык вошел композит *grootschedelig* (с большим черепом). Нескольким неприятным для русского слуха звучит сравнение *zo groot als een kinderhoofd* (большой, как детская голова). Также в нейтральном описании могут фигурировать такие анатомизмы, как, например, *middenrif* (диафрагма), *neusgat* (ноздря), *borstkas* (грудная клетка) или *oogkassen* (глазные впадины).

Измерение подручными средствами также демонстрирует нидерландские особенности. Так, например, высоту предмета или даже ребенка можно измерить кусками торфа: *hij is drie turven groot / hoog* (он ростом в три куса торфа), ср. от горшка два вершка.

Помимо традиционных животных для обозначения размеров используются такие морские обитатели как *mossel* (мидия), *garnaal* (креветка), *kriel* (криль), *panharing* (жареная селедка), *stokvis* (вяленая треска).

Тема требует дальнейшего детального исследования, тем не менее вышесказанное позволяет резюмировать следующее:

– семантика размера демонстрирует особенности нидерландского культурно-исторического развития;

– при всей схожести наборов способов осмысления пространственно-количественных отношений с другими германскими языками, нидерландский язык имеет ряд специфических черт;

– в нидерландском языке можно говорить об экзистенциальной трехступенчатой модели сравнения величин: эталон большого – небо или море, среднего – дом, маленького – меньше, чем человек, то есть его части тела.

Литература

1. Ливанова А.Н. Параметрические прилагательные в норвежском языке в контрастивном освещении. // Контрастивные исследования языков

- мира. Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. Вып. Ш.М., 2009. С. 146-151.
2. Михайлова И.М. Хендрик Марсман. // От "Лиса Рейнарда" до "Сна богов". История нидерландской литературы. / Ред. П. Куттенир, К. Верхейл, отв. ред. И.М. Михайлова. Том 2: XX-XXI в. СПб.: Александрия, 2015. С. 55-68.
 3. Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 108-116.

ЛИТЕРАТУРА – LITERATUUR

**Самый значительный, самый известный, самый талантливый, самый популярный, самый переводимый, самый любимый...
О выборе авторов при написании
«Истории нидерландской литературы
от лиса Рейнарда до Сна богов»**

Михайлова Ирина Михайловна

д.фил.н., доцент, профессор
кафедры скандинавской и нидерландской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
E-mail i.mikhailova@spbu.ru

Irina Michajlova

Associate Professor, Doctor in Philology, Professor
Department of Scandinavian and Dutch Philology,
St. Petersburg State University.
E-mail: i.mikhailova@spbu.ru

The most significant, the most famous, the most talented, the most popular, the most translated, the most beloved ... About choosing authors when writing "History of the Literature of the Low Countries "From Reynaert de vos till Godenslaap?"

Аннотация. В XXI в. вышло много книг по истории нидерландской литературы на нидерландском, английском, немецком, сербском, русском языках. Литературоведы вне Нидерландов и Бельгии рисуют отчасти иную картину нидерландской словесности, чем нидерландцы и фламандцы. Расхождения в восприятии того или иного культурного явления в разных цивилизационных пространствах можно изучать с позиций рецептивной эстетики и культурного трансфера. Авторы, наиболее известные за границей по переводам, не всегда являются таковыми на родине. Расширение знаний о нидерландской литературе способствует межкультурному диалогу.

Ключевые слова: *нидерландская литература; фламандская литература; история литературы; литературный перевод; рецептивная эстетика; культурный трансфер.*

Key words: *Dutch literature; Flemish literature; literary history; literary translation; reception theory; cultural transfer.*

Начало XXI века ознаменовалось неслыханным ранее интересом к литературе на нидерландском языке. За десять с лишним лет (2005-2017) было подготовлено к печати и опубликовано множество фундаментальных исследований по нидерландской словесности. В первую очередь надо назвать выпущенной под эгидой Нидерландского языкового союза восьмитомное издание (а фактически десяти томное, т.к. два тома имеют по две части) «История нидерландской литературы» (*Geschiedenis van de Nederlandse literatuur*, сокращенно GNL) [7], каждый том которой насчитывает около 800 страниц. В 2006 г. увидела свет история нидерландской литературы на немецком [8], в 2009 на английском языке [5], в 2005 и 2012 вышли два тома на сербском [13, 14]. В настоящее время будапештский коллектив нидерландистов под руководством Юдит Геры и Анико Дароци ведет работу над подготовкой «Истории нидерландской литературы» для венгров. Во Франции, где солидный, насчитывающий 915 страниц том истории нидерландской литературы вышел еще в 1999 г. [9], интерес к нидерландским писателям столь велик, что издательство Actes Sud издает отдельную, весьма престижную серию «Нидерландская словесность» (*Lettres Néerlandaises*). Эта серия насчитывает уже более семидесяти томов и, по свидетельству директора серии Филиппа Нобля, имеет коммерческий успех.

При сопоставлении изданий по истории литературы сразу бросаются в глаза как сходство, так и различие принципов, которыми руководствовались составители при подготовки данных изданий. К чертам сходства можно отнести общую периодизацию истории нидерландской литературы и приблизительно на три четверти состав авторов: опубликованный в 2002 на сайте DBNL «Канон нидерландской литературы» «*De belangrijkste auteurs*» (досл. «Важнейшие авторы») [10] не мог не стать ориентиром при решении вопроса о том, каких литераторов необходимо включить в курс литературы – разумеется, «важнейших»! Однако эти 25% различающихся авторов, а также разная расстановка акцентов и своеобразие способа подачи материала как раз и представляют наибольший интерес. Некоторые

авторы, например, Й.Новакович [14], считают своим долгом иллюстрировать рассказ о творчестве нидерландских авторов образцами их собственных произведений и создают также хрестоматийную часть.

В целом особенности восприятия нидерландской литературы в разных странах мира находятся в центре внимания литературоведов-нидерландистов в связи с популярностью таких отраслей гуманитарного знания как рецептивная эстетика, культурный трансфер и даже философия номадизма [11]. Так, один из успешных международных проектов Гейгенсовского Института истории при Академии наук Нидерландов «*Circulation of Dutch Literature*» [6] ставит целью проследить судьбы ряда наиболее переводимых произведений нидерландской литературы в иноязычной культурной среде.

В своей рецензии на немецкую «Историю нидерландской литературы» Йос Йоостен [12, с.139] приводит наглядные цифровые показатели, демонстрирующие различие в рецепции одних и тех же писателей в Нидерландах и в Германии. Он сопоставляет число упоминаний о том или ином авторе XX века в седьмом, посвященном литературе XX века, томе нидерландского многотомника [7], и число упоминаний об этом же авторе в немецкой истории нидерландской литературы, а затем высчитывает, какие авторы занимают первые пять мест по упоминаемости в той и в другой книге. Приведем его таблицу, где сначала приводится число упоминаний, а рядом, в квадратных скобках, место в рейтинге:

	Нидерл.	немецкая
Хьюго Клаус	72 [1]	10 [3]
В.Ф.Херманс	60 [2]	8 [4]
Харри Мулиш	52 [3]	13 [2]
Сейс Нотебоом	24 [5]	15 [1]
Герард Реве	48 [4]	6 [5]

Самый поразительный показатель – то, что в немецкой Истории нидерландской литературы на первом месте оказывается Сейс Нотебоом, занимающий в нидерландском источнике лишь пятое место. Из этого Й. Йоостен делает вывод – на наш взгляд, совершенно правильный и даже само собой разумеющийся – о том, что восприятие того или иного автора в Нидерландах и в Германии не совпадает.

Перечисленные в начале данной статьи книги по истории нидерландской литературы дают богатый материал для изучения этих

несовпадений, потому что литературоведы, при всем их стремлении к объективности, неизбежно руководствуются своим собственным восприятием художественных произведений, а также ориентируются на общекультурные знания своих соотечественников, для которых и пишут эти книги. Разные авторы делают это в разной мере эксплицитно: если составители немецкой «Истории нидерландской литературы», проанализированной Йосом Йоостеном, не пишут в предисловии о своем намерении делать акцент на восприятии нидерландской литературы в Германии, то авторы венгерской книги даже решили озаглавить свою еще не законченную книгу «Встречи между нидерландской и венгерской литературой».

Наша русская «История нидерландской литературы», вышедшая через тридцать лет после предыдущей книги с таким же названием [4], занимает, как мне представляется, промежуточное положение между этими двумя точками. На самом раннем этапе, когда возникла идея написания «Истории», трое редакторов книги (Кейс Верхейл, Нидерланды, Пит Куттенир, Бельгия и автор настоящей статьи, Россия) оповестили об своей идее известных нам российских литературоведов-нидерландистов и переводчиков и попросили сообщить, о каком авторе они *хотели* бы написать, чтобы заронить в душу русского читателя интерес к этому автору. При этом было решено включить в книгу также самые яркие фрагменты самых интересных произведений каждого автора. Разумеется, наши корреспонденты *захотели* написать о своем *самом любимом авторе*, потому что какая радость писать о нелюбимом? Так в редакционный портфель поступила добрая половина всех глав нашей «Истории», и хотя не все *самые любимые* входят в Канон, соредакторы единодушно решили включить их в готовящееся издание. Так же единодушно решили включить главу о *самом популярном в России* первой трети XX века драматурге Хермане Хейермансе, хотя и он не входит в Канон. На следующем этапе в редакционный портфель легли уже ранее написанные соавтрами «Истории» предисловия к переводам нидерландских поэтов, по счастью, входящих в Канон. В этом мы следовали мудрому совету В.П.Беркова, который учил, как надо писать большую книгу или диссертацию: распечатать и сложить в одну папку все, что у тебя уже написано по данной теме, чтобы увидеть, что сделано уже многое, что ты начинаешь далеко не с чистого листа. Расположить все фрагменты в логичной последовательности и «склеить» их,

написав переходные главы, намного легче, чем писать подряд от первой страницы до последней.

После добавления глав об этих *самых известных* поэтах картина поступательного движения нидерландской литературы с XII по XXI век все еще не была равномерной и полной. Нидерландский и фламандский со-редакторы дополнили получившийся список именами, которые, на их взгляд, являются *самыми значительными* в истории нидерландскоязычной культуры. Это соответствовало требованию Нидерландского литературного фонда (Nederlands Letterenfonds) и Фламандского фонду (Vlaams Fonds voor de Letteren) по литературе, обещавших поддержку нашему проекту наряду с Нидерландским языковым союзом (Nederlandse Taalunie). Оказалось, что наибольшие лакуны в знаниях российских литературоведов-нидерландистов наблюдаются в области фламандской литературы: для заполнения этих лакун П.Куттенир подключил к работе фламандских литературоведов. К тому же выяснилось, что среди наших соотечественников нет специалистов, способных охватить единым взглядом общую картину литературы после Второй мировой войны, а также объять творчество такого *крупнейшего* и *плодотворнейшего* автора как Симон Вестдейк. Оба эти раздела в итоге написал Герард ван дер Вард, имеющий опыт преподавания нидерландской литературы в Санкт-Петербургском государственном университете и понимающий особенности восприятия нидерландской литературы российскими студентами. Чтобы перевести главы, написанные изначально на нидерландском языке, мы привлекли множество переводчиков, как опытных, так и неопытных в лице студентов.

Но вот все главы о *самых любимых, самых известных, самых значительных и самых переводимых* нидерландских авторах оказались собраны воедино и прочитаны двумя соредакторами – русским и нидерландским, знающим русский язык. Для бельгийского соредактора несколько глав, написанных русскими специалистами, были переведены на нидерландский, чтобы он смог их прочитать. После обсуждения и правки готовые главы легли на стол (точнее, прилетели в компьютер) главного редактора издательства «Александрия» А.К. Кононова.

По окончании длительного и основательного издательского редактирования оказалось, что общий объем собранных материалов составляет примерно 1400 страниц. Опытный книгоиздатель и решительный человек А.К.Кононов убедил нас, что издавать том

толщиной более 500 страниц нельзя, во-первых, потому что это сразу пугает любого студента и отобьет у него желание изучать нидерландскую литературу, во-вторых, потому что толстый том не удержать в руке. Сократить Историю почти на треть – значит переписать все заново. На это не было ни сил, ни времени. И тогда пришлось принять радикальное предложение А.А.Кононова – изъять из корпуса те главы, которые не связаны непосредственно с единым поступательным движением нидерландской литературы: главы о детских писателях и о писателях славистах. Разумеется, эти авторы и были изначально *самыми любимыми, самыми близкими* для нашего русского понимания: детские – потому что дети одинаковы во всех странах мира, слависты – потому что это мостик между нидерландской и русской культурой.

В итоге на субсидии, полученные от нидерландских и фламандских фондов в 2013 г., объявленном Годом России в Нидерландах и Годом Нидерландов в России, были изданы два тома Истории нидерландской «взрослой» литературы. В Петербурге и Москве прошли презентации, тираж успешно расхотился благодаря интересу библиотек к этому изданию.

Через некоторое время я написала письма в нидерландский и фламандский литературные фонды, а также в Нидерландский языковой союз с вопросом насчет субсидии для издания дополнительного тематического тома – о детской литературе и писателях-славистах. Ответ был несколько кислым: мол, слависты – вообще не наш профиль, а о детских писателях в принципе можно подумать, но не в ближайшее время. Главы о *самых любимых авторах* продолжали ждать своего часа.

В приближении этого часа решающую роль сыграл разговор о первых двух томах с одним российским бизнесменом. Изучив страницу с перечислением фондов, выделивших гранты на издание двухтомника, он удивился: «Почему здесь практически только иностранные организации? Ведь такая книга нужна в первую очередь нам, русским читателям, для расширения нашего кругозора». Его слова навели меня на мысль обратиться за поддержкой к российским частным компаниям и даже частным лицам, по той или иной причине неравнодушным к нидерландской литературе. Эти имена и названия компаний значатся на с. 5 вышедшего благодаря им тома «Детская литература. Писатели-слависты». Столь же важной стала субсидия от Фонда Вильгельмины Э. Янсен. Фонд был основан в 1999 г.

нидерландским бизнесменом, чья бабушка Вильгельмина Э. Янсен родилась в 1871 г.в Санкт-Петербурге. Семья Янсенов, как и многие другие выходцы из городка Фризенвейна в провинции Оверэйссел, включая предков знаменитого писателя Тоона Теллегена, с XVIII века по 1917 год держала магазин в Гостином Дворе на Невском проспекте. Фонд Вильгельмины Э. Янсен ставит перед собой цель содействовать российско-нидерландским культурным контактам.

Благодаря поддержке со стороны делового мира Том III увидел свет в 2015 г. и быстро нашел своих читателей. По моим наблюдениям, в библиотеке его снимают с полки значительно чаще, чем первые два тома. Им интересуются мамы и бабушки, уже оценившие (вместе со своими детьми и внуками) нидерландскую детскую литературу. Ведь на русский переведено много замечательных книг Анни М.Г. Шмидт и Тоона Теллегена, и по одной – но зато какой! – книге Гюса Кёйера и Йоке ван Леувен (всем этим авторам в книге посвящено по отдельной главе). В Третьем томе мамы и бабушки не только находят сведения о том, какие переводы нидерландских детских писателей им следует купить или взять в библиотеке, но также читают переводы рассказов и стихов, многие из которых нигде ранее не издавались. Одно из таких стихотворений, которое охотно слушают дети, – «Жираф, который ничего не видел» Анни М.Г.Шмидт. Этот жираф несколько раз ходил на прогулку с маленькими сусликами, но отвечал на их вопросы не то, что им хотелось слышать, причем всегда нескладной прозой. Приведем два фрагмента:

ЖИРАФ, КОТОРЫЙ НИЧЕГО НЕ ВИДЕЛ

Пятнистый жираф и три суслика-крошки
гулять поскакали по гладкой дорожке.
И вот, добежав до большого забора,
жирафа спросили три суслика хором:
Что там за забором, жираф, посмотри-ка,
там верно тюльпаны растут и гвоздика?
Жираф, погляди же, ведь ты у нас длинный,
там вьется клематис, цветут розмарины?
Жираф долго-долго вытягивал шею,
смотрел и смотрел... и ответил, краснея:
ТАМ НИЧЕГО НЕТ.

<...>

Твердил все одно. Крошки так рассердились,
 что дома оставить жирафа решились.
 Уже без жирафа, три суслика-крошки
 отравились снова по гладкой дорожке.
 Увидев высокий забор пред собой,
 затараторили наперебой:
 За этим забором так много чудес!
 Драконы в пещерах и сорок принцесс!
 Цветы и фонтаны, там эльфы и гномы,
 а суслики с ними пока не знакомы...
 И верят они в чудеса бесконечно,
 Поэтому жить им легко и беспечно.
 А бедный жираф стал совсем одиноким.
 И сам уж не рад, что родился высоким.
 И горькую думу
 он горестно думал:
 НО ТАМ ЖЕ ПРАВДА НИЧЕГО НЕ БЫЛО!

Третьим томом интересуются также те, кто хочет понять, почему русская литература настолько любима в Нидерландах и Бельгии, как возникла блистательная школа нидерландских переводчиков русской поэзии и прозы, какое влияние оказало на нидерландских писателей знание нашей культуры, что и как они восприняли в нашей российской действительности. В книге приводятся очерки истории славистики в Нидерландах и в Бельгии и даются «литературные портреты» двух нидерландских писателей – Карела ван хэт Реве и Кейса Верхейла – и фламандской поэтессы Мириам Ван Хее.

История нидерландской литературы «От Лиса Рейнарда до Сна богов» ставит целью приблизить нидерландскую литературу к русским читателям, как к студентам-нидерландистам, так и к тем, кто не владеет нидерландским языком. Приблизительно через год после издания Третьего тома издательство «Самокат» решило опубликовать перевод книги Барта Муйарта – единственного детского писателя, чей «портрет» вошел в этот том, хотя прежде его произведения никогда не переводились на русский. Его тонкая и остроумная книга «Братья. Самый старший, самый тихий, самый настоящий, самый далекий, самый любимый, самый быстрый и я» уже прошла редактуру и отправлена в типографию. Хочется верить, что все больше и больше нидерландских авторов смогут найти своих русских издателей.

Таким образом, уже только наш организационный опыт работы по составлению и изданию Истории нидерландской литературы подтвердил тот тезис рецептивной эстетики, что интерес какому-либо «импортируемому» художественному произведению и готовность его воспринять в огромной мере определяются характером принимающей культуры и значительно отличается от его места в культуре-«экспортере». В то же время расширение знаний о ранее малоизвестном культурном пространстве готовит почву для расширения межкультурного диалога.

Литература

1. Муйарт Б. Братья. Самый старший, самый тихий, самый настоящий, самый далекий, самый любимый, самый быстрый и я / пер. Михайлова И. – М.: Самокат, 2017. – 108 с. (находится в печати)
2. От «Лиса Рейнарда» до «Сна богов». История нидерландской литературы в 2-х томах / ред. Верхейл К., Куттенир П., Михайлова И. – Санкт-Петербург: Alexandria, 2013. – 544 с., 528 с.
3. От «Лиса Рейнарда» до «Сна богов». История нидерландской литературы. Том 3. Детская литература. Писатели-слависты / ред. Верхейл К., Куттенир П., Михайлова И. – Санкт-Петербург: Alexandria, 2015. – 192 с.
4. Ошис В. В. История нидерландской литературы. – М.: Высшая школа, 1983. – 160 с.
5. A Literary History of the Low Countries / Th. Hermans (ed.) – New York: Camden House, 2009. – 740 pages
6. Circulation of Dutch Literature [Электронный ресурс] – URL: <https://www.huuygens.knaw.nl/circulation-of-dutch-literature-codl/?lang=en> (дата обращения 28.01.17)
7. Geschiedenis van de Nederlandse literatuur (GNL), Deel 1-8. – Amsterdam: Bert Bakker, 2006-2017. – 684, 656, 864, 1056, 816, 400, 840, 1144, 792, 96 pages.
8. Grüttemeier R., Leuker M.Th. Niederlaendische literaturgeschichte. – Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 2006. – 322 p.
9. Histoire de la littérature néerlandaise : (Pays-Bas et Flandre) / Dirigé par Hanna Stouten [et al.]. – Paris : Fayard, 1999. – 915 p.
10. De Nederlandse klassieken anno 2002. [Электронный ресурс] – URL: http://www.dbnl.org/letterkunde/enquete/enquete_dbnlmnl_21062002.htm (дата обращения 28.01.17)
11. Grave J. Nomadische Neerlandistiek //Скандинавская филология – 2016 – Вып. 15.

12. Joosten J. Recensie op: R. Grüttemeier en M.-Th. Leuker (red.): *Niederländische Literaturgeschichte* Stuttgart, J.B. Metzler // *Internationale Neerlandistiek*. – 2012. –№1. – p. 139
13. Novaković-Lopušina J. *Leksikon holandske i flamanske književnosti*. – Beograd, Izdavač: Partenon; 2005. – 294 str.
14. Novaković-Lopušina J. *Uvod u holandsku i flamansku književnost*. Deo 1. – Beograd: Arius&Partenon, 2012. – 191 str.

Harry Potter: verkozen, vertaald, vernederlandst. Een paar woorden over hoe een vertaalde tekst gerekend wordt tot inheems cultureel fenomeen

Yevgeniya A. Stepanenko (PhD)

Militaire universiteit van Ministerie van Defensie van Rusland, Moskou

Yevgeniya A. Stepanenko

PhD in modern Dutch literature

associate professor,

Military University of the Ministry of Defense of Russian Federation, Moscow

Samenvatting. In dit stuk wordt een poging gedaan om te verklaren hoe een internationaal bestseller via vertalingen zijn weg bant naar de ontvangende culturen. Het is iedere keer sprake van domesticatie, hoewel er in diverse culturen niet unaniem wordt gekeken naar de toepassing van domesticatie als vertaalstrategie. Terwijl de vertaalvondsten van Wiebe Budding' in de Nederlandstalige 'Harry Potter' saga in het algemeen positief worden aangenomen, hebben de soortgelijke pogingen van de vertaalster Maria Spivak uit Rusland veel kritische reacties opgeleverd onder de Potter-fans.

Dit stuk is ook een poging tot analyse en eveneens een paar vertaalsuggesties voor enkele sleutelbegrippen van de Potter-saga evenals een opmerking omtrent domesticatie als vertaalstrategie op het tekstniveau.

Sleutelwoorden: literair vertaling, Harry Potter, domesticatie/vervreemding, vertaalstrategie, lezers receptie, ontvangende cultuur, ideologieem.

Harry Potter: Acquired, Adjusted, Adopted, or How to Convert an International Bestseller into a Domestic Cultural Phenomenon

Summary. The article dares to provide an explanation on how an international bestseller becomes a cultural phenomenon 'for domestic use' in recipient cultures. It is due to the domestication strategy accurately and correctly applied by the translators, which though provides no guarantee to general success of the translation, varying between the recipient cultures. The Dutch quite domesticated translation of 'Harry Potter and the Deathly Hollows' released by Wiebe Budding' wins more positive feedback than similar tries of Maria Spivak, the Russian translator of the Potter-saga.

The article also provides analysis and suggestions about some of the key-terms of the Potter-saga and gives feedback concerning applying of the domestication strategy on the text-level.

Key Words: literary translation, Harry Potter, domestication/foreignization, translation strategies, readers' feedback, recipient culture, ideologeme.

Een scene uit 2013: een clubje scholieren bij Artis staande bij de Uilenruines hard te roepen, Kijk maar naar die witte! Dat is Hedwig, he! Harry Potter, ja, Harry Potter! Zelf vond ik toen niets aan de serie van J. K. Rowling, ik raakte echter onmiddellijk in ban van hoe dun de lijn eigenlijk is tussen de werkelijkheid en de verzonnen wereld, en ook van de enorme, voor mij toen onbegrijpelijke aantrekkingskracht van de Harry Potterreeks. Voor die schoolkinderen was deze ontmoeting met de sneeuwuil een evenement van formaat, het groeten doen uit het droomland met ineens wereldbekend geworden kenmerken, platform 9 ¾, toverstokjes en uilenpost. Bekend zelfs voor wie niets met de Potter-saga wilde hebben.

Het moest vijf jaar duren totdat ik zelf, inmiddels kersverse moeder, Harry Potter in mijn handen nam. Het kwam als geroepen, tijdens de winternachten zonder slaap, vol troost, leren en vermaak. Ik vond Harry Potter eigenlijk een heel Russisch boek, met zijn boodschap van het herstel van rechtvaardigheid en de overwinning van de liefde. De tegenstelling Harry / Voldemort is ook op z'n Russisch beschreven, de doodsangst en de laatdunkenheid van Tom Reddle, de toekomstige Voldemort staan tegen de zelfopoffering van Harry Potter, en het verschil tussen die twee is hun aanpak van de dood, wat vaak bij Dostojevski voorkomt. Maar dan pakte ik het origineel, en daarmee was mijn Dostojevski-gevoel voorbij. Harry Potter bleek een Engelse klassieker dat denken doet aan de stijl van de Forsyte Saga en Charles Dickens. En op een dag deed ik de Nederlandse vertaling van 'Deathly Hollows' open, Harry Potter en de relieken van de Dood. Het was een Nederlands boek dat door Dimitri Verhulst of zelfs door Herman Koch zou kunnen worden uitgebracht. Van de grote Engelsen geen spoor.

Het zevende boek van de serie, Harry Potter en de Relieken van de Dood, opent op de vooravond van Harry's zeventiende verjaardag waarop Harry wordt verplaatst vanuit het huis van de Duffelingen in de Ligusterlaan naar het Nest om zijn leven te redden. Om de Dooddoeners te misleiden wordt onder Harry's vrienden het wisseldrank verdeeld

waardoor zeven Harry Potters ontstaan. Ik moest aan die zeven Potters terugdenken toen ik voor het eerst probeerde de vertalingen van de Potterreeks met het originele tekst te vergelijken. Naast Harry Potter in het Engels geschreven heb je een Nederlandse Harry Potter, een Russische Harry Potter, twee zelfs, een Duitse Harry Potter... De verwerking van een tekst in een andere taal is een soort wisseldrank, en al blijft de verhaallijn over, heb je toch een ander stuk voor je. Het probleem is echter dat je als lezer meestal te maken hebt met de werking van het wisseldrank, met een schijn-Potter die je voor echte moet houden. Die schoolkinderen bij Artis kennen Harry Potter net zoals Wiebe Budding, de vertaler, hem kent. Mijn eerste kennismaking met de reeks werd mogelijk gemaakt door de bemiddeling van vertaalster Maria Spivak. En al is het uit den boze haar vertaling het bestaansrecht toe te dienen ben ik haar dankbaar voor de Russische Potter die me werkelijk heeft kunnen redden.

Na lang van een vertaler te hebben gewacht dat ze een tekst zullen produceren 'alsof hij door de auteur zelf in deze taal zou zijn geschreven', komt de lezer langzamerhand tot het besef dat iets van het origineel onvermijdelijk verloren gaat. De vertalers hoeven de figuur van de auteur niet meer in te leven, toch staan ze voor een ander probleem, in hoeverre ze de auteur en de vertaler bijeen mogen brengen, en van welke trucjes ze gebruik moeten maken. Het Potter-geval kent twee strategieën, het netjes bewaren van alle namen en het woord-per-woord-vertaling van de woorden voor magische objecten, of het vrije loop geven aan de fantasie, zodat je de namen en objecten bij jouw cultuur dichterbij brengt. Nederlander Wiebe Budding' past de tweede strategie toe, de groep Russische vertalers proberen de originele namen te bewaren, terwijl Maria Spivak doet eigenlijk wat Wiebe Budding' ook doet. Hoe de vertaling wordt aangenomen door de lezer hangt ook deels van het land af, terwijl Wiebe Budding' met Perkamentus (Dumbledore), Hermelien Griffel (Hermione Grandger) en Zweinstein (Hogwarts) voor zijn vertaling alom wordt geprezen, zijn de uitvindingen van Maria Spivak (en eerst en vooral dat in haar vertaling Severus Snape tot Kwadus Kwaad is omgedoopt) met veel irritatie afgekeurd. De strategie van bewaren heeft echter ook merkwaardige vertaalresultaten opgeleverd. Deze breinbrekers komen in alle zeven boeken in tientallen voor, maar vallen gezamenlijk onder drie aspecten waarom het hele verhaal ronddraait. Deze drie aspecten zijn als volgt, de dood, de 'sprekende namen' en de magische objecten.

De dood

De kwestie van leven en dood loopt als rode draad door de hele Potterreeks. Hoe je de dood aanpakt, deze vraag staat centraal bij het kiezen van de partij, of men een aanbidder wordt van de Duistere Heer of, na zijn doodsangst te zijn overkomen, lid van de Orde van de Phoenix wordt. De aanbidders van de Duistere Heer zijn ook Doodsaanbidders, *deatheaters* bij J. K. Rowling. De manier waarop de naam van de onderdanen van Voldemort in verschillende talen wordt weergegeven getuigt van het verschil in hoe vertalers van allerlei nationale herkomst deze karakters zien. *Deatheaters* is eigenlijk een spel met het woord Beefeater, waarmee de bewakers van het koninklijk paleis in Groot-Britanie woorden aangeduid. De twee Russische vertalingen stellen twee versies voor, *doodvreters* (пожиратели смерти) en *doodgenieters* (упивающиеся смертью), en bij Wiebe Budding' tref je *dooddoeners*. Bij de drie versies gaat het concept van bewaking verloren, terwijl de dood overblijft.

Om een dooddoener te worden moet men iemand om het leven brengen. Draco Malfoy, de schoolgenoot van Harry Potter, wordt beloofd een status van de dooddoener nadat hij Perkamentus zal doden. Met andere woorden, een dooddoener is ook de doodkenner, hij weet hoe je een mens doet sterven. De kennis van menselijk sterfelijkheid die men krijgt eens hij van de vruchten van de Boom van kennis van goed en kwaad heeft geproefd. De Russische vertalers hebben van de deatheaters de doodvreters gemaakt, terwijl Wiebe Budding' het aspect van de handeling zelf handhaaft. Met benadrukken van actie en handeling wordt de Nederlandse Harry Potter een typisch Nederlands avonturenboek. *Doodgenieters* (het voorstel van Maria Spivak) komt qua de inhoud het dichtst bij de emotionele en intellectuele lading van deze term. Het raadplegen van de passage uit King James Bible levert het volgende resultaat op:

‘But of the fruit of the **tree** which [is] in the midst of the garden, God hath said, Ye shall not **eat** of it, neither shall ye touch it, lest ye die’ (Genesis 3:3) //Ned.: maar van de vrucht van de boom in het midden van de tuin heeft God gezegd: ‘Jullie zullen daarvan niet eten en die niet aanraken anders zullen jullie sterven [Genesis 3:3 URL].

Het begrip van eten in zijn Bijbelse zin moet dus bewaard zijn. Het gaat eerder om proeven van de verboden vrucht, en omdat een mens om zijn leven brengen ook tot zondes hoort, is mijn voorstel *de doodsproevers*. Hiermee worden de concepten van eten en kennis opdoen tegelijk duidelijk te zien.

Namen van de hoofdpersonages

Wat Wiebe Budding' wel deed en wat de Russische vertalers toch eigenlijk niet durfden is de vertaling van de eigennamen. De namen van de twee boezemvrienden van Harry Potter, Ron Weasley en Hermione Granger zijn onveranderd overgenomen in beide Russische vertalingen, terwijl Wiebe Budding' deze in het origineel per se geen sprekende namen een nieuwe klank geeft. Ron Weasley wordt bij hem Ron Wemel, een ander woord voor een zeurkous. Daarmee wordt iets opengemaakt van het karakter van Ron, net als bij Hermione die in het Nederlandse boek Hermelien Griffel wordt. De achternaam van Hermione getuigt echter van haar dreuzelafkomst, dat ze eigenlijk bij toeval bij de magi kwam horen. Met ‘Griffel’ benadrukt Wiebe Budding' Hermiones passie voor studie. Beide karakters treden dus op als karakters van een Frans klassiek toneel, hoewel het gedrag en levensbeschouwingen van Ron en Hermione mogen niet worden beperkt tot maar een karaktereigenschap.

Namen van de magische objecten

Hier valt maar een paar woorden te vermelden, al komen diverse magische objecten in alle zeven Potterboeken voor. Een mooi voorbeeld van zinsverschuiving hier is hoe de Russische en de Nederlandse vertalers omgingen met het werkinstrument van Rita Skeeter, de naar vieze sensaties zoekende journaliste die overal slentert met haar *quick-quote quill*. Het quick-quote quill is in staat zelf interviews op te nemen, op een momentje na: wat dit voorwerp opneemt heeft niet zo veel te maken met wat jij zelf hebt gezegd. Wiebe Budding' noemt dit voorwerp in het Nederlands *de fantaciteerveer* ter aanduiding dat de ware citaten in Rita Skeeters interviews worden vermengd met de fantasievruchten van de journaliste. De Russische Maria Spivak bedacht de combinatie ‘PR-principe veer’ oftewel *принципиарное перо* [Роулинг 2018: p. 124 en verder], waarmee de andere eigenschap van Rita Skeeter is aangeduid, ze is journaliste met principes die plaats maken voor vieze leugens en verdraaide feiten als ze op spoor is van een sensatie.

Tot slot wil ik nogmaals benadrukken dat bij iedere vertaling, mooi of niet, toch sprake is van zinverschuiving en het verliezen van de emotionele connotaties. Wel komt deze zinverschuiving merendeels uit de persoonlijkheid van de vertaler die de wereldbeschouwing van zijn eigen nationaliteit meedraagt. Wel lijken me de vondsten van Wiebe Budding' een beetje te oppervlakkig waardoor de filosofische lading van het boek wat minder zichtbaar wordt. De Russische Maria Spivak stelt

ondanks soms veel te riskante vondsten een ingewikkelder begrip van de Potter-wereld wat haar vertaling dichter tot het origineel brengt.

Literatuur

1. Genesis 3:3 URL: <https://biblehub.com/genesis/3-3.htm> (дата обращения: 12.09.2018)
2. Genesis 3:3 URL: <https://schriftlezing.nl/printen.php?who=QT7g0V0226SS1F69pU2Windex.php?who=0&ID=1892> (дата обращения: 13.10.2019)
3. Rowling J. K. Harry Potter en de Relieken van de Dood / vertaling Wiebe Budding'. Standaard Uitgevers, Amsterdam. 2016 – 670 p.
4. Rowling, Joanne. Harry Potter and the Deathly Hollows. Bloomsbury, 2014. – 640 p.
5. Роулинг, Джоан. Гарри Поттер и Дары Смерти/ пер. с англ. М. Спивак// М: Махаон, 2015. – 704 с.

Joseph Pearce “Vaderland”. De Armeense vertaling

Samvel Ghratyan

Lecturer, Bryusov Yerevan State University
for Foreign Languages and Social Sciences

Het centrum voor Nederlandse taal en cultuur aan de universiteit in Jerevan blijft werkzaam en op dit moment hebben we 2 groepen met 31 studenten. De ene groep – dat zijn 16 vierdejaars studenten die hun bachelorstudie dit jaar zullen afronden. De andere groep zijn deze 15 studenten die u op de foto ziet. Ze zijn tweedejaars. Ze studeren als hoofdvak Engels en als twee andere vreemde talen Grieks en Nederlands. Ze zijn met het Nederlands pas dit jaar begonnen. De colleges verlopen goed en de studenten zijn enthousiast over de Nederlandse taal.

Omdat ik voor mijn docentschap als vertaler en uitgever van Nederlandstalige literatuur heb gewerkt, zal ik graag in mijn presentatie vertellen over een paar boeken die intussen in het Armeens zijn vertaald, met name over het boek “Het vaderland” van de Vlaamse auteur Joseph Pearce.

Het eerste boek dat ik vertaald heb was het boek van een Vlaamse auteur David Sörensen “Er klopt niks van”. In dit boek verwerpt de auteur op een uitstekende manier de evolutietheorie op grond van zijn langdurige onderzoek. Het boek in details overtuigt je dat alles door God is geschapen. Dit boek kun je alleen door de Geest begrijpen.

“Ieder normaal mens heeft verstand genoeg. Je hoeft geen geleerde te zijn om over de evolutietheorie na te denken. Vandaag geven steeds meer evolutieonisten toe dat de evolutietheorie wordt gekenmerkt door onoplosbare problemen. Dat staat in schril contrast met wat de grote massa gelooft,” schrijft David Sörensen. Ten slotte: het boek wijst je de weg naar je Redder Jezus Christus.

Persoonlijk vind ik dit mijn beste en meest geslaagde vertaling.

Daarna heb ik een opdracht gekregen om het boek “Homo ludens” van de auteur Johan Huizinga te vertalen. De beroemde Nederlandse historicus heeft dit werk in 1938 voltooid. Ik moet zeggen: het was het werk dat de meeste inspanningen vergde. Nog moeilijker was het omdat er in 2005 nog geen centrum voor Nederlandse taal en cultuur in Armenië was, dus geen collega-vertalers, geen contacten met Nederland en België, geen wegwijzers. Maar dankzij een uitgever in Jerevan kwamen we in contact met het Nederlands Letterenfonds in

Amsterdam en het Letterenfonds hielp ons enorm. Ik werd uitgenodigd naar het Vertalershuis in Amsterdam waar ik gebruik kon maken van de benodigde literatuur – woordenboeken, naslagwerken – kennis kon maken met collega-vertalers uit andere landen en ook met Nederlandse en Vlaamse auteurs. Nogmaals: Homo ludens was het boek dat de meeste inspanningen vergde. Johan Huizinga beschrijft hierin op een filosofische manier dat spel een element van de cultuur is. De mens speelt eigenlijk in alle aspecten van de maatschappij. Hij is homo ludens – een spelende mens. Vanwege deze filosofische benadering van Johan Huizinga kon ik de vertaling niet voltooien zonder in details te gaan. En daarbij hebben mij vooral de levende medewerkers van het Nederlandse Letterenfonds in Amsterdam erg geholpen.

Voor de vertaling van Homo ludens ben ik met name groot dank verschuldigd aan Peter Bergsma, de directeur van het Vertalershuis voor zijn bijstand en hulp om de moeilijke en oude Nederlandse uitdrukkingen van Johan Huizinga precies te kunnen begrijpen en ook aan Barbara den Ouden, beleidsmedewerker van het Nederlands Letterenfonds. Tijdens mijn verblijf in Amsterdam maakte ik ook kennis met Vladimir Oshis, een Russische vertaler die mij ook steun verleend heeft. Op de omslag van de Armeense vertaling van Homo ludens die in 2007 is verschenen, zijn deze namen daarom vermeld. En ik moet zeggen: mijn zoon en mijn dochter hebben ook grote hulp verleend en ook zij worden van harte bedankt voor hun hulp bij de vertaling van dit boek.

In het Vertalershuis van het Letterenfonds maakte ik ook kennis met Frank Westerman, een Nederlands auteur en journalist. Frank werd in Assen hervormd opgevoed maar toen hij volwassen werd, begon hij zich af te vragen: "Waar is de God van mijn kinderbijbel? Wie of wat heeft Zijn plaats ingenomen? Wat betekent de zondvloedmythe?" Op zoek naar antwoorden besluit hij letterlijk en figuurlijk de berg Ararat te beklimmen. Zijn boek "Ararat" beschrijft deze reis. Toen ik Frank ontmoette, was het boek al in een aantal talen vertaald maar nog niet in het Armeens. Mijn zoon ging aan de slag met de Armeense vertaling. Ik ben toen uitgever geweest. En het werd een groot succes – de vertaling werd aan het Armeense publiek met een bijzondere presentatie voorgesteld, waarbij Frank zelf aanwezig was, Pieter Jan Langenberg, de voormalige ambassadeur van Armenië en Georgië en Anna Mattaar, armenologe en vertaalster. U ziet ze alle drie op deze foto.

Uiteindelijk ben ik ook in het Vertalershuis in Antwerpen geweest en heb er ook kennisgemaakt met Joseph Pearce, een Vlaamse auteur.

Joseph Pearce is een romanschrijver en recensent. Hij woont en werkt sinds 1974 in Antwerpen. Geboren in 1951. Hij debuteerde met *Land van belofte*: een familiechroniek van zijn joodse familie van vaderszijde.

In zijn roman *Vaderland* graaft Joseph Pearce een joodse familie die met haar lot en loop der gebeurtenissen in het reine probeert te komen. Het is een onvergetelijke vertelling over vaders en zonen en over vaderlanden die begint in België in het jaar 2008, op het ogenblik dat een kankerpatiënt voor euthanasie kiest. Het staat niet in het boek maar het gaat in werkelijkheid over de vader van de auteur zelf. Veel jaren terug zijnde een Brits soldaat, door zijn huwelijk met een Vlaamse belandt hij in België. Maar nu lijdt hij reeds vijf jaar aan kanker en weet zeker dat zijn lichaam onherstelbaar ziek is. En daarom wil de vader zichzelf en de familieleden niet bedriegen. De vader is opeens klaar om te sterven, alleen weet hij niet goed hoe hij hen dat moet uitleggen..

Op het afgesproken moment neemt hij met weinig woorden afscheid van zijn geliefden en als het infuus in zijn arm is aangebracht zegt hij:

"Ik heb ons familiebedrijf nooit in de steek gelaten, niet waar? Ik heb altijd mijn plicht gedaan."

In het tweede hoofdstuk van het boek gaat het weer over een onoplosbaar ogenblik in de familiegeschiedenis.

Heinrich Löwenthal heeft de concentratiekampen alleen overleefd: niemand heeft hij ooit teruggezien. Na het eind van de oorlog woont hij in een vluchtelingenkamp en later in een Amerikaanse industriestad. Hij probeert hier zijn verleden te vergeten. Naar Israël wil hij ook niet.

Heinrich Löwenthal weet niet zeker of hij zijn zoon wel als Jood zal opvoeden. Zijn vrouw raadt hem aan om er met een rabbijn over te spreken, die hem het volgende vertelt:

"Niet God zondigt, maar de mens. Jahweh blijft tegen Amalek strijden, alle geslachten door; dat wist Mozes al. Maar als de mens zijn afspraken met zijn Heer niet nakomt, groeit het kwaad binnen in hemzelf en moet de Heer tussenbeide komen."

Ook na dit gesprek met rabbijn blijft hij bij zijn mening:

"Hoe kunt u nog in God geloven, rabbijn Rosenheim? Hoe kunt u nog in slaap komen als u in Hem gelooft?"

Later een brief uit België brengt hem aan het twijfelen. De neef, die we uit het eerste verhaal kennen, had, ondanks zijn ongeloof en zijn huwelijk met een katholieke vrouw, *"de vonk van zijn joodsheid niet laten uitgaan."*

In het volgende hoofdstuk soldaat Leo Löwenthal is voor actieve dienst afgekeurd om gezondheidsredenen en hij doet dienst als kantoorklerk op een steenworp afstand van het front. Van een majoor krijgt hij te horen dat hij de gesneuvelde joden apart moet registreren en tellen. Voor de oorlog voelde hij zich eerst Duitser en daarna pas Jood. Maar met zijn vreemde bevel heeft de majoor hem de ogen geopend en zijn vaderlandsliefde is verdwenen. Hij beseft dat Joden altijd gewantrouwd zullen worden en nooit Duitsers zullen zijn.

Één van zijn broers Lothar strijdt bij Verdum en een andere broer Ludwig vecht in Vlaanderen dicht bij de Noordzee. Ze krijgen alledrie tegelijk verlof om naar huis te reizen en elkaar terug te zien. Uiteindelijk komt Leo thuis: Samuel Löwenthal zijn vader is nauwelijks herkenbaar en zijn broer Lothar is zwaar verbrand door een vlammenwerper.

“Ik heb geluk gehad. De luitenant en drie kameraden zijn verkoold,” vertelt Lothar.

Het vierde hoofdstuk is Pruisen 1870.

In deze tijd heeft een aantal joden begrepen dat het niet onverstandig is hun afkomst te verloochenen als ze carrière willen maken in het leger en het ambtelijke apparaat. De jonge Samuël Löwenthal is een volgzaam jood, die een religieuze opvoeding noodzakelijk vindt en die trots is om tot het uitverkoren volk van God te behoren. Toch geeft hij zijn arme kleermakersbestaan op en wordt een zakenman. Hij blijft schipperen tussen optimisme en wantrouwen, en voelt het gemis van een oude wereld.

In het laatste hoofdstuk – Polen 1829 – zit het spook van een terechtgestelde revolutionair op het dak van zijn ouderlijk huis. We bevinden ons in een joodse shtetl aan de Pools-Pruisische grens. Taal en verbeelding krijgen hier een merkwaardige chassidische toets. De chassidische stijl is er een met veel beelden, spreuken en vergelijkingen en meanderend langs vele zijpaden. Hier alvast een voorproefje: ‘Een worm eet een appel van binnen naar buiten op. Zodra de worm te voorschijn komt, is de vrucht te rot om op te eten’ of ‘Een jood krabt zich altijd in de baard. Of wel hij heeft zorgen, ofwel hij heeft luizen.’ Alles in dit laatste deel draait rond de vraag waarom van alle mensen het juist de Joden zijn die het zwaarst beproefd worden.

“Als er een gat in de brug is, viel de jood erdoor” is een zin die vaak in dit boek terugkomt.

Al met al is deze roman gebaseerd op waargebeurde verhalen uit het werkelijke leven van de joden. De verhalen worden door de auteur op

een onpartijdige, duidelijke en treffende manier aan de lezer voorgesteld. Dit geeft mij als vertaler de mogelijkheid om tot mijn eigen conclusie te komen. Deze fragmenten uit het leven van het Joodse volk dat gepaard gaat met wonderen getuigt nogmaals over de bijzonderheid van dit volk.

De Joden kijken naar de heersende situatie, naar de gebeurtenissen die op elkaar volgen en niet naar de uitweg, de deur die de weg openslaat tot het Vaderland.

“Ik ben de Deur; indien iemand door Mij ingaat, die zal behouden worden.” (Het Evangelie van Johannes, hoofdstuk 10, vers 9) Maar weinigen gaan – en dat geldt voor zowel het heden als het verleden – door deze deur. Een van hen is Tomas. In Het Evangelie van Johannes, hoofdstuk 14, vers 6 zei Jezus tot hem: ik ben de weg, en de waarheid en het leven. Niemand komt tot de Vader, dan door Mij.”

En waar de Vader is, daar is ook Het Vaderland.

**Страны Бенилюкс и Дания.
Языковое взаимодействие в диахроническом аспекте**

Красова Ольга Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой языков стран Северной Европы и Балтии
МГИМО МИД России, Москва
e-mail: olgakrasova@mail.ru

Olga Krasova

PhD in Linguistics, Associate Professor
Head of the Department of North European and Baltic languages,
MGIMO University, Moscow

***Аннотация.** В статье рассматривается в диахроническом аспекте процесс пополнения лексического фонда датского языка на каждом этапе его развития в результате взаимодействия с языками и культурами стран, объединённых в составе организации Бенилюкс. На этой территории проживают голландцы, фризы и фламандцы, которые говорят на языках германской группы – голландском / нидерландском, фризском и фламандском, соответственно, а также валлоны, говорящие по-французски, т.е. на романском языке. Поскольку государственные, языковые и этнические границы в данном регионе не совпадают, в процессе анализа языкового взаимодействия уделяется особое внимание всему спектру этого сложного многоязычия.*

Прослеживая историю развития и становления языкового словаря датского языка, удалось обнаружить, насколько неразрывна его связь со всеми процессами, происходящими в обществе на каждом историческом этапе.

***Ключевые слова:** общескандинавский язык-основа, древнедатский язык, ранний среднедатский период, поздний среднедатский период, ранний новодатский период, поздний новодатский период, современный датский язык, древне-фризский язык, языковая общность, средства мышления и человеческого общения.*

***Abstract.** The article reveals Danish language lexicon enrichment process upon Denmark's language and cultural interaction with the countries of Benelux Union. This diachronic aspect research is dedicated to all the steps of Danish language evolution.*

Benelux is inhabited by people, speaking both Germanic (Frisian, Flemish, Dutch) languages, and Romance languages, mostly French. State, language and ethnic borders do not match with each other in this region, and the author pays a lot of attention to the full spectrum of complicated multilingualism.

Danish lexicon evolution is closely tied with all the social processes within each historical stage.

***Keywords:** Proto-Norse Language, Old Danish, Early Middle Danish Period, Late Middle Danish Period, Early Modern Danish Period, Late Modern Danish Period, Modern Danish Language, Old Frisian Language, Thinking and Human Communication Instruments*

На протяжении всей истории своего развития словарь каждого языка находится в постоянном движении и изменении, он вбирает в себя что-то новое и избавляется от старого и ненужного. Эта смена лексических единиц обусловлена не только языковыми возможностями и потребностями общества на каждом конкретном историческом этапе его жизни, но также является и результатом взаимодействия с другими языками и культурами.

С языковой точки зрения северо-западная часть Европы представляет собой очень пёструю картину. На той территории, что мы сегодня привычно называем странами Бенилюкс, проживают голландцы, фризы и фламандцы, которые говорят на языках германской группы – голландском / нидерландском, фризском и фламандском, соответственно. Однако некоторые области населены валлонами, говорящими по-французски, т.е. на романском языке. Как это часто бывает в Европе, государственные, языковые и этнические границы здесь не совпадают, а потому, говоря о языковом взаимодействии Дании со странами Бенилюкс, следует учитывать весь спектр этого сложного многоязычия.

В процессе своего развития датский язык менялся, а вместе с этим и его лексический состав претерпевал различные изменения.

Обычно лингвисты выделяют следующие периоды в истории датского языка: общескандинавский язык-основа (200-800 г.г.), древнедатский язык (800-1100 г.г.), ранний среднедатский (1100-1350 г.г.), поздний среднедатский (1350-1525 г.г.), ранний новодатский (1525-1700 г.г.), поздний новодатский (1700-1920 г.г.), современный датский (1920 г. – по наст.время) [4, 1/6].

Первые заимствования из языка миссионеров – древне-фризского в их числе – появляются уже в древнедатском языке, когда в 826 году Ансгар, монах из Фландрии, основавший приход в Шлезвиге, добрался до территории, населённой данами. Большинство этих лексем имеют латинскую или древнегреческую основу, а в датский язык пришли вместе с первыми христианами. Считается, что Дания приняла христианство в 960 году, а вместе с христианством древнедатский язык получил огромное количество слов, прочно вошедших в обиход, и современные датчане вряд ли уже считают их чужеродными заимствованиями: *kirke* – церковь, *kristen* – христианин, *biskop* – епископ, *præst* – священник, *degn* – (шутл.) учитель, педагог (чаще в сочетании *kordegn* – псаломщик, ведущий церковные книги), *prædiken* – проповедь, *engel* – ангел, *djævel* – дьявол, *dobe* – крестить, *sjæl* – душа, *påske* – Пасха, *pinse* – Троица [Karker 1989, с.16].

Из древне-фризского были взяты также: *båd* – лодка и *klæde* – одежда.

К этому же времени относятся названия дней недели, кроме субботы. По форме они представляют собой кальки, которые переведены в датские, а точнее, общескандинавские культурологические реалии.

В Средние Века, в среднедатский период из фризского пришла словоформа *fannen*, образованная от причастия настоящего времени *fandiant* – искушающий, которая в датском превратилась в *fanden* – чёрт [2, с.248], а из древнесаксонского через нижненемецкий слово *dâb* – крещение, крестины. Одновременно появляется ряд романских заимствований бытовой лексики: *mølle* – мельница, *tegl* – черепица, *mønt* – монета, *pund* – фунт, *kobber* – медь, *vin* – вино, *skrive* – писать, *læse* – читать. Постепенно начинается процесс заимствования голландской военной и морской лексики: *flag* – флаг, *mast* – мачта.

Однако самое большое количество заимствований военной терминологии приходится на новодатский период, когда начинается активное развитие флота [Vaupell 1872, с. 56-57].

В ранний новодатский период во многом этому способствовало совместное противостояние Дании, Франции и Голландии в войне против Англии. Так, в датский язык приходит базовая морская терминология: *bak* – передняя часть палубы судна, *fartøj* – судно, *dæk* – палуба, *kahut* – каюта, *køje* – койка, *hyre* – работа на судне, за которую моряку выплачивается жалованье, *fragt* – фрахт, *kompas* – компас, *bådsmand* – боцман, *kyst* – берег, береговая линия. Через голландский язык в датском появляется французское слово *matros* – матрос [Karker 1989, с.17]. В это же время продолжается развитие торговли, открываются банки, начинают работать биржи; как следствие, в употребление входит новое понятие, отражающее возникновение этого нового явления в датской жизни – латинское слово *bursa* через голландский закрепляется в датском языке и, ассимилируясь, обретает форму *børs* – биржа.

В поздне-новодатский период морская лексика становится более специальной, в морской обиход вводится голландская техническая терминология: *forstavn / forstævn* – форштевень (носовая оконечность судна, являющаяся продолжением киля), *agterstavn* – ахтерштевень (задняя оконечность корабля в виде жёсткой балки или рамы сложной формы, на которой замыкаются вертикально киль, борт, обшивка и набор; к нему подвешивается судовой руль), *bramsejl* – брамсель (прямой парус, ставящийся на брам-рее над марселем), *hals* – галс (движение судна относительно направления ветра), *bovspryd* – бушприт (горизонтальный или наклонный брус, выступающий за форштевень парусного судна, служит, главным образом, для крепления носовых парусов), *bramstang* – брам-стенга (вертикальное рангоутное дерево, служащее продолжением стеньги; третье снизу колено составной мачты), *stagsejl* – стаксель (треугольный парус между мачтами или впереди фок-мачты ниже кливера) и многие другие специальные названия частей корабля и его устройства, а также иная морская терминология – профессиональный язык моряков [5]. Интересно отметить, что и в русском языке этот пласт специальной лексики также является заимствованным из голландского.

К концу позднего новодатского периода в моду входит французский язык, который приносит массу новых слов и понятий: *chance* – шанс, *charme* – шарм, *chok* – шок, *etape* – этап, *karriere* – карьера, *kup* – переворот, *miljø* – среда, окружение, *niveau* – уровень, *prestige* – престиж, *revanche* – реванш, *rutine* – рутина, *souvenir* – су-

венир, *brysk* – резкий, грубый, *jaloux* – ревнивый, *loyal* – лояльный, *mondæn* – светский, фешенебельный, *naiv* – наивный, *nervøs* – нервный, *sober* – трезвый, чистоплотный, *trist* – грустный, печальный, а также новые названия имён родства: *nevø* – племянник, *niece* – племянница, *kusine* – двоюродная сестра, *onkel* – дядя, *tante* – тётя. Важно отметить, что заимствованные имена родства применимы только для родственников по браку, а не по крови, ведь в датском языке были и есть слова, обозначающие родных тётю и дядю, т.е. родных брата и сестру отца и матери – *faster*, *moster* и *farbror*, *morbror*.

И это далеко не весь перечень романской лексики, пополнившей словарь датского языка к моменту его вступления в новый период своего развития – время современного датского языка. Наступила эпоха англоязычных заимствований...

Прослеживая историю развития и становления языкового словаря, можно обнаружить, насколько неразрывна его связь со всеми процессами, происходящими в обществе. Язык всегда стремится обеспечить языковую общность всеми необходимыми средствами мышления и человеческого общения в каждый исторический период развития за счёт собственного лексического фонда, а при отсутствии такой возможности восполнить словарный запас необходимыми заимствованиями, ассимилируя их в той или иной степени.

Так, на каждом этапе возникает конкретный источник, который позволяет решить эту задачу. В древнедатский период – время принятия христианства – в датский язык вливается религиозная терминология; в среднедатский период – в Средние века – с развитием науки и ремёсел в датский язык приходит научная и бытовая лексика; необходимость решения военных задач и образование национальной армии делают необходимым создание профессионального военного, военно-морского и технического словаря в поздне-новодатский период; век становления этикета и изящных манер, распространение правил хорошего тона в Европе привели к мощному потоку заимствований из французского языка, который стал в некотором смысле символом эпохи.

Таким образом, датский язык впитал в себя всё многообразие языков своих соседей – голландцев, фризов, фламандцев и валлонов – тех, кто населяет этот неоднородный с языковой точки зрения регион, имя которому Бенилюкс.

Литература

1. Karker Allan. Sproghistorisk oversigt // Nudansk ordbog. – Politikens Forlag A/S, Copehagen, 13.udgave, 11 oplag 1989. – 1106 s.
2. Nudansk ordbog. – Politikens Forlag A/S, Copehagen, 13.udgave, 11 oplag 1989. – 1106 s.
3. Vaupell Otto. Den dansk-norske-hærs Historie til Nutiden / Kjøbenhavn. : Forlaget af den Gyldendalske Boghandel, 1872. – 616 s.
4. <https://sproghistorie.dk/undervisning/1011-1-sproghistorie/slides/olander-sproghistorie-12.pdf>
5. <https://ru.wiktionary.org/wiki/>

Культуры и поведение. Граждане стран Бенилюкс глазами финнов

Шишкин Владимир Николаевич

доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки
МГИМО МИД России, Москва
E-mail: vlniksh@gmail.com

Шишкина Татьяна Альбертовна

ст. преподаватель кафедры языков стран Северной Европы и Балтии
МГИМО МИД России, Москва

Shishkin V.N.

senior lecturer European and American countries
history and politics Department,
Moscow State Institute of International Relations

Shishkina T.A.

lecturer Languages of North European and Baltic countries Department
Moscow State Institute of International Relations

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам культурного взаимодействия финнов и граждан стран Бенилюкс. Авторы хотят показать, какие критерии следует учитывать для успешного установления контактов между партнерами из стран, представляющих различные культуры. Эти критерии являются общими для любых стран и их сравнение подскажет, что может помочь, а что наоборот помешать процессу общения, как учесть и использовать в ходе межкультурной коммуникации, что объединяет и помогает партнерам лучше понять друг друга, а что, наоборот, может вызвать между ними непонимание.*

***Ключевые слова:** межкультурная коммуникация, взаимодействие культур, Финляндия, страны Бенилюкс, национальный характер, поведение*

***Abstract.** The article addresses the challenges that cultural interaction between Finns and citizens of the Benelux countries faces. The authors consider what criteria should be taken into account for the successful establishment of contacts between partners from countries representing different cultures, how to take into account in the course of intercultural communication what is common and what is different between partners.*

***Key words:** intercultural communication, cultural interaction, Finland, countries of Benelux, national character, behaviour*

В настоящее время, когда в процессе глобализации практически всех сфер человеческой деятельности, международные контакты стали обычным и повседневным явлением, все больше приходит понимание того, что языковые различия – далеко не единственная проблема, с которой люди сталкиваются в процессе межкультурного взаимодействия. Довольно часто неудачи в ходе коммуникации списывались на незаинтересованность партнеров в установлении контактов, личные качества и низкую профессиональную квалификацию переговорщика, отсутствие хорошего переводчика или другие тому подобные причины. До начала взаимодействия с иностранными партнерами обычно проводится тщательная работа по изучению собственно предмета обоюдного интереса и часто просто не остается времени для ознакомления с культурной средой, в которой оно будет проходить, т.е. системой ценностей, норм поведения, традициями и обычаями страны партнера. В связи с этим бывает сложно понять, почему так, а не иначе иностранный партнер воспринимает окружающий мир, строит отношения с другими людьми и ведет себя в деловой и повседневной жизни. Каждый воспринимает другие культуры через призму своей культуры, через, так называемые, «культурные очки» [3] которые часто мешают понять истинное значение действий, поступков, слов и жестов представителей другой культуры. «Наш этноцентризм не только мешает межкультурной коммуникации, но его еще и трудно распознать, так как это бессознательный процесс» [Фалькова:26]. Различие в культурах бывает настолько велико, что то, что является нормой в одной стране, вызывает состояние, близкое к шоку в другой.

Для успешного преодоления этих трудностей чрезвычайно важно уметь признавать и учитывать иные ценности и нормы поведения представителей другой культуры, которые сформировались в определенных исторических, географических и природно-климатических условиях. Эти условия оказывают также влияние на национальный характер, который представляет собой совокупность физических и духовных качеств, типичных для представителей какой-либо нации.

Информацию обо всех вышеперечисленных критериях можно получить разными способами – в процессе непосредственного обще-

ния и наблюдения, интервью с людьми, хорошо знакомыми с представителями другой культуры, с помощью справочной информации.

В результате обобщения всех полученных данных складывается определенный стереотип о типичных для представителей той или иной культуры чертах, особенностях и поведении.

Настоящая статья посвящена необычной теме – вопросу культурного взаимодействия финнов и граждан стран Бенилюкс, на примере которого авторы хотят показать, какие критерии следует учитывать для успешного установления контактов между партнерами из стран, представляющих различные культуры, независимо от того, какие это за страны, что может помочь, а что наоборот помешать в процессе общения, как учесть в ходе межкультурной коммуникации, что объединяет, а что различает партнеров.

Отношения между Финляндией и Нидерландами сформировались довольно давно: уже в XVII веке на голландские торговые суда с удовольствием брали физически сильных и умелых финских матросов, в то время подданных Шведского Королевства. Именно тогда в финском языке появились первые голландские лексические заимствования: *tuuma* (голл. *tuim*, русск. трюм), *matruusi* (голл. *matroos*, русск. матрос), *rörssi* (голл. *beurs*, биржа), *takila* (голл. *takelage*, такелаж), *kuugata* (голл. *schrobben*, драить), *masto* (голл. *mast*, мачта), *mörssäri* (голл. *mortier*, мортира) и другие, которые, в первую очередь, относились к сфере судоходства и военного дела и, благодаря громадному вкладу голландцев в развитие мореходства, судостроения и связанных с ними технологий, были заимствованы во многие европейские языки.

Королевства Нидерланды и Бельгия, а также Великое Герцогство Люксембург одними из первых в Европе в 1918, 1919 и 1921 году соответственно, признали государственную независимость Финляндской республики (первой её государственную независимость 31 декабря 1917 года признала Советская Россия) и вскоре обменялись дипломатическими представительствами. В настоящее время отношения между странами скреплены также общим членством в Европейском Союзе и единой европейской валютой «евро».

Нидерланды и Бельгия традиционно являются важными торговыми партнерами и инвесторами Финляндии. По данным таможи Финляндии Нидерланды занимают четвертое место по объему экспортных и пятое место по объему импортных операций, что составляет соответственно 7 и 5,6% от общего объема, а доля Бельгии – 3,3 и 2%

Особенно активно Финляндия сотрудничает со странами Бенилюкс в сфере инвестиционных проектов.

Предметами финляндского экспорта в эти страны являются лифты фирмы «Коне», продукция металлообработки, биотопливо, минеральные масла, продукция химической промышленности, никель, бумага и картон. Нидерланды поставляют в Финляндию компьютерное и промышленное оборудование, железо, металлолом, животные и растительные масла, фармацевтическую продукцию, а Бельгия – продукцию химической промышленности и пластмассы.

Во всех странах Бенилюкс работают представительства финляндских компаний: «Коне», «Санома», «Несте Ойл», «Нокиа», «УПМ», «Хухтамяки», «Стура Энсо», «Вяртсиля» и др., а также финляндско-нидерландская и финляндско-бельгийская торгово-промышленные палаты, которые активно способствуют поддержанию и расширению торгово-экономических связей между странами политического, экономического и таможенного союза.

Посредником в продвижении финской культуры в этих странах выступает основанный в 1993 году институт Бенилюкс, расположенный в Брюсселе, который пропагандирует финскую культуру и ежегодно организует во всех трех странах различные культурные мероприятия, как то: художественные выставки, ярмарки, концерты, фестивали.

Тесные контакты в торговле, инвестиционной деятельности и культуре делают необходимым пребывание довольно большого количества граждан Финляндии в странах Бенилюкс: 5000 финнов проживает в Нидерландах, более 3000 в Бельгии и 500 человек в Люксембурге. В основном это сотрудники финских компаний и члены их семей, студенты и супруги граждан стран Бенилюкс. Местом встречи голландских финнов является Морская церковь в Роттердаме, где экспаты имеют возможность пообщаться на родном языке за чашкой кофе, сходить в сауну, отметить по финскому обычаю праздники и справлять религиозный культ.

Финляндия, экономика которой является импортно-ориентированной, всегда прекрасно понимала, что залогом успешности международных контактов является постоянный мониторинг за всеми событиями, происходящими в странах потенциальных партнеров с целью нахождения ниши для расширения своего присутствия в стране партнера.

Хорошим примером такой работы является статья, опубликованная на сайте Министерства иностранных дел Финляндии, в которой

сообщается о принятии в Нидерландах Национального Соглашения по климату и содержатся оценки экспертов потенциала финляндских предприятиях по их возможному участию в реализации этой программы с точки зрения поставки оборудования для электротранспорта, хранения и накопления энергии, дальнейшего развития водородной энергетики, а также обзоры под рубрикой «Финляндия в зарубежных средствах массовой информации» [6]

В ходе работы над статьей авторы использовали также несколько интервью с финнами, проживающими или ведущими бизнес в Нидерландах, Бельгии и Люксембурге, материалы финских средств массовой информации и блогов, из которых становится ясно, что общего у финнов и граждан Бенилюкс, а какие черты национального характера привлекают, а какие раздражают спокойных и невозмутимых финнов. Авторы статьи предлагают сводную сравнительную таблицу по основным аспектам, характеризующим особенности культуры и поведения.

Перечень этих аспектов, в среднем 40-50 показателей, был предложен Институтом международной торговли Финляндии при составлении справочника «Культура и поведение. 90 стран глазами бизнесмена» [2] на основании нескольких сот интервью с представителями финляндского бизнеса, имеющими многолетний опыт работы в различных странах. Такими аспектами, по их мнению, являются (в алфавитном порядке): алкоголь, беседа, благодарность, вероисповедание, визитные карточки, возраст, время работы, да/нет, деньги, дружба, женщины в бизнесе, еда, знакомство, застольный этикет, отношение к иностранцам, комплименты, курение, стиль менеджмента, неформальное общение, обращение, стиль одежды, патриотизм, обычаи, подарки, представительские мероприятия, протокол, пунктуальность, рабочее и свободное время, радушие, речи, семья, символы, табу, тосты, хобби, цвета, цветы, церемонии, чаевые, языки и др.

Для лучшего понимания общих и различных критериев для финнов и граждан Бенилюкс авторы включили в таблицу графу с данными по Финляндии, составленную ими на основании собственного многолетнего опыта общения с гражданами соседней страны.

Финнам, которые собираются переехать, вести свой бизнес или иным образом начать тесно общаться нидерландцами, бельгийцами или люксембуржцами рекомендуется учитывать следующие существенные моменты:

	Финляндия	Бельгия	Люксембург	Нидерланды
Алкоголь	водка, пиво, вино	пиво	вино	пиво
Беседа	спорт, политика	спорт, политика	политика, Европа	политика, бизнес
Возраст	многие руководители молоды	возраст = опыт	не имеет значения	нет возрастной иерархии
Время	пунктуальны	приветствуется пунктуальность	понятие растяжимое	пунктуальны
Женщины в бизнесе	много	редко занимают ведущие посты	почти не участвуют	немного
Да/Нет	Да – это ДА! Нет – это НЕТ! И никогда «да, но».	Нет, но ...	Нет, но ...	Да, но...
Менеджмент	комплексный, ближе к авторитарному	консервативный	по-французски авторитарный, но с новыми более демократическими тенденциями	открытый, но руководитель всегда прав
Символы	сине-белый скандинавский крест, «Финляндский лев», кружка «кукса» лев	лев	красно-бело-светло-синий флаг, герб, золотая фрау	оранжевый, клопы, мельницы и сыры
Табу	финляндизация, войны	языковые и культурные различия в стране	семья и дом	оккупация
Хобби	хоккей, лыжи, прогулки на свежем воздухе, дача, в последнее время – гольф	футбол	прогулки на свежем воздухе	футбол, проведение времени на свежем воздухе, уход за садом, теннис, гольф
Языки	все финны моложе 50 лет сносно говорят по-английски	французский, фламандский, можно объясниться по-английски	французский, немецкий, в некоторой степени английский	голландский, фризский, английский (86%), немного французский и немецкий

На основании проведенного анализа можно утверждать, что у финнов больше всего общего с гражданами Нидерландов: их объединяет не только общий любимый напиток пиво, но и жесткая пунктуальность, патриотизм, излюбленные темы для беседы, схожесть в выборе хобби, одинаковый стиль менеджмента, знание английского языка и даже символика. Один из финских национальных символов – деревянная кружка «kukksa», очень похожа на знаменитые голландские клomпы, а сине-белые «свечи независимости» зажигаются в окне почти каждого финского дома 6 декабря, когда Финляндия празднует День независимости, так же как и оранжевый цвет в одежде 27 апреля в День Короля. Сине-белые цвета национального флага Финляндии всегда присутствуют в атрибутике болельщиков, так же как и оранжевые в дни, когда играет сборная Нидерландов по футболу. Страны объединяет также и любовь к спорту, хотя финны удивляет, когда оказывается, его собеседник-голландец в разговоре о хоккее имеет ввиду хоккей на траве.

Наибольшие сложности могут возникнуть в общении финнов с представителями герцогства Люксембургского, которые наименее пунктуальны из всех жителей стран Бенилюкса, предпочитают говорить по-французски или по-немецки, которыми редко владеют финны, и придерживаются авторитарного стиля руководства предприятием.

Несмотря на то, что у финнов и голландцев много общего, стоит обратить внимание на некоторые особенности, которые, по мнению финнов, отличают голландцев от граждан других стран. Во-первых, финны обращают внимание на их высокий рост – 183 см у мужчин и 171 см у женщин (у финнов 179 см и 166 см соответственно).

Во-вторых, несмотря на большую популярность велосипедного транспорта в Финляндии, после поездки в Нидерланды финны восхищаются прекрасной велосипедной инфраструктурой в этой стране.

В-третьих, особенно в последнее время, после череды скандалов в сфере социального обеспечения и здравоохранения в Финляндии, финны отмечают очень высокий уровень системы здравоохранения в странах Бенилюкс.

В четвертых, они выделяют, как положительную черту национального характера, особенно голландцев, высочайшую самооценку и коммуникабельность, позитивность и желание экспериментировать.

Однако часто финны испытывают в Нидерландах раздражение, приезжая в Амстердам на Пасху и оказываясь среди толпы туристов.

В это время на сравнительно небольшой территории страны, площадью всего в 41 543 км² и населением в 17 миллионов человек, иногда веселится и пьет пиво еще и 950 000 туристов [6]. Для сравнения стоит привести следующие цифры: площадь Финляндии составляет 338 424 км² и на ней проживает 5,5 миллионов жителей, чтобы стало понятно, почему финны так ценят свое личное пространство и не любят большого скопления людей. Они комфортно чувствуют себя, разговаривая с собеседником, сидящим на противоположном по диагонали конце стола.

В этой же связи можно отметить еще одну особенность голландцев, вызывающую неприятие у финнов – поцелуи по три раза в щеки при встрече и расставании даже с малознакомыми людьми [5].

Финнам также не нравятся заявления голландцев и бельгийцев типа: «Тебе не может быть у нас холодно, ты же финн!». Для сравнения снова можно привести цифры: средняя температура зимой в Юго-Западной Финляндии, где проживает большая часть населения страны, – 4,2°, а в Амстердаме +3,4°.

Различие культур проявляется также и в непонимании гастрономических предпочтений голландцев, а именно: вкусовых тонкостей голландских сыров и, самое главное, в свойственной для финнов прямоте при оценке их качества: «А так ли уж хороши голландские сыры?». У голландцев это может вызвать обиду, поскольку сыр, во-первых, предмет их национальной гордости, а во-вторых, голландцы очень гордятся всем отечественным. Из кулинарных особенностей голландской еды финны отмечают еще и приторный привкус горького миндаля, который ощущается во многих продуктах, например, в пирожных, йогурте, пудинге, особенно на Рождество [5].

Финская прямолинейность и правдолюбие все-таки не могут сравниться с голландскими. Советы продавца в магазине «Скинз косметикс» тридцатилетней финке купить по акции новый омолаживающий крем для лица, прозвучавшие как «Посмотри, у тебя же уже начинает обвисать кожа на подбородке!», не вызвали ничего, кроме удивления и раздражения. То же касается и общения финок с нетактичными голландскими подругами, которые могут во всеуслышание спросить: «Слушай, когда ты наконец соберешься худеть?» [5].

Раздражение и непонимание у финнов, естественно, вызывает и голландская «сауна», в которой, по рассказам финнов, нет ни каменки, ни ковша, чтобы подбросить пару, а время нахождения в сауне строго регламентировано.

Выводы

Культура – общечеловеческие ценности, установки, нормы поведения – оказывает большое внимание на общение между людьми из различных стран. Тем самым она оказывает влияние на формы и способы международной деятельности: политики, торговли, культурного обмена. Предпосылками для ее успешного осуществления является понимание и уважение культуры страны партнера, принятие существующих различий и умение адаптироваться к ним в ходе международного общения, однако не менее важно глубоко знать культуру своей страны и обладать искренним чувством патриотизма, всегда вызывающим неподдельное уважение у иностранных партнеров. Как отмечал известный культуролог Ю. М. Лотман «Всякое общение есть воспитание, так как те, кто хотят общаться, должны настроиться на общую волну, стремиться к взаимопониманию и, следовательно, в чем-то уподобиться друг другу» [1:159].

Литература

1. Лотман Ю. М. Воспитание души. – СПб.: Искусство–СПБ, 2005. – 622с.
2. Культура и поведение. 90 стран глазами бизнесмена. Центр обучения международной торговли «Финтра». М.: АНХ при правительстве Российской Федерации. 2000. — 348 с.
3. Фалькова Е.Г. Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определе– ниях: Методическое пособие. — СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2007. — 77 с.
4. Hall E. T. Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans. Intercultural Press, 1990.
5. Интервью с Хейкки Лахелма, Соле Моландер
6. <https://www.hannavayrynen.com>
7. <https://um.fi/>

Нидерланды и Швеция: взгляд друг на друга в контексте современности

Дианина Светлана Юрьевна

к.филос.н., ст. преподаватель кафедры стран Северной Европы и Балтии МГИМО МИД России, Москва
e-mail: dianina.svetlana@gmail.com

Катушева Елена Константиновна

ст. преподаватель кафедры стран Северной Европы и Балтии МГИМО МИД России, Москва

Svetlana Dianina

PhD in Philosophy, senior lecturer at the Department of North European and Baltic languages, MGIMO University, Moscow

Elena Katusheva

senior lecturer at the Department of North European and Baltic languages, MGIMO University, Moscow

***Аннотация.** Целью данной работы является определение темпов динамики отношений между Нидерландами и Швецией на современном этапе, что в свою очередь позволяет дать прогноз нидерландско-шведских отношений на долгосрочную перспективу и определить закономерности взаимодействия двух стран для обеспечения устойчивого и конструктивного партнерства и сотрудничества. Для выполнения цели необходимо четкое определение проблематики общих интересов стран и анализ модели взаимоотношений Нидерландов и Швеции.*

Большой интерес вызывают исследования, проведенные различными организациями и посвященные отношению голландцев к Швеции или граждан обществ двух стран к тем или иным социальным проблемам. Проведение такого рода анкетирования населения стран позволило определить наличие у граждан Голландии ряда устойчивых ассоциаций по отношению к скандинавскому государству: равенство, процессы миграции, права человека, образование, наука, инновации.

Несмотря на некоторые различия в некоторых областях политики: например семейной или социальной, существуют предпосылки укрепления и дальнейшего развития равноправных и плодотворных

отношений между двумя странами с вовлечением природных, производственных и технологических ресурсов государств.

Ключевые слова: Нидерланды, Швеция, международные отношения, международное сотрудничество, социальная политика.

Netherlands and Sweden: look at each other in the modern context

The aim of this article is to determine the dynamics of relations between the Netherlands and Sweden at the present stage, which in its turn allows to forecast the long-term Netherlands -Swedish relations and determine the patterns of interaction between the two countries in order to ensure sustainable and constructive partnership and cooperation. To achieve the goal, a clear definition of the problems of the common interests of the countries and an analysis of the relationship model between the Netherlands and Sweden are necessary.

Of great interest are studies conducted by various organizations on the attitude of the Dutch towards Sweden or citizens of these two countries' societies to one or another social problem. Conducting such surveys of the countries' population made it possible to determine whether Dutch citizens have a number of stable associations with respect to the Scandinavian state: equality, migration processes, human rights, education, science, innovations.

Despite some differences in some areas of politics: for example, family or social, there are prerequisites for strengthening and further development of equal and fruitful relations between the two countries with the involvement of natural, industrial and technological resources of the states.

Key words: Netherlands, Sweden, international relations, international cooperation, social policy.

Изучение обществ других стран, знакомство с их традициями, осуществляется не только ради любознательности, оно создает базу для изучения современности с учетом исторического опыта. Лучше узнав характер и особенности других народов, можно глубже проникнуть в их мировоззрение, систему ценностей, понять их образ жизни и мыслей. В настоящее время, когда при взаимодействии разных стран множество из них сталкивается друг с другом в качестве равноправных субъектов, все большее распространение получает

концепция межкультурного диалога, которая рассматривается как неотъемлемая часть формирования нового качественного состояния современных международных отношений.

Нидерланды, характеризующиеся богатством и своеобразием своей культуры, утверждают идеи национальной идентичности, но в то же время ведут активное взаимодействие с внешней международной средой, при этом довольно разнообразной в аспекте своих конфессиональных, политических, экономических, социальных и культурных характеристик. Нидерланды на протяжении многих лет создавали вокруг себя систему связей в социальных, экономических, научно-технических, культурных и политических областях. Это государство является членом ООН (с 1945 года) и состоит в ряде специализированных учреждений ООН (ЮНЕСКО, ВОЗ, ИКАО, МАГАТЭ и других), также является членом НАТО, ЕС, СЕ, ОБСЕ, ВТО, Интерпола и др.

Если говорить о структуре внешней политики Нидерландов, здесь следует особо выделить активное участие в евроатлантических процессах по линии ЕС и НАТО, взаимодействие со странами, имеющими исторические связи с Королевством, а также деятельность в рамках различных международных структур и проектов. Одним из таких государств, безусловно, является Швеция, сотрудничество с которой носит долговременный и конструктивный характер и охватывает большое число сфер общественной жизни. Отношения двух этих стран носят давний характер – Нидерланды – первая страна, с которой Швеция обменялась постоянным послом. В результате в 2019 году страны отметили 405 лет прочных дипломатических отношений между странами [Regeringskansliet, 2019]. Кроме того, в рамках ЕС Швеция и Нидерланды являются близкими партнерами, активно ведут диалог по международным вопросам и по различным вопросам культур, что способствует устранению непонимания, сближает позиции и создает почву для большего обеспечения прав наций и государств путем установления равноправия и мира на международной арене.

Представители стран неоднократно делали акцент на том, что обе страны работают вместе, чтобы развивать внутренний рынок и продвигать торговлю и инвестиции как в Европе, так и во всем мире. В числе общих приоритетов стран – защита основных прав и свобод, равенство, сотрудничество на международном уровне, в том числе в рамках усилий по содействию миру и борьбе с бедностью в мире.

Особую актуальность в последние несколько лет приобретает распространение культурных стандартов сохранения этнокультурного многообразия и самобытных традиций в сочетании с развитием диалога и контактов.

Для определения проблематики общих интересов, направлений дальнейшего развития и поддержки механизма реализации решений и договоренностей необходим анализ парадигмы взаимоотношений двух стран и четкое представление имиджа друг друга в рамках международных отношений и взаимодействий обществ этих государств. Так, в XIX веке представления о других странах, уровне их экономического и политического развития, а также культурных особенностях населяющих их народов складывались в основном на базе информации, получаемой из печатных источников, либо на основе личных впечатлений, полученных во время поездок в эти страны. В настоящее время возможности человека получить и обработать информацию, безусловно, гораздо шире. Число средств для этого постоянно возрастает. Сейчас существует возможность сформировать свое мнение о чем-либо, сверившись с официальными данными, статистикой или ознакомившись с исследованием на эту тему. В свете углубления конструктивного диалога между Нидерландами и Швецией заметно усилился взаимный интерес сторон к изучению истории шведско-нидерландских отношений, к использованию исторического опыта взаимовыгодного сотрудничества для упрочения двусторонних связей и большего раскрытия их потенциала.

Шведский институт совместно с Посольством Швеции в Гааге и исследовательским предприятием Netigate/CINT в апреле-мае 2018 года провел исследование посредством анкетирования, посвященное изучению образа Швеции в Нидерландах. Одна из ключевых задач этой государственной организации – постоянно поддерживать и повышать уровень международного доверия к Швеции. Поэтому представители шведской власти инициировали данное исследование с целью попытки определить возможную трансформацию имиджа государства за рубежом. В годовом отчете, касающемся имиджа Швеции за границей, особый акцент аналитики Шведского института сделали на данных из Нидерландов. Анкеты, распространяемые аналитиками организации, включали в себя ряд вопросов, затрагивающих отношение к тому или иному предмету или явлению и ассоциации, связанные с этим. Количество респондентов составило 2003 человека.

Важно отметить, что в ходе исследования респонденты в Нидерландах давали ответ на вопрос «*Как вы относитесь к следующим странам (по шкале от 1 до 10)?*», в числе которых помимо скандинавских стран (Финляндии, Дании, Норвегии и Швеции) были также Германия, Франция и США. Показатели распределились следующим образом: Финляндия (7,13), Дания (7,24), Норвегия (7,34), Швеция (7,37), Германия (6,96), Франция (6,47), США (6) [Bildens av Sverige i Nederländerna, 2019]. Результаты показывают, что участники опроса в Нидерландах достаточно позитивно относятся к странам Северной Европы в целом, и к Швеции в частности, выдвигая ее на первое место среди остальных.

Стоит отметить, что изображение Швеции в Нидерландах весьма позитивно: у большинства – 58% скандинавского государства носит устойчивый и положительный характер [Bildens av Sverige i Nederländerna, 2019]. Исследование также подтверждает тенденцию, отмеченную ранее, что те, кто более позитивно настроен по отношению к Швеции и имеет более высокий уровень знаний о стране, в большей степени заинтересован в посещении ее, жизни в ней и ведении бизнеса со Швецией.

Также важно отметить, что представление о Швеции носит более позитивный характер среди тех, кто посетил страну в качестве туриста или у кого есть друзья или знакомые в этой скандинавской стране: 40% этой группы утверждают, что получили положительное впечатление от поездки и пребывания в стране. Также большую роль играет туризм – только 6% людей, которые посещали Швецию, отметили негативное отношение к стране, в то время как 32% даже указали на улучшение имиджа Швеции в последние годы. Туристы из Нидерландов являются четвертой по величине туристической группой в Швеции. Каждый год около 500–1000 голландцев переезжают сюда, предпочтительно для учебы или работы, а число голландских граждан, проживающих в Швеции, составляет около 10 000 человек. Около 600 шведов эмигрируют в Нидерланды каждый год, и 6000 шведов живут в Нидерландах, и многие шведские молодые люди учатся в стране в рамках программы Erasmus [Sveriges regering, 2019].

Обмен посетителями является относительно обширным на всех уровнях, и связи между королевскими домами крепки.

В этом контексте можно сделать вывод, что опыт шведского общества, функционирование его модели, способствует формированию

позитивного имиджа страны. При этом важно учитывать определенность временного периода: 15% респондентов указывают на то, что получили более позитивную картину страны за последние три года, для 4% этот опыт стал скорее негативным, остальные участники опроса ответили, что их представление осталось неизменным [Bildn av Sverige i Nederländerna, 2019]. Безусловно, тот факт, что почти в четыре раза больше респондентов отмечают положительные черты развития, говорит о том, что тенденция имиджа Швеции движется в правильном направлении. Безусловно, обе страны в последнее время сталкивались с вызовами, одним из которых является иммиграционный кризис в ЕС. Колумнист голландской газеты «**de Volkskrant**» («Фолксскрант») Берт Вагендорп отмечал в комментарии шведской газете «**Aftonbladet**» (Афтонбладет), что для левых голландских СМИ Швеция, благодаря своей организации, рассматривается как пример прогрессивного подхода к кризису. По его словам, в Нидерландах люди весьма негативно относились к потокам беженцев, а Швеция стала положительным примером того, как справиться с этой ситуацией [Larsson, 2015].

Второй момент, на котором делают акцент представители Нидерландов: ценностная близость двух стран, то есть ценности, которые лежат в основе функционирования государства и, следовательно, накладывают отпечаток и на его политическое, экономическое и культурное взаимодействие с другими странами. Швеция тесно связана с вопросами устойчивого развития и культуры. Стоит отметить, что у голландцев существует ряд ассоциаций по отношению к скандинавскому государству – это равенство, процессы миграции, права человека, образование, наука, инновации.

Культура является одним из способов трактования той или иной особенности менталитета народа, его характерных черт. Однако эта способность не только роднит разные культуры, создавая условия для «перевода» в самом широком понимании этого слова [Смирнов, 2016]. Именно этой способностью культуры как раз отличаются друг от друга, нередко накладывая «другие» смыслы на «свои» смыслы в процессе их адаптации к своему образу мыслей [Силантьева, 2015]. Исследование показало, что в культурной сфере самыми частыми ассоциациями у голландцев стали, прежде всего, шведские сериалы, музыка, архитектура, дизайн и мода.

Если говорить о представлениях, ассоциируемых с устойчивостью, то это шведская экономика и индустрия, которая в основном

связана с автомобильной промышленностью, зелеными технологиями и дизайном.

Представляет интерес ответ голландцев на вопрос, считают ли они Швецию отличной от своей страны проживания. Авторы исследования выделили несколько позиций, с которыми чаще всего, по их мнению, сталкиваются респонденты. Так, представители Нидерландов считают Швецию более дорогой страной, а также более коллективистской. Кроме того, по их мнению, Нидерланды являются более безопасной страной, но при этом более бюрократической, чем Швеция.

Для полноты картины необходимо затронуть и идеологическую составляющую: респонденты, занимающие левые позиции, в целом более позитивны по отношению к Швеции. Стоит отметить, что левые в Нидерландах ассоциируют Швецию в основном с вопросами устойчивости и гендерного равенства, в то время как респонденты, утверждающие, что придерживаются правых взглядов, чаще связывают Швецию с проблемами миграции.

Любопытно, что в Нидерландах гендерные и возрастные факторы, по-видимому, не играют большой роли в процессе формирования отношения к Швеции. Тем не менее, значение имеет *географический* аспект – то есть то, где живут респонденты: в небольших городах уровень позитивного имиджа Швеции выше, чем в крупных. Здесь тенденция носит любопытный характер, так как при вышесказанном респонденты в больших городах отмечают, что в последние годы их представление о Швеции улучшилось.

Несомненно, в ходе процесса формирования отношения к какому-либо предмету или явлению нельзя недооценивать роль медиа. Респонденты, которые используют социальные медиа-платформы (Twitter, Facebook) в качестве основного источника новостей, по-видимому, несколько хуже воспринимают Швецию. В то время как обратное относится к респондентам, которые в основном используют традиционные новостные СМИ в качестве своего основного источника получения информации.

Сегодня двустороннее сотрудничество охватывает несколько социальных областей, включая исследования и разработки, окружающую среду, информационные технологии и творческие отрасли. Нидерланды являются одним из ведущих торговых партнеров Швеции, и в стране активно работают многие шведские компании. Биоэнергетика, биотопливо, телекоммуникации, экологические технологии

и здравоохранение (медицинские технологии) являются секторами, в которых Швеция обладает особыми знаниями и опытом в отношении голландского рынка.

Нидерланды являются седьмым по величине рынком экспорта для Швеции и на их долю приходится 5,5% от всего объема экспорта. На Нидерланды приходится около 8% импорта Швеции и, таким образом, страна является вторым по величине источником импортных товаров (2016) [Landpromemoria – Nederländerna, 2017]. Цифровизация голландского рынка, выгодна шведским компаниям, которые производят инновационные и качественные продукты. Около 450 шведских компаний зарегистрированы в Нидерландах, например компания Business Sweden имеет офис в Гааге, а Шведская торговая палата (Svenska handelskammaren) и компания VisitSweden находится в Амстердаме.

Если основываться на данных информационной справки Посольства Швеции в Гааге о Нидерландах (Landpromemoria – Nederländerna, 2017), то, по мнению представителей Швеции, оба государства в настоящее время сталкиваются с идентичными социальными проблемами: имеет место быстрый темп старения населения и усиление процесса урбанизации, также они являются открытыми обществами по отношению к остальному мировому сообществу и активно способствуют процессам торговли и интернационализации. «Мы, шведы и голландцы, настолько одинаковы, что часто не готовы к столкновениям, которые могут возникать между нами в ходе работы» [Ölandsbladet, 2007], – утверждает Фольке Лундберг, представитель Шведской торговой палаты в Нидерландах. «Но наши культуры при взаимодействии редко терпят крах, мы две процветающие страны», – добавляет он. Кроме того, Лундберг указывает на тот факт, что, по его наблюдениям, Голландия – государство, которое больше всего похоже на Швецию за пределами скандинавских стран. Но если говорить о различиях в характере, то голландцы, по его мнению, более открытые и прямые при личном общении. Кроме того, профессия Лундберга дает ему возможность сформировать представление о взаимодействии двух культур в контексте торговых отношений. Так, он полагает, что шведы более осторожны, что дает голландцам основания считать, что на самом деле швед не знает, чего он хочет добиться, и поэтому представители Нидерландов предпринимают попытку снизить цену: «Шведы счастливы, если доберутся до приемлемого уровня, а голландцы не стесняются

торговаться до самой низкой цены» [Ölandsbladet, 2007]. Эти тезисы о шведах и голландцах в бизнесе подтверждает Каллет Лосич, голландка, основатель собственной компании Market Link Scandinavia в Швеции: «Шведы более замкнуты, но их решения могут быть более вдумчивы, а голландцы следуют открытой технике продаж, что может несколько напугать скандинавов». Кроме того, она отмечает разницу в самой системе координации рабочей деятельности компаний, по ее мнению, у большинства шведских компаний горизонтальная организация труда, где менеджер – один в команде, в то время как в Нидерландах большинство компаний более иерархично. «Один человек принимает решение, и все остальные подчиняются. Это также может способствовать некоторым культурным столкновениям» [Lосic, 2014], – считает специалист.

Что касается **семейной политики**, то основное различие, по мнению представителей Швеции, заключается в ее некоторых аспектах и, как следствие, в положении женщин на рынке труда. В Нидерландах согласно статистике самое большое среди стран Европы количество работающих женщин с неполной занятостью: чуть более 70% всех женщин в возрасте от 24 до 54 лет работают неполный рабочий день, так как уход за детьми достаточно дорогой и многие матери предпочитают остаться дома с детьми полностью или частично.

Нидерланды имеют более либеральные по сравнению со Швецией взгляды в отношении регулирования проводимой наркотической политики и проституции, хоть и строго регламентированные и, безусловно, с рядом ограничений. Здесь объяснением может послужить вера в свободный выбор индивида также частично может служить объяснением.

Помимо экономических и личностных отношений в межкультурных контактах важную роль имеют межгосударственные отношения. Высокий уровень политических и дипломатических отношений между Швецией и Нидерландами доказывает и достаточно регулярный характер визитов на разных уровнях. Так, в 2017 году премьер-министр Швеции Стефан Лёвен посетил Нидерланды, чтобы принять участие во встрече с премьер-министром Марком Рютте и другими представителями правительства страны Бенилюкса, Северной Европы и Балтии. Министр по делам ЕС и торговли Швеции Анн Линде посетила Гаагу в 2016 году для встречи с министром финансов Хенком Кампом, а также министром иностранных дел Бертом Коен-

дерсом и министром торговли и развития Лилиан Плумен. Риксдаг также проявляет большой интерес к посещению Нидерландов. Осенью 2016 года представители Комитета по промышленности, транспорту и транспорту Швеции посетили сотрудники Инспекции по стратегическим продуктам (ISP)/ Совета по экспортному контролю (EKR) Нидерландов. Также можно отметить, что наследная принцесса Швеции Виктория посетила Гаагу 26 апреля 2017 года для участия в церемонии открытия праздничного мероприятия в честь 20-летия Конвенции по химическому оружию. В мае 2018 года для обсуждения ситуации в области безопасности региона Балтийского моря Швецию посетила министр обороны Нидерландов Анк Бейлелд-Шоутен. А в марте 2019 году в Нидерланды прибыл премьер-министр Швеции Стефан Лёвен, целью визита которого было обсуждение актуальных вопросов, связанных с ситуацией в ЕС, и вопросы двустороннего сотрудничества.

Таким образом, можно констатировать, что имидж Швеции и Нидерландов в глазах граждан обеих стран достаточно высок. Прежде всего, представители Нидерландов ассоциируют Швецию с системой всеобщего благосостояния, природой и защитой окружающей среды, образом современной страны.

Несмотря на то что точные статистические данные относительно имиджа Нидерландов за рубежом отсутствуют, можно на основе документов Посольства Швеции в Нидерландах и материалов масс-медиа сделать вывод, что представители шведского общества также имеют достаточно высокое мнение о королевстве. Для дальнейшего успешного диалога и его динамичного развития необходимо учитывать возможные различия в миграционных и мировоззренческих процессах, при этом учитывая, что постоянный диалог культур создаёт предпосылки для устойчивого развития обеих стран.

При укреплении равноправных и взаимовыгодных отношений между странами – Швецией и Нидерландами – существует возможность создавать предпосылки для широкого двустороннего сотрудничества, вовлекая в этот процесс природные, производственные и технологические ресурсы государств. Предполагается, что эта работа требует объединения усилий многих государственных и правительственных ведомств, представителей деловых кругов, четкой координации на разных дипломатических, политических и культурных уровнях.

Литература

1. Bilden av Sverige i Nederländerna. [Электронный ресурс] <https://si.se/app/uploads/2018/06/bilden-av-sverige-i-nederlanderna.pdf> (дата обращения: 01.04.2019)
2. Landpromemoria – Nederländerna [Электронный ресурс] <https://www.swedenabroad.se/globalassets/ambassader/nederlanderna-haag/documents/landpromemoria-nl-december-2017.pdf> дата обращения: 24.03.2019).
3. Larsson P.J. Sverige håller på att braka samman” [Электронный ресурс] <https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/yvVd0E/sverige-haller-pa-att-braka-samman>
4. Losic C.T. Med holländska ögon i företag Skandinavien. [Электронный ресурс] <https://www.svd.se/med-hollandska-ogon-i-foretagar-skandinavien> (дата обращения: 02.04.2019).
5. Mötet mellan svenskar och holländare- kulturkrockar? [Электронный ресурс] <http://www.olandsbladet.se/kulturnoje/motet-mellan-svenskar-och-hollandare-kulturkrockar/> (дата обращения: 24.03.2019).
6. Sveriges regering – Nederländerna. [Электронный ресурс] <https://www.regeringen.se/sveriges-regering/utrikesdepartementet/sveriges-diplomatiska-forbindelser/europa-och-centralasien/nederlanderna/>
7. Силантьева М.В. “Другой” в горизонте свободы (попытка диалога сквозь тусклое стекло стереотипов // Ricerche slavistiche. 2015. № 13 (59). С. 153-170.
8. Смирнов А.В. Пропозиция и предикация // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 1. С. 5-24.

Научное издание

Нидерланды и Бельгия: история, язык, идентичность

Подписано в печать 12.12.2019.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 11.
Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Ключ-С»
119180, Москва, ул. Большая Полянка, д. 7/10, стр. 3
Тел./факс: (495) 640-87-93
www.kluch-s.ru